Коридоры власти:

как Пекин использует экономические, общественные и неформальные деловые связи с целью оказания влияния в рамках «Шелкового пути»

Саманта Кастер, Джастин Шон, Ана Хоригоси, Дивья Мэтью, Брайан Бергесс, Вера Чу, Амбер Хатчинсон, Остин Бэр и Келси Маршалл

Декабрь 2021

AIDDATA
A Research Lab at William & Mary

Выражение признательности

Настоящий отчет подготовили Саманта Кастер, Джастин Шон, Ана Хоригоси, Дивья Мэтью, Брайан Бергесс, Вера Чу, Амбер Хатчинсон, Остин Бэр и Келси Маршалл (лаборатория AidData научно-исследовательского института Уильяма и Мэри). Результаты и выводы, указанные в отчете, представляют точку зрения авторов и не обязательно отражают мнение финансирующих сторон и участников процесса подготовки отчета, которых мы благодарим ниже.

Родни Найт участвовал в процессе разработки структуры исследования и контроля качества для обеспечения соответствия методов исследования поставленной задаче и тщательной проверки точности результатов. Кристиан Бэр курировал процесс геопривязки наших данных с целью получения более детальной информации об охвате и объеме инициатив Китая на субнациональном уровне. Аммар А. Малик предоставил ценную обратную связь о выводах и заключениях. Мы благодарим респондентов, которые любезно согласились участвовать в нашем экспресс-опросе, предоставив информацию о своем отношении к иностранным государствам в регионе Южной и Центральной Азии, выразив мнение о деятельности этих государств в сфере публичной дипломатии, а также их текущем и желательном уровне владения иностранными языками. Мы признательны профильным экспертам, которые выделили нам время и поделились с нами своими идеями в ходе предварительных интервью при подготовке этого отчета. Группа по вопросам коммуникаций лаборатории AidData в составе Джона Кастера, Сарины Паттерсон и Паркера Кима внесла значительный вклад в создание впечатляющих визуальных материалов, а также в окончательное форматирование, оформление и редактирование, которые, как мы надеемся, повысят интерес читателей к настоящей публикации.

Поскольку настоящий отчет является вторым отчетом этой серии публикаций о влиянии Китая в Центральной и Южной Азии, мы используем наработки наших коллег, которые помогли собрать и проанализировать предварительные данные о публичной дипломатии Китая, послужившие эмпирической основой данного отчета. Мы благодарны за проделанную работу нашим коллегам, среди которых: Таня Сети, Джонатан А. Солис, Джойс Цзяхуэй Лин, Сиддхартха Гхош, Анабхав Гупта, Кэтрин Уолш, Брук Рассел, Молли Чарльз, Стивен Прессендо, Вэньян Пэн, Пейдж Якобсон, Зайи Фу, Катринн Уайлачер, Каролин Дакворт, Сяофань Хань, Карлос Холден-Вилларс, Ментин Лей, Каролин Морин, Вензи Пэн, Ричард Роблз, Юнджи Ши, Натали Уайт, Фатиа (Фей) Даводу, Карина Билджер, Рауль Де Ла Гуардиа, Синьяо Ван и Линкольн Залески. Кроме того, в подготовке отчета участвовала расширенная группа научных сотрудников, оказавших помощь в сборе различных дополнительных данных, которые позволили добавить во второй отчет новые аналитические выводы. Среди этих сотрудников: Ханна Боргештедт, Райли Басби, Меган Стиле, Микайла Уильямс, Сара Доулесс, Клаудиа Сегура, Алондра Белфорд, Эрик Брюер, Дэниел Брот, Грейс Брюс, Габриелла Као, Макайла Каттер, Касси Хейман-Шрум, Морин Льюин, Холден Мершон, Ноэль Млинарчик, Анкита Моан, Касси Нестор, Грейс Райли, Кристофер Росси, Дунян Ван, Рейчел Ю, Мерилин Цзянчэн Шер, Сятхьен Кейт Чу, Айзек Порицки, Навате Уани, Лена Чжэн, Кили Визе, Вансиньи Фреда Дэн, Инюэ Аби Сюй, Сихан Мишель Чжоу, Фей Ву, Шан Келли Гао, Руи Рэй Шен, Юйчиэ Чэн, Синьяо Луиз Лин, Джессика Юни Лю и Джейкоб Барт.

Возможность подготовки настоящего отчета обеспечила широкая поддержка со стороны Государственного департамента США и Фонда Форда. Мы также хотели бы отметить неоценимый вклад Азиатского института общественной политики и проекта «Могущество Китая» Центра стратегических и международных исследований в реализацию начального этапа опросов, проведенных в отдельных странах, и в подготовку соответствующего отчета «Дипломатия "Шелкового пути"», который послужил важной интеллектуальной основой для данного второго этапа работы.

Библиографическая ссылка

Custer, S., Schon, J., Horigoshi, A., Mathew, D., Burgess, B., Choo, V., Hutchinson, A., Baehr, A., and K. Marshall (2021). Corridors of Power: How Beijing uses economic, social, and network ties to exert influence along the Silk Road December 13, 2021. Williamsburg, VA. AidData at William & Mary.

Приложение

С методическими приложениями к настоящему отчету можно ознакомиться в электронной версии, доступной по адресу: https://aiddata.org/publications/corridors-of-power.

Содержание

1. Вступление 1

1.1 Оказание влияния с использованием экономических, общественных и неофициальных деловых связей 2

2. Экономические связи: насколько широки масштабы и велики объемы помощи, оказываемой Пекином в рамках финансовой дипломатии сообществам в странах Центральной и Южной Азии? 4

2.1 Кому это выгодно: финансовая дипломатия Пекина в различных странах 4

2.2 Горячие точки инвестиций: финансовая дипломатия Пекина внутри стран 7

2.3 Финансовая дипломатия в эпоху конкуренции великих держав 10

3. Социальные связи: как Пекин использует образование, культуру и студенческий обмен для усиления своей стратегии влияния за рубежом? 14

3.1 Образование как средство реализации принципа «мягкой силы»: инициативы Пекина по оказанию помощи в получении образования и по организации студенческих обменов 14

3.1.1 Помощь странам ЦЮА в сфере образования 14

3.1.2 Обмен студентами вузов со странами ЦЮА 17

3.2 Продвижение китайского языка и культуры: мандаринское наречие китайского языка как ворота, ведущие к экономическим возможностям 22

3.2.1 Гонка в области открытия культурных центров: позиции Пекина по сравнению с его стратегическими конкурентами 23

3.2.2 Отношение к мандаринскому наречию китайского языка, английскому и русскому языкам в ЦЮА 26

3.3 Физические связи: укрепление межличностных связей на уровне городов и провинций 28

4. Сетевые связи: как Пекин использует социальные сети для более широкого охвата руководства и населения стран Южной и Центральной Азии? 34

4.1 Анализ социальных сетей: насколько тесно КНР связана с элитой стран ЦЮА в Twitter? 34

4.2 Поиск посредников: чьи голоса больше всего влияют на способность КНР доносить свои нарративы до общественной элиты стран ЦЮА в Twitter? 42

4.3 Анализ упоминаний: кто с кем общается и насколько значимы китайские аккаунты? 47

5. Согласование позиций: как граждане и лидеры стран ЦЮА относятся к КНР в сравнении с другими великими державами? 52

5.1 Восприятие общественностью: как граждане стран ЦЮА относятся к КНР в сравнении с ее конкурентами? 52

5.2 Публичная дипломатия и восприятие гражданами: в какой мере инициативы КНР связаны с благожелательным отношением граждан стран ЦЮА? 56

5.3 Как элита стран ЦЮА относится к Китаю и его стратегическим конкурентам? 59

6. Заключение 66

Список использованной литературы 70

Графики

График 1. Финансовая дипломатия Пекина по странам ЦЮА, 2000–2017 гг. 5

График 2: Финансовая дипломатия Пекина на субнациональном уровне (зарегистрированные данные), по странам ЦЮА в 2000–2017 гг. 8

График 3. Географическое распределение проектов по оказанию помощи в сфере образования, в разбивке по странам и периодам времени 15

График 4. Количество студентов из стран ЦЮА, проходивших обучение в Китае, за год в разбивке по странам, 2010–2017 гг. 17

График 5. Сравнение визовых требований для студентов из стран ЦЮА в КНР, России, США и Великобритании 19

График 6. Совокупное количество американских центров и центров Конфуция в Южной и Центральной Азии, 2000–2018 гг. 25

График 7. Языковые и культурные центры России, Китая, США 26

График 8. Побратимские отношения между городами КНР и стран ЦЮА, 2000–2018 гг. 29

График 9. Выборка элиты КНР и стран региона ЦЮА в Twitter по странам 36

График 10. Насколько связаны социальные сети страны? 37

График 11. Распределение связей по учетным записям в каждой из стран 38

График 12. Насколько связаны между собой элите стран ЦЮА и КНР в Twitter? 39

График 13. Насколько связаны между собой Twitter-сообщества Казахстана и КНР? 40

График 14. Насколько связаны между собой Twitter-сообщества Пакистана и КНР? 41

График 15. Как часто общественные элиты стран ЦЮА и КНР упоминают друг друга в Twitter? 47

График 16. Распределение упоминаний в Twitter по странам 49

График 17. Уровни одобрения действий иностранных держав гражданами стран ЦЮА, 2006–2020 гг. 55

График 18. Связь между визитами лидеров высокого уровня КНР и степенью одобрения гражданами стран ЦЮА 58

График 19. Восприятие элитой стран ЦЮА КНР в сравнении с ее стратегическими конкурентами, 2021 г. 60

График 20. Причины благоприятного восприятия элитой США и КНР, 2021 г. 61

График 21. Деятельность, которую элита связывает с иностранными державами в своей стране, 2021 г. 62

График 22. Какая иностранная держава, по мнению элиты, наиболее эффективно адаптировала свои мероприятия в сфере публичной дипломатии с учетом пандемии COVID-19? 62

График 23. Области, на которых элита рекомендует сосредоточиться США и КНР, чтобы повысить степень благоприятного восприятия 63

Таблицы

Таблица 1. Три стратегии публичной дипломатии Пекина на субнациональном уровне: «извлечение», «побуждение», «уклонение» 6

Таблица 2. Возможные факторы, определяющие распределение средств в рамках финансовой дипломатии Пекина 10

Таблица 3. Количество проектов по оказанию помощи в сфере образования, в разбивке по странам и периодам времени 16

Таблица 4. Количество проектов КНР по оказанию помощи в сфере образования по категориям, все страны ЦЮА, 2000–2017 гг. 16

Таблица 5. Государственные стипендии КНР для студентов из стран ЦЮА, обучающихся в Китае 21

Таблица 6. Стипендиальные программы правительства Индии для конкретных стран ЦЮА 21

Таблица 7. Количество ведущих китайских вузов, предлагающих обучение на английском или русском языке, в разбивке по типам учебных заведений 22

Таблица 8. Общее количество институтов и классов Конфуция в странах ЦЮА, 2004–2018 гг. 24

Таблица 9. Языковые и культурные центры КНР и соперничающих держав в регионе ЦЮА, 2018 г. 25

Таблица 10. Уровень владения английским, китайским и русским языками и интерес в их освоении по данным респондентов экспресс-опроса, 2021 г. 27

Таблица 11. Двух типа социокультурных связей на уровне городов или провинций 28

Таблица 12. 16 крупнейших городов по точкам взаимодействия с КНР 30

Таблица 13. Ключевые концепции для понимания результатов анализа социальной сети Twitter 35

Таблица 14. Различие между четырьмя типами посредников 42

Таблица 15. Ведущие представители КНР по активности взаимодействия с элитами обществ стран ЦЮА 43

Таблица 16. Ведущие информаторы КНР по активности взаимодействия с элитами обществ стран ЦЮА 44

Таблица 17. Ведущие информаторы региона ЦЮА по странам 45

Таблица 18. Ведущие представители региона ЦЮА по странам 46

Список аббревиатур

КНР – Китайская Народная Республика

КПК – Коммунистическая партия Китая

ОПОП – Инициатива «Один пояс, один путь»

ТАПИ – Туркменистан - Афганистан - Пакистан - Индия

ЦЮА – Центральная и Южная Азия

CCTV – Центральное телевидение Китая CCTV

CGTN – Глобальная телевизионная сеть Китая

CPEC – Китайско-пакистанский экономический коридор (China-Pakistan Economic Corridor)

CRI – Международное радио Китая

GWP – Всемирный опрос Gallup World Poll survey

HSK – Hanyu Shuiping Kaoshi (стандартизированный квалификационный экзамен по китайскому языку (путунхуа) для лиц, не являющихся носителями китайского языка)

ICCR – Индийский совет по культурным связям (India Council for Cultural Relations)

IPI – Морской газопровод "Иран-Пакистан-Индия"

MEA – Министерство иностранных дел Индии

PSGP – Газопровод «Пакистанский поток» (PakStream Gas Pipeline)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вступление

В июле 2021 года Китайская Народная Республика (КНР) присоединилась к пяти странам Южной Азии с целью реализации новых платформ для координации регионального сотрудничества в таких областях, как вакцинация от COVID-19, борьба с изменением климата и снижение уровня бедности (Ghimire и Pathak, 2021 г.; Gautam, 2021 г.).[1] Среди участников нет Индии, непосредственного конкурента Пекина в борьбе за влияние в Южной Азии. Шумиха вокруг возглавляемого КНР объединения вызвала нелицеприятные сравнения с Ассоциацией регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК), деятельность которой ограничивают нерешенные конфликты между Индией и Пакистаном (Agarwal, 2021 г.; Giri, 2021 г.). Ранее в мае 2021 года министр иностранных дел КНР Ван И совместно со своими коллегами из пяти стран Центральной Азии объявил о реализации ряда инициатив в сфере сотрудничества — от сельского хозяйства и образования до культурного наследия и традиционной медицины (Devonshire-Ellis, 2021 г.; МИД Китая, 2021 г.). Он также пытался представить КНР как союзника Афганистана, поддерживающего его восстановление, и заложить основу для присоединения этой страны в будущем к блоку Китая и стран Центральной Азии (С+С5), в котором, что примечательно, отсутствует Россия (*там же*).

Оба эти примера иллюстрируют активное стремление Пекина привлечь на свою сторону иностранных лидеров и общественность в регионе, который КНР рассматривает как свою «расширенную периферию» (Li и Yuwen, 2016 г.). Кроме того, они акцентируют внимание на сценарии комплексного влияния, используемого Пекином в целях установления более тесных экономических, общественных и неформальных деловых связей со странами Центральной и Южной Азии (ЦЮА) для продвижения собственных национальных интересов. Публичная дипломатия означает комплекс мер, используемых для оказания влияния на представления, предпочтения и действия лидеров и граждан других стран. Это понятие охватывает мероприятия по экспорту культуры и языка, установлению связей между отдельными людьми разных, налаживанию отношений с лидерами других стран, формированию позиции средств массовой информации (СМИ) и использованию финансовых возможностей для оказания влияния на людей и привлечения их на свою сторону. Эти связи усиливают взаимозависимость стран на уровне экономики и общества, которая не только открывает новые возможности, но и выявляет уязвимые места (Nye, 2021 г.).

Такое стремление к оказанию воздействия не является чем-то новым. Лидеры КНР давно рассматривают тринадцать стран региона ЦЮА как один из геостратегических приоритетных регионов и рычаг для укрепления своей мощи (Scobell и др., 2014 г.). На протяжении двух последних десятилетий Пекин использовал весь свой набор инструментов экономического влияния и «мягкой силы» для сглаживания негативной реакции в странах ЦЮА на его растущую военную и экономическую мощь, одновременно создавая коалицию стран, готовых поддерживать предпочтительную для него политическую позицию на международных форумах. В работе Doshi (2021 г.) говорится о долгосрочных планах руководства КНР по вытеснению существующих ведущих держав с целью достижения региональной и мировой гегемонии. Это стремление с течением времени приобретает всё более настойчивый характер. Возможно, Пекин преследует долгосрочные цели, но его стратегия — продуманное, согласованное применение разнообразных инструментов государственной политики для продвижения национальных интересов — сформировалась в ответ на потенциальные угрозы и относительную мощь его стратегических конкурентов (*там же*).

Существуют определенные признаки того, что используемая Пекином «дипломатия улыбок», возможно, приносит свои плоды (Kurlantzick, 2007 г.). Согласно результатам проведенного в 2020 году опроса почти 7000 лидеров различных стран, КНР попала в первую десятку наиболее влиятельных партнеров в сфере развития, причем наибольшую симпатию проявили респонденты из стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Custer и др., 2021a)[2]. Усилия КНР по формированию благожелательного отношения со стороны местных СМИ (например, посредством обмена журналистами, публикации обзорных статей и интервью в СМИ стран ЦЮА) связаны с желанием улучшить отношение к руководителям КНР и снизить остроту критического освещения политики Пекина (Custer и др., 2019a и 2019b). Кроме того, в странах, которым Пекин уделял больше внимания, в частности, в форме визитов с участием представителей элиты КНР и льготного финансирования, уровень неодобрительного отношения к лидерам КНР в целом был ниже (*там же*).

Тем не менее готовность Пекина финансировать амбициозные программы публичной дипломатии вызывает неоднозначную реакцию в странах ЦЮА. Некоторые респонденты высоко оценивают внимание со стороны Пекина и инвестиции в экономику их страны, рассматривая ее развитие как желанную цель и возможность утвердить свою независимость от существующих ведущих региональных держав, таких как Индия и Россия. У других респондентов стремление КНР усилить свое влияние вызывает опасения по поводу долговых ловушек, коррупционных сделок и втягивания в ожесточенную геостратегическую борьбу между великими державами в эпоху усиления конкуренции. Переход от мобилизации ресурсов к достижению желаемых результатов не является простым или быстрым. В работе Nye (1990 г.; 2003 г.) это явление названо «парадоксом могущества»: страны с наибольшими запасами ресурсов или возможностями (потенциальное могущество) не всегда получают желаемые результаты (реальное могущество). КНР необходимо решить дилемму «обращения в свою веру» — реализовать способность влиять на изменение общественного мнения и действий лидеров в соответствии с поставленными целями (*там же*).

В 2019 г. исследовательская лаборатория AidData Института глобальных исследований при Колледже Уильяма и Мэри провела сбор и анализ данных, чтобы определить, каким образом Пекин использует пять инструментов публичной дипломатии — финансовую дипломатию, информационную дипломатию, культурную дипломатию, дипломатию обменов и дипломатию на уровне представителей элиты для формирования общественного мнения и влияния на действия лидеров в 13 странах ЦЮА (Custer и др., 2019a). Применив комбинированный подход, авторы показали, какие инструменты использует Пекин, в отношении каких стран и с какой целью. Кроме того, авторы стремились определить, каким образом публичная дипломатия может способствовать продвижению национальных интересов Пекина — от более благоприятного восприятия общественностью до отдельных уступок в области экономики, внешней политики и безопасности.

В первом отчете были представлены ответы на некоторые вопросы, но одновременно возникли новые вопросы. В то же время вспышка глобальной пандемии COVID-19 открыла новые возможности конкуренции стран, добивающихся влияния, и привела к ограничениям в применении обычных методов публичной дипломатии. В этом втором отчете мы выстраиваем тщательно проработанный массив качественных и количественных фактических данных, чтобы ответить на четыре вопроса: 1)

Насколько далеко распространяется зона охвата публичной дипломатией Пекина в рассматриваемых странах за пределами незначительной части элиты в столицах этих стран? 2) *В какой степени КНР согласовывает свои методы установления экономических, общественных и неофициальных деловых связей, чтобы обеспечить их взаимное усиление?* 3) *Располагает ли КНР достаточными возможностями для адаптации своей публичной дипломатии в условиях внешних потрясений, таких как пандемия COVID-19?* 4) *Как граждане стран ЦЮА относятся к КНР в сравнении с другими великими державами, и отличается ли это отношение от отношений между лидерами этих стран?*

1.1

Оказание влияния с использованием экономических, общественных и неофициальных деловых связей

Остальная часть этого отчета включает шесть глав. В главе 2 мы анализируем финансовую дипломатию — комплекс государственной помощи другим странам и долговых инструментов, направленных на продвижение дипломатических целей — как основной элемент стратегии влияния Пекина. В качестве обоснования заинтересованности стран во взаимодействии с КНР обычно указывают экономические возможности. Это справедливо для лидеров, рассматривающих инфраструктуру как средство обеспечения экономического роста своей страны, а Пекин — как наиболее вероятного партнера в этой области, а также для граждан, которые считают Пекин важным фактором перспективного повышения благосостояния с точки зрения создания рабочих мест, предоставления капитала или установления связей. Тем не менее, эти экономические связи могут ограничивать свободу действий, создавая прямое выраженные или подразумеваемые обязательства поддерживать предпочтительные для Пекина политические позиции, избегать критики его действий и предоставлять уступки в сфере финансов, политики и безопасности. Мы анализируем, каким образом КНР в течение почти двух десятилетий использует финансовую дипломатию не только в отношениях между странами, но и внутри этих стран, и какое значение эти расширяющиеся экономические связи могут иметь для стратегических конкурентов Пекина.

Различие культур Китая и стран ЦЮА может препятствовать распространению китайского языка и китайских норм, однако экономическое сотрудничество может послужить достаточным стимулом к изменению существующей ситуации, повышая привлекательность потенциальной выгоды. По мере углубления экономической интеграции и укрепления связей с КНР страны ЦЮА становятся более открытыми для восприятия языка, культуры и норм Китая. Подобным образом, с установлением более тесных связей между представителями общественности и элиты стран ЦЮА и Китая повышается вероятность использования ими социальных сетей для получения товаров, услуг, капитала и установления других экономических отношений. В главе 3 мы рассматриваем, каким образом КНР применяет комплекс методов, таких как сотрудничество в сфере образования и обмен студентами, содействие распространению языка и культуры, а также дипломатию на уровне городов с целью поддержания более тесных общественных связей. Мы также проводим сравнение мероприятий, осуществляемых КНР, и аналогичных мероприятий других иностранных государств.

Хотя такие социальные сети, как Facebook и Twitter, в Китае запрещены, лидеры КНР используют эти инструменты за границей с целью подкрепления предпочтительных для них позиций и противодействия концепциям, противоречащим их интересам. В социальной сети доступ к другим пользователям представляет собой определенную форму коммуникационных возможностей (Cooley и др., 2020 г.) для распространения предпочтительных идейных посылов или противодействия взглядам, препятствующим достижению намеченных целей. В главе 4 мы рассматриваем действия отдельных лиц и организаций в сети Twitter, связанных с КНР, в качестве регулируемого государством канала распространения информации, поскольку эти лица обязаны следовать правилам цензуры, установленным Пекином. В частности, нас интересует способность КНР охватить не только всех пользователей сети Twitter, но и определенную часть представителей элиты из государственного и частного секторов и гражданского общества в странах ЦЮА, которые либо (i) могут непосредственно принимать решения, имеющие значение для Пекина, либо (ii) в силу своего организационного положения, национального авторитета или профессиональной репутации могут косвенно влиять на своих коллег и лидеров в странах ЦЮА.

Одна из провозглашаемых Пекином целей публичной дипломатии состоит в достижении признания миром китайской культуры, языка и цивилизации после «столетия унижений» (Tischler, 2020), и благоприятное восприятие гражданами стран ЦЮА является обоснованным показателем такого признания. Кроме того, степень благоприятного восприятия КНР гражданами и лидерами может способствовать продвижению других экономических и геополитических интересов, а также целей в сфере безопасности. Повышение уровня благоприятного восприятия может указывать на более высокую оценку сотрудничества между странами в сфере экономики или безопасности, а также на более глубокую общность с нормами, правилами и ценностями других государств. В главе 5 мы рассматриваем, какую информацию нам могут предоставить общенациональный репрезентативный опрос граждан и экспресс-опрос лидеров государственного и частного сектора, а также гражданского общества, по вопросам, касающимся восприятия КНР и ее инициатив в сфере публичной дипломатии в абсолютных показателях, а также в сравнении с тремя стратегическими конкурентами КНР в этом регионе: Индией, Россией и США.

Критически важные события, такие как глобальный финансовый кризис 2008 года, анонсирование инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 году и вспышка пандемии COVID-19 в 2020 году, помимо прочего, стали переломными моментами в отношениях между КНР и странами ЦЮА. Более того, последние два десятилетия были отмечены усилением конкуренции, поскольку КНР стремится расширить свою гегемонию в Азии, учитывая ослабление позиций конкурирующих государств. В настоящем отчете на основе этой исторической перспективы проводится оценка совокупных вложенных ресурсов и конечных результатов деятельности Пекина, охватывающей почти два десятилетия и направленной на укрепление экономических, общественных и неофициальных деловых связей со странами ЦЮА, с тем чтобы предоставить информацию в рамках идущей в настоящее время дискуссии относительно реакции граждан на долгосрочные планы великих держав, стремящихся к доминированию в регионе (Doshi, 2021 г.). В главе 6 мы завершаем рассмотрение анализом выводов по результатам настоящего исследования и их значения для стран ЦЮА, КНР и ее стратегических конкурентов в период, который некоторые специалисты называют «критическим моментом» в борьбе Пекина за лидерство в рамках международного порядка после пандемии COVID-19 (Ameyaw-Brobbey, 2021 г.; Campbell и Doshi, 2020 г.), с соответствующими последствиями на национальном, региональном и глобальном уровнях.

[1] Резервный неприкосновенный запас Китая и стран Южной Азии на случай чрезвычайной ситуации «предназначен для разработки общей стратегии борьбы против пандемии COVID-19 посредством создания и распространения вакцин» и предусматривает «неприкосновенный запас на случай непредвиденных обстоятельств, обусловленных изменением климата» (Ghimire и Pathak, 2021 г.). В то же время новый Центр по снижению уровня бедности и сотрудничества в сфере развития в Чунцине (Китай) имеет своей целью «объединение усилий, интеграцию ресурсов и обмен опытом для оказания странам Южной Азии поддержки и помощи в сфере экономического развития и повышения доходов, с тем чтобы совместными усилиями добиваться снижения уровня бедности» (Gautam, 2021 г.).

[2] В частности, по результатам международного опроса, охватившего почти 7000 лидеров, Китай занял 8 позицию по влиянию в мире, 7 позицию — в Европе и Центральной Азии и 3 позицию — в Южной Азии (Custer и др., 2021a).

ГЛАВА ВТОРАЯ

Экономические связи: насколько широки масштабы и велики объемы помощи, оказываемой Пекином в рамках финансовой дипломатии сообществам в странах Центральной и Южной Азии?

Основные выводы в этой главе:

- *Пекин применяет на субнациональном уровне три различные стратегии публичной дипломатии — «извлечение», «побуждение» и «уклонение», изменяя степень своей активности для максимально эффективного достижения намеченных целей в сфере экономики, безопасности и геополитики.*
- *Финансовая дипломатия Пекина сильно сконцентрирована: основная часть государственного финансирования направляется лишь в 25 провинций (62 % финансирования) и 25 районов (41 % финансирования) региона.*
- *Районы с большей численностью населения и районы, имеющие на своей территории трубопроводы для транспортировки природного газа, являются наиболее вероятными получателями средств в рамках финансовой дипломатии Китая.*
- *На морские пути и трубопроводы Пакистана приходится примерно третья часть средств в рамках финансовой дипломатии КНР в странах ЦЮА, что способствует укреплению экономических связей и соответствующему воздействию на местном, национальном и региональном уровнях.*

В 2000–2017 годы правительство Китая направило 127 млрд. долл. США на цели финансовой дипломатии (основного элемента мероприятий Пекина по оказанию влияния на общественное мнение и действия лидеров) в рамках 865 проектов в регионе Центральной и Южной Азии (Custer и др., 2019a)[3]. Государственное финансирование включало как помощь (то есть, гранты и льготные кредиты), так и займы (то есть, кредиты на коммерческих условиях со ставками, близкими к рыночному уровню) в четырех основных категориях содействия, известных зарубежной широкой общественности (финансирование инфраструктуры[4], гуманитарная помощь[5]) и ценимых лидерами других стран (бюджетная поддержка[6], облегчение долгового бремени[7]). Хотя сюда включены проекты, имеющие различные условия финансирования и относящиеся к различным категориям содействия, подавляющая часть средств в рамках финансовой дипломатии Пекина в регионе представляла собой заемное финансирование (74 %) и направлялась на инвестиции в инфраструктуру (95 %)[8].

В последней части этой главы мы анализируем, каким образом Пекин использует финансовую дипломатию почти два десятилетия (2000–2017 гг.) для укрепления экономических связей с целью продвижения своих национальных интересов в странах Центральной и Южной Азии (раздел 2.1). Мы исследуем масштабы и объемы инвестиций в рамках финансовой дипломатии внутри этих стран и определяем возможные причины, по которым в некоторые сообщества Китай направляет больший объем финансирования, чем в другие (раздел 2.2). В разделе 2.3 мы рассматриваем пример Пакистана, чтобы оценить, каковы возможные последствия этих крепнущих экономических связей для таких стратегических конкурентов Пекина, как США, Россия и Индия, а также для стран, которых получают финансирование в рамках этих инициатив (раздел 2.3).

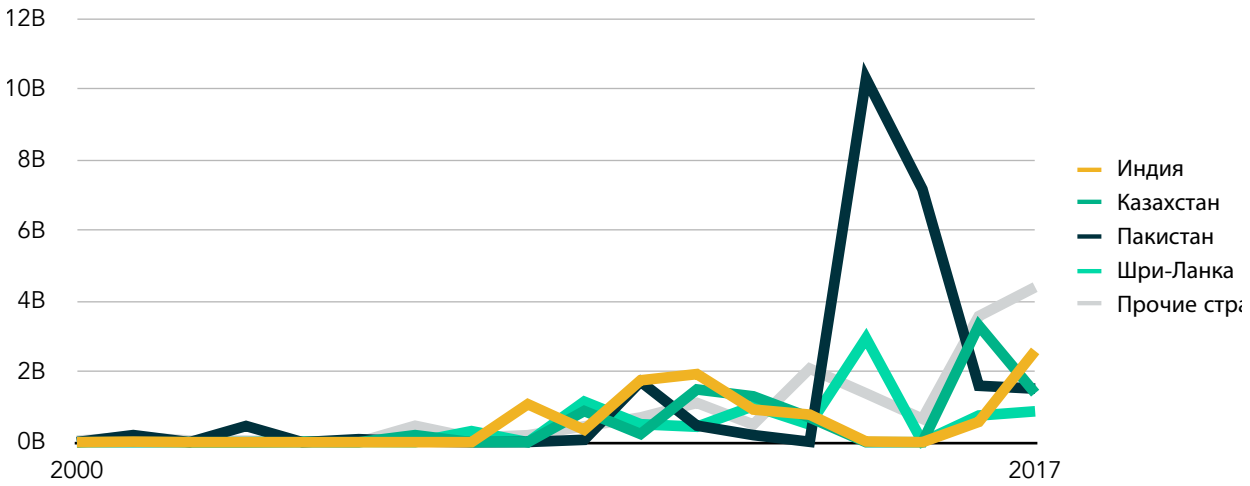
2.1

Кому это выгодно: финансовая дипломатия Пекина в различных странах

При рассмотрении всего региона прослеживается четкая неофициальная иерархия стран, получающих львиную долю средств, предоставляемых в рамках финансовой дипломатии Пекина (график 1). На две страны — Пакистан и Казахстан — приходится 56 % средств, выделенных в рамках финансовой дипломатии Пекина в течение указанного периода. Эти страны получили 39 млрд долл. США[9] и 33 млрд долл. США соответственно. Значительная часть этих государственных инвестиций направлена на реализацию сравнительно небольшого числе крупных инвестиционных проектов, таких как китайско-пакистанский экономический коридор (CPEC) и казахстанский участок газопровода Центральная Азия — Китай. Более четверти (26 %) средств в рамках финансовой дипломатии Пекина было выделено трем странам: Шри-Ланка (13 млрд долл. США), Бангладеш (11 млрд долл. США) и Туркменистан (9 млрд долл. США). Оставшиеся 18 % средств в рамках финансовой дипломатии Китай распределил среди семи остальных стран.

Пекин не использует универсальную стратегию, демонстрируя четкое предпочтение в пользу направления в рамках финансовой дипломатии непропорционально больших инвестиций в некоторые страны по сравнению с другими государствами. Ранее Custer и др. (2019 г.) установили, что страны ЦЮА с более крупной долей китайских компаний и мигрантов, а также страны с низким

График 1. Финансовая дипломатия Пекина по странам ЦЮА, 2000–2017 гг.



Примечания: на графике представлен общий объем мероприятий финансовой дипломатии Китая в странах ЦЮА за период с 2000 по 2017 гг. Согласно Custer и др.., финансовая дипломатия включает финансирование инфраструктуры, бюджетную поддержку, облегчение долгового бремени и списание задолженности, а также гуманитарную помощь. Финансовые показатели представлены в постоянных долларах США по состоянию на 2017 г.

Источник: Custer и др. (2019 a).

уровнем распространенности Интернета имеют больше шансов получить средства в рамках финансовой дипломатии Пекина, чем другие страны региона. В настоящем отчете мы детализируем картину и смещаем центр своего внимания с границ стран на местный уровень, получая фактическое подтверждение того, что объем и структура инициатив Пекина в сфере публичной дипломатии варьируются не только между странами ЦЮА, но и в пределах этих стран.

Вывод № 1. Пекин применяет на субнациональном уровне три различные стратегии публичной дипломатии — «извлечение», «побуждение» и «уклонение», изменяя степень своей активности для максимально эффективного достижения намеченных целей в сфере экономики, безопасности и геополитики

При помощи иерархического кластерного анализа мы установили на основе данных за почти два десятилетия реализации Пекином финансовой, культурной дипломатии и дипломатии обменов на субнациональном уровне, что при взаимодействии с местными сообществами в трех группах стран КНР в прошлом применяла разнонаправленные стратегии — «извлечение», «побуждение» и «уклонение» (табл. 1)[10]. Три страны (Туркменистан, Бутан, Мальдивы) и два метода публичной дипломатии (информационная дипломатия и визиты представителей элиты) были исключены из кластерного анализа из-за недостаточной величины изменений.

Таблица 1. Три стратегии публичной дипломатии Пекина на субнациональном уровне: «извлечение», «побуждение», «уклонение»

Стратегия	Описание	Страны, составляющие группу
Извлечение	Относительная концентрация усилий на субнациональном уровне на финансовой дипломатии, а не на культурной дипломатии и дипломатии обменов. Приоритетным направлением являются извлечение ресурсов в форме получения доступа к энергоресурсам и стратегическое расположение для выхода к транзитным маршрутам. Несколько этих стран находятся в традиционной сфере влияния России.	Казахстан, Кыргызстан, Непал, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан
Побуждение	Относительная концентрация усилий на субнациональном уровне на культурной дипломатии и дипломатии обменов, а не на финансовой дипломатии. Приоритетными направлениями являются мероприятия с использованием «мягкой силы», чтобы побудить местные сообщества к более благоприятному восприятию Китая. Эти страны, судя по всему, находятся преимущественно в сфере влияния Индии.	Индия, Шри-Ланка, Бангладеш
Уклонение	Минимальные уровни публичной дипломатии в целом, ориентированные на столицу, с минимальным объемом мероприятий финансовой, культурной дипломатии и дипломатии обменов на субнациональном уровне. До вывода американских войск в середине 2021 года страна в некоторой степени находилась под влиянием США.	Афганистан

Примечания: дополнительную информацию об иерархическом кластерном анализе, на основе которого были сформированы эти группы стран, см. в методическом приложении. Бутан, Мальдивы и Туркменистан были исключены из кластерного анализа вследствие недостаточного изменения их данных.

В отношении шести стран региона — Казахстана, Кыргызстана, Непала, Пакистана, Таджикистана и Узбекистана — исторически сложилось так, что лидеры КНР применяли на местном уровне стратегию извлечения, с сильным упором на финансовую дипломатию. Хотя эти шесть стран сильно отличаются друг от друга по уровню доходов, географической близости и региональным зонам влияния, они имеют две общие черты: (1) большое количество районов, которые предлагают доступ к готовым запасам энергии за счет своего потенциала в плане нефти, природного газа или гидроэнергетики;[11] и (2) стратегическое расположение относительно предполагаемых наземных или морских транзитных маршрутов Пекина. В соответствии с этой стратегией большая часть мероприятий финансовой дипломатии КНР на субнациональном уровне в этих странах проводится в секторах энергетики и транспорта.

Хотя на Индию, Бангладеш и Шри-Ланку приходится значительный объем мероприятий финансовой дипломатии, Пекин сосредоточил свою субнациональную стратегию на культуре и обмене, чтобы побудить общественность других стран к более благоприятному восприятию КНР. Подобно предыдущей группе стран Индия, Бангладеш и Шри-Ланка стратегически расположены вблизи запланированных Пекином наземных или морских транзитных маршрутов. Однако в этих странах меньше районов с легким доступом к месторождениям нефти и природного газа (только 23 района по сравнению с 72 районами в предыдущих шести странах). Кроме того, Китай, возможно, осознал необходимость более широкого использования «мягкой силы» в Индии для восстановления своего имиджа среди общественности в контексте геостратегического соперничества, характеризующегося взаимным недоверием, а также в Шри-Ланке после негативного резонанса в связи с сомнительным выделением Китаем средств на порт Хамбантота и соответствующими инвестициями (Thompson, 2001 г.; Thompson и Dreyer, 2011 г.; Custer и др., 2019a).

Исторически сложилось так, что взаимодействие Пекина с Афганистаном выделялось преимущественно относительным отсутствием такового. В течение рассматриваемого периода на Афганистан приходились минимальные объемы финансирования в рамках любого из трех проанализированных методов публичной дипломатии. Этот минимальный доступный уровень мероприятий Пекина в сфере публичной дипломатии был ориентирован почти исключительно на столицу Афганистана — Кабул. Мы называем это минимальное присутствие на субнациональном уровне стратегией уклонения.

Существуют четыре возможные причины выбора такого подхода. Во-первых, степень непосредственной физической опасности за пределами столицы, возможно, привела к практической невозможности установления связей с афганскими гражданами или местными лидерами, что объясняет почти исключительную сосредоточенность усилий на Кабуле. Во-вторых, в то время лидеры КНР могли рассматривать существенное присутствие США и союзников по коалиции в Афганистане как фактор, снижающий перспективы влияния, поэтому они сосредоточили внимание на других географических регионах, где КНР может столкнуться с меньшим противодействием. В-третьих, у Пекина могли иметься определенные приоритетные задачи в отношении Афганистана, прежде всего защита от распространения побочных результатов нестабильности — «трех зол» в виде религиозного экстремизма, терроризма, этнического сепаратизма — на неспокойный Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, имеющий общую границу с Афганистаном вдоль Ваханского коридора протяженностью 92 километра (Scobel, 2021 г.; Chen, 2015 г.).

В-четвертых, возможно, правительство Афганистана не просило о помощи Пекина за пределами столицы, поскольку больше полагалось на других партнеров.

Однако сейчас насущный вопрос заключается в том, спровоцирует ли вывод американских войск из Афганистана летом 2021 года, падение прозападного правительства страны и приход к власти «Талибана» полный пересмотр стратегических расчетов КНР и как это может повлиять на ее активность в Афганистане в будущем. В некоторых аспектах результатом вывода американских войск стал возврат в исходное состояние в том смысле, что было устранено одно из препятствий к изменению тактики публичной дипломатии Китая и к осуществлению его стремления к усилению влияния на субнациональном уровне. Тем не менее, это не является свершившимся фактом. Приоритетом для КНР по-прежнему остается сдерживание нестабильности (Huanxin, 2021 г.), а не реализация в рамках всей страны экономической или культурной «дипломатии улыбок». Более того, как отмечает Scobell (2021 г.), «Китай не единственная и даже не самая очевидная альтернатива США», учитывая других региональных игроков, таких как Пакистан и Иран, которые, скорее всего, имеют каналы оказания влияния внутри страны.

Поскольку мы установили, что Пекин действительно использует разные инструменты публичной дипломатии на национальном уровне, обратимся в разделе 2.2 к вопросу о том, какие сообщества являются наиболее вероятными получателями финансирования, почему именно они, и что это означает с точки зрения географического охвата мероприятиями финансовой дипломатии КНР общественности других стран.

2.2

Горячие точки инвестиций: финансовая дипломатия Пекина внутри стран

Насколько широким или узким является охват мероприятиями финансовой дипломатии Пекина внутри стран Центральной и Южной Азии? В какой степени предоставление финансирования Пекином ограничено несколькими крупными населенными центрами в сравнении с проектами, важными для всей страны? Чтобы получить ответы на эти вопросы, мы определили географическое местоположение проектов, реализуемых в рамках финансовой дипломатии Пекина (в сравнении с нефинансовыми инструментами культурной дипломатии и дипломатии обменов), вплоть до уровней административного деления первого и второго порядков (чаще всего это провинция/штат и район) внутри стран.

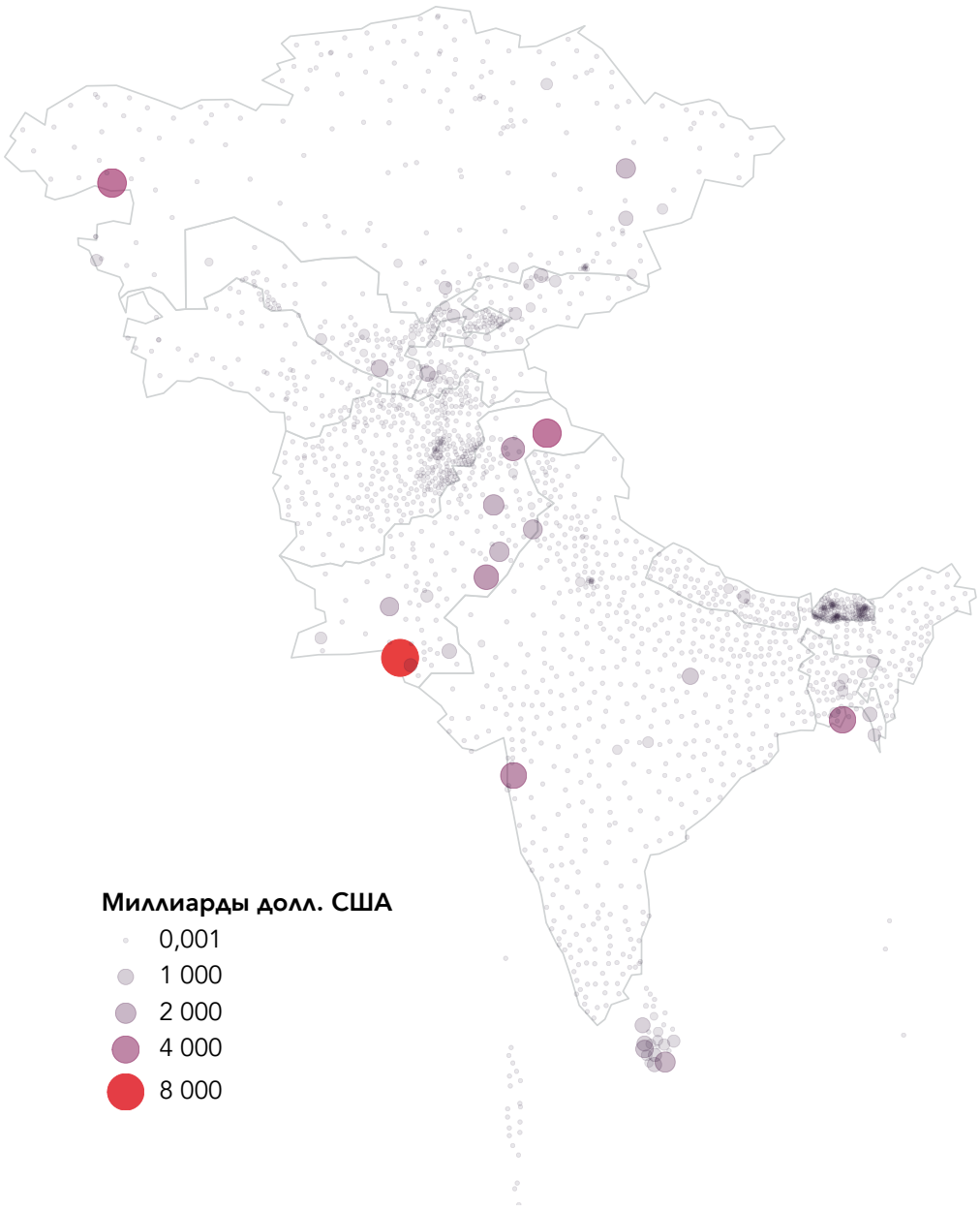
Анализ географического распределения средств, предоставляемых в рамках финансовой дипломатии, показал, что львиную долю своего внимания Пекин уделяет относительно небольшой подгруппе сообществ. Мы определили проекты, реализованные КНР в рамках финансовой дипломатии в период с 2000 по 2017 гг. в 85 провинциях и 137 (из 2097) районах данного региона[12]. Если бы КНР равномерно распределяла средства по этим 85 провинциям и 137 районам, то средний размер пакета финансовой помощи составлял бы приблизительно 1,5 млн долл. США на провинцию и 929 млн долл. США на район. Однако, насколько равномерно Пекин распределяет оказываемую помощь?

Вывод № 2. Финансовая дипломатия Пекина сильно сконцентрирована: львиная доля государственного финансирования направляется только в 25 провинций (62 % финансирования) и 25 районов (41 % финансирования) региона.

Как оказалось, финансовая дипломатия Пекина предусматривает большой объем выделяемых средств при малом числе получателей, с концентрацией значительных инвестиций в небольшом числе стратегически важных сообществ. Фактически в рамках финансовой дипломатии КНР направила 62 % (78 млрд долл. США) средств в 25 провинций. Крупнейшим получателем этих средств на уровне провинций являлась провинция Синд в Пакистане, в которую Пекин вложил почти 13 млрд долл. США, то есть примерно 10 % средств в рамках финансовой дипломатии, приходящихся на все страны Центральной и Южной Азии. Другими крупными получателями инвестиций являлись Марыйский велаят Туркменистана (8 млрд долл. США) и провинция Пенджаб в Пакистане (7 млрд долл. США).

Если выделяемые средства отражают реальные приоритеты инвестора, то примечательно, что каждая из этих трех провинций в 2000–2017 гг. получила от Пекина больше средств, чем семь из 13 стран региона Центральной и Южной Азии. При более детальном рассмотрении оказалось, что на привилегированную группу из 25 получателей на уровне районов приходится 41 % (52 млрд долл. США) общего объема помощи, оказываемой КНР во всем регионе (график 2). Только в округ Карачи в Пакистане в рамках финансовой дипломатии Пекин вложил 8 млрд долл. США, далее с небольшим отрывом следует Атырауская область в Казахстане (5 млрд долл. США). Как и в предыдущем случае, эти стратегически важные сообщества, судя по всему, имеют значительно больший приоритет с точки зрения лидеров КНР, чем некоторые страны региона. Конечно, важно отметить, что сообщества, получившие помощь Пекина, вероятно, также были определены с учетом приоритетов национальных лидеров.

График 2: Финансовая дипломатия Пекина на субнациональном уровне (зарегистрированные данные), по странам ЦЮА в 2000–2017 гг.



Примечания: на карте представлен суммарный объем средств, предоставленных странам ЦЮА в рамках финансовой дипломатии КНР на уровне районов в 2000–2017 гг. Каждый круг представляет район, получивший обязательства от Китая в рамках финансовой дипломатии в этот период. Финансовые показатели представлены в постоянных долларах США по состоянию на 2017 г.

Источник: AidData (2021).

Вывод № 3. Районы с большей численностью населения и районы, имеющие на своей территории трубопроводы для транспортировки природного газа, являются наиболее вероятными получателями средств в рамках финансовой дипломатии Китая.

Очевидно, что некоторые сообщества являются для Пекина более привлекательными объектами вложения инвестиций. Возникает насущный вопрос: почему некоторые районы привлекают больше средств в рамках финансовой дипломатии Пекина, чем другие районы? Конечно, существует вероятность того, что руководители национальных или муниципальных образований имеют разную степень готовности идти на риск, сопряженный с принятием помощи от КНР, тем самым формируя динамику предоставления согласия на помощь или отказа от нее, в отношении управления которой возможности Пекина ограничены. Вместе с тем такая предвзятость в процессе самостоятельного выбора не в полной мере объясняет значительное различие между районами, в которые направляются миллиарды долларов, и теми районами, которые в рамках финансовой дипломатии получают от Пекина лишь миллионы или даже тысячи долларов.

Построив ряд статистических моделей, мы провели проверку трех возможных гипотез в отношении различия в объемах средств, предоставляемых в рамках финансовой дипломатии Пекина на субнациональном уровне: (i) геостратегическое значение; (ii) экономическое значение; и (iii) политическое значение. В таблице 2 кратко излагаются наши гипотезы относительно того, почему эти факторы могут влиять на распределение внутри отдельных стран средств, предоставляемых в рамках финансовой дипломатии Пекина, а также описываются косвенные показатели, использовавшиеся для проверки. В методическом приложении содержится развернутый анализ двумерных и многомерных регрессионных моделей, использованных для оценки статистической значимости связей между ресурсами, предоставляемыми в рамках финансовой дипломатии Пекина, и характеристиками районов, являющихся потенциальными получателями средств, наряду с базовыми исходными данными по каждой из тестированных переменных. Ниже представлено краткое описание концептуальной основы каждой гипотезы, а также указаны результаты.

Некоторые сообщества могут иметь большее геостратегическое значение, так как предоставляют легкий доступ к залежам нефти и природного газа, что является одним из приоритетов для руководства КНР (Scobell и др., 2014 г.), поскольку КНР обогнала США, став крупнейшим потребителем энергии в 2009 г. (Enerdata, 2021 г.), а также стала крупнейшим в мире импортером энергетических ресурсов (Hillman и Sacks, 2021 г.). В свете вероятной заинтересованности Пекина в оказании влияния на пограничные споры мы также учли близость к границе с другой страной как еще один элемент геостратегического значения.

В соответствии с долгосрочной стратегией выхода на мировой уровень (Wang, 2016 г.; Dollar, 2015 г.) города с большой численностью населения могут иметь большее экономическое значение для лидеров КНР, поскольку представляют собой прибыльные рынки для китайских товаров, услуг и инвестиционного капитала. Такая привлекательность рынков может быть важным фактором по двум причинам. Под эти рынки можно задействовать избыточные производственные и строительные мощности Китая, которые не используются в полной мере в условиях низкого уровня внутреннего потребления, а вместо этого продуктивно использовать эти мощности за рубежом (Wuthnow, 2019 г.; Custer и Tierney, 2019 г.). Эти рынки также позволяют лидерам КНР продемонстрировать, что помощь другим странам создает материальные выгоды для граждан Китая (то есть, рабочие места, доходы), с тем чтобы ослабить нарастающую критические замечания о том, что эти средства следует расходовать внутри страны (Hornby и Hancock, 2018 г.)[13].

Существуют также достаточные основания полагать, что привлекательность конкретного местоположения может изменяться в зависимости от его политического значения как столицы страны или как места рождения политических лидеров, на которых Пекин надеется оказывать влияние с целью продвижения своих более широких национальных интересов — от получения уступок в сфере безопасности до обеспечения поддержки предпочтительных для Китая позиций во внешней политике. Dreher и др. (2016 г.) установили, что китайские зарубежные проекты в сфере развития непропорционально часто осуществляются в регионах, являющихся родиной президентов и премьер-министров соответствующих стран. Опросы, проведенные Custer и др. (2019a) в Шри-Ланке и Непале, являются еще одним подтверждением предположения о том, что Пекин занимает позицию, направленную на поддержку политических лидеров в их избирательных округах. В этих опросах в качестве примеров приводятся широко освещаемые средствами массовой информации проекты по строительству общественных сооружений (например, стадиона для крикета, аэропорта, шоссе, порта) в родном городе президента Шри-Ланки Махинда Раджапакса, а также сообщения о том, что официальные лица КНР сопровождали лидеров Непала во время их предвыборных поездок в родные регионы.

Эмпирическая проверка этих гипотез позволяет выйти за рамки теории и отдельных примеров, чтобы лучше понять, почему некоторые сообщества привлекают больше внимания, чем другие. Мы установили, что субнациональные сообщества, в которых находятся крупные населенные пункты (экономическое значение), и сообщества, в которых имеются действующие трубопроводы для транспортировки природного газа (геостратегическое значение), могут получить средства в рамках финансовой дипломатии Пекина с большей вероятностью, чем другие аналогичные субъекты[14]. Эти полученные данные дают основания полагать, что, по мнению Пекина, наибольшей отдачи от инвестиций в финансовую дипломатию можно добиться в результате завоевания поддержки в районах с высокой численностью населения и в случае получения доступа к природному газу.

Важно отметить, что выбор места вложения инвестиций определяется не только интересами Пекина, но и приоритетными задачами правительств стран ЦЮА, получающих инвестиции в рамках этих инициатив. Тем не менее, в конечном счете КНР определяет, что следует финансировать, и это само по себе дает важную информацию для понимания ее выявленных приоритетов. Вопреки нашим ожиданиям, показатели политической значимости (место рождения лидера, столица), судя по всему, не являются четко определенным фактором, объясняющим, какие сообщества получают средства в рамках финансовой дипломатии КНР. Однако, как мы выяснили в главе 3, эти факторы, по-видимому, являются более значимыми для осуществления Пекином культурной дипломатии и дипломатии обменов.

Подтверждая наши выводы в разделе 2.1, Пекин меняет свой подход между стратегиями «извлечения», «побуждения» и «уклонения» с учетом относительной важности месторождений нефти (нефти или

Таблица 2. Возможные факторы, определяющие распределение средств в рамках финансовой дипломатии Пекина

Фактор	Гипотеза	Используемые косвенные показатели
Геостратегическое значение	Районы, предоставляющие легкий доступ к нефти и природному газу для удовлетворения потребностей Китая в энергоресурсах, или расположенные вблизи международных границ, получают больше средств в рамках финансовой дипломатии Пекина.	Наличие трубопроводов для транспортировки нефти и природного газа (Energy Web Atlas); наличие нефтяных месторождений (нефти или природного газа (Lujala и др., 2007 г.).
Экономическое значение	Районы, являющиеся прибыльными рынками для китайских товаров, услуг и капитала, получают больше средств в рамках финансовой дипломатии Пекина.	Объем производства, определяемый на основе уровня освещения в ночное время (Li и др., 2020 г.); численность населения района (Tatem, 2017 г.).
Политическое значение	Районы, привлекающие внимание представителей политической элиты, получают больше средств в рамках финансовой дипломатии Пекина и используются им в качестве рычага для достижения намеченных целей.	Расположение места рождения лидера страны на территории района, нахождение в районе столицы страны.

Примечания: для ознакомления с более подробной информацией по базовым исходным данным для определения косвенных показателей см. методическое приложение к настоящему отчету.

природного газа) при определении сообществ, которые получили инвестиции в рамках финансовой дипломатии. В группе из шести стран, где реализуется стратегия «извлечения», более вероятным является привлечение средств Пекина в рамках финансовой дипломатии сообществами, на территории которых находятся месторождения нефти. Такая связь наиболее четко прослеживается в Казахстане, но также проявляется в Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане, Пакистане и Непале. Для Индии, Шри-Ланки и Бангладеш, где Пекин использует стратегию «побуждения» (то есть, на местном уровне наблюдается значительное смещение в сторону культурной дипломатии и дипломатии обменов, а не финансовой дипломатии), характерны менее однозначные результаты, варьирующиеся в диапазоне от отрицательной до слабоположительной связи между наличием месторождений нефти и сообществами, получившими средства в рамках финансовой дипломатии.

Однако имеется один пример, когда использование этой парадигмы для объяснения направленности финансовой дипломатии Пекина не оправдывает себя. Лидеры КНР с большей готовностью осуществляли инвестиции в рамках финансовой дипломатии в пакистанских сообществах, которым соответствовал меньший (а не больший) объем производства с учетом численности населения и наличия запасов нефти. Это отличается от подхода Пекина в других странах, где наблюдалась положительная связь между объемом производства в сообществе и получением им инвестиций в рамках финансовой дипломатии Китая.

В разделе 2.3 мы проводим более тщательный анализ этого примера на предмет движущих сил и последствий в эпоху конкуренции между великими державами — Китаем, Индией, США и Россией — за доступ к стратегическим транспортным коридорам и трубопроводам для транспортировки нефти и природного газа.

2.3

Финансовая дипломатия в эпоху конкуренции великих держав

Хотя страны не скупясь используют риторику для формулировки своих целей, бюджеты можно считать более надежным показателем их конечных приоритетных задач. Пакистан выделяется среди стран ЦЮА, поскольку получает непропорционально большой объем средств в рамках мероприятий публичной дипломатии Пекина. Будучи крупнейшим получателем финансирования со стороны КНР, и существенно опережая по этому показателю другие страны, Пакистан также получает значительные средства в рамках культурной дипломатии и дипломатии обменов, которые мы рассматриваем в главе 3. Тем не менее, как показано в этой главе, охват мероприятиями финансовой дипломатии Пекина в Пакистане является ограниченным по числу получателей, но значительным по объему.

Из 37 административных единиц второго уровня в Пакистане (охватывающих четыре провинции, две автономные территории и столичную территорию) Пекин в течение почти двадцатилетнего периода напрямую вкладывал средства в рамках финансовой дипломатии в 20 районов[15]. Однако объем средств, предоставляемых в рамках финансовой дипломатии (от тысяч до миллиардов долларов США), и затраты на душу населения (от 0,02 до 892 долл. США на человека) значительно различаются в разных регионах, что подразумевает дополнительное распределение приоритетов по уровням, хотя некоторые инвестиции могут также принести более широкие дополнительные выгоды. В этом разделе мы рассматриваем, что может вызывать заинтересованность Пекина в этих субнациональных сообществах, и каким образом это обеспечивает понимание более широкой динамики борьбы за влияние в эпоху конкуренции великих держав.

Вывод № 4. На морские пути и трубопроводы Пакистана приходится примерно третья часть средств в рамках всей финансовой дипломатии КНР в странах ЦЮА, что способствует укреплению экономических связей и соответствующему воздействию на местном, национальном и региональном уровнях.

Стимулирующим фактором инвестиций в рамках финансовой дипломатии Пекина в Пакистане является китайско-пакистанский экономический коридор (CPEC), на который приходится подавляющая часть финансирования со стороны КНР в течение указанного периода[16]. Подобно другим экономическим коридорам CPEC обладает тремя общими характеристиками (Ali и др., 2021 г.): (i) инвестиции, ориентированные на сравнительно небольшое географическое пространство, окружающего ключевые элементы транспортной инфраструктуры (шоссейные дороги, железные дороги, каналы); (ii) «стратегические двусторонние инициативы», направленные на соединение критически важных транзитных узлов через международные границы; и (iii) сосредоточение усилий на развитии физической инфраструктуры для достижения более широких целей.

В рамках проекта CPEC КНР планирует соединить существующий глубоководный порт Карачи и порт Гвадар малой пропускной способности (который Пекин надеется превратить в глубоководный порт) в юго-западной части Пакистана с сухопутным терминалом Кашгар в юго-западной части Синдзяна (Ali и др., 2021 г.; Hussain, 2021 г.). Хотя развитие порта является центральным элементом проекта, CPEC представляет собой гораздо более широкую зонтичную структуру для реализации ряда проектов в сфере энергетики (трубопроводы и электростанции), физическая и цифровая инфраструктура коммуникаций (шоссейные и железные дороги, волоконно-оптические кабельные сети) и особые экономические зоны. Теоретически проект CPEC дает Пекину возможность одновременного достижения нескольких экономических, геополитических целей и целей в сфере безопасности.

С точки зрения экономики CPEC обеспечивает Китаю прямой выход к Индийскому океану (Kardon, 2020 г.), а его особое внимание к физическим и цифровым коммуникациям может способствовать открытию новых рынков для китайских товаров, услуг и капитала не только в Пакистане, но и вдоль более протяженного морского «шелкового пути». Пекин рассматривает региональную интеграцию с точки зрения предоставления своим недостаточно экономически развитым внутренним регионам, таким как Синцзян и Тибет, условий для ускорения их экономического роста и преодоления отставания от динамично развивающихся прибрежных городов (Ali и др., 2021 г.). Эти коммуникации могут также повысить скорость транспортировки — «после реализации проекта в полном объеме CPEC может обеспечить транспортировку барреля нефти с Ближнего Востока в Китай за 10 дней в сравнении с нынешними 35–45 днями» (*там же*)[17]. Менее определенным является ответ на вопрос, снижаются ли при этом затраты: транспортировка нефти из Гвадара в Синцзян обходится примерно в 15 долл. США за баррель, что существенно выше, чем расчетные затраты в размере 2 долл. США за баррель при транспортировке через Малаккский пролив (Kardon, 2020 г.).

Существуют также факторы внутренней безопасности, определяющие заинтересованность Пекина в реализации проекта CPEC, которые, возможно, компенсируют повышение расходов на транспортировку на 13 долл. США за баррель. Лидеры КНР рассматривают сохранение стабильности внутри страны как первостепенную задачу, а «три зла» — сепаратизм, терроризм и экстремизм — как непосредственные угрозы устойчивости правления Коммунистической партии Китая. Эта динамика нигде не проявляется так отчетливо, как в неспокойном западном Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, в отношении которого Пекин надеется, что ожидаемое экономическое развитие может стать достаточным фактором для уменьшения привлекательности уйгурских сепаратистских движений и подавления терроризма внутри страны (Baruah, 2018 г.).

Неравноправие в перспективах развития наряду с жестким надзором со стороны КПК и нарушением основных прав человека привели к возникновению напряженности между уйгурским меньшинством и ханьским большинством (Hussain, 2021 г.). Как и в отношении Ваханского коридора в Афганистане, Пекин также обеспокоен потенциальными последствиями нестабильности в Пакистане, которые могут спровоцировать беспорядки в Синцзяне, как со стороны уйгурских сообществ, проживающих вблизи границы на территории Гилгит-Балтистана, так и со стороны постоянно действующих повстанческих движений в расположенном к югу Белуджистане (*там же*).

Энергетическая безопасность, в том числе соображения внутренней и международной безопасности, является еще одним побудительным фактором, стимулирующим заинтересованность Пекина в проекте CPEC. Китай импортирует более 10 000 баррелей нефти в день, большая часть которой поступает через Малаккский пролив. Лидеры КНР выражали озабоченность в отношении того, что оживленный морской путь может оказаться узким местом морских перевозок, ставя под угрозу способность Китая иметь надежный доступ к 80 % поставок сырой нефти в случае конфликта с США и Индией (Hillman и Sacks, 2021 г.; Hussain, 2021 г.).

Эта «малаккская дилемма» послужила для Пекина стимулом к диверсификации «поставок энергетических ресурсов и транспортных маршрутов» (Hillman и Sacks, 2021 г.; Hussain, 2021 г.). Этим объясняется заинтересованность в возможном тройном выигрыше, заключающемся в доступе к месторождениям нефти (нефти или природного газа) и возможностям энергетики Пакистана, в доступе к трубопроводам для транспортировки энергоресурсов и в близости к стратегическим транспортным маршрутам (например, Красное море, Ормузский пролив, Персидский залив) для обеспечения импорта из более отдаленных регионов. Даже если эти поставки будут сопряжены с более высокими финансовыми затратами, такая стратегия диверсификации предоставляет КНР большую свободу действий за пределами зоны активного мониторинга со стороны стратегических конкурентов, таких как США и Индия, и снижает потенциальный риск энергетической безопасности КНР (Wuthnow, 2017 г.; Hussain, 2021 г.).

Более того, помимо энергетической безопасности у Пекина есть другие геополитические интересы, стимулирующие использование CPEC для демонстрации мощи и влияния, как в Пакистане, так и во всем регионе Центральной и Южной Азии. Как справедливо отмечено в работе Hussain (2019 г.), «двусторонние китайско-пакистанские отношения продолжаются не одно десятилетие и достигли достаточного уровня прочности». Пакистанские лидеры неизменно демонстрировали поддержку своих коллег из КНР в критические моменты, начиная с того, что Пакистан стал «первой мусульманской и третьей некоммунистической страной, признавшей КНР в 1951 году» (Ali и др., 2021 г.), и до поддержки Пекина в Организации Объединенных Наций и воздержания от критики в отношении обращения с мусульманским уйгурским меньшинством (Hillman и Sacks, 2021 г.). Однако реализация проекта CPEC положила начало новой эре отношений между двумя странами (с переходом от отношений, характеризующихся тесными политическими

связями в рамках небольшой группы чиновников и представителей бюрократического аппарата, к намного более широкой экономической интеграции и взаимозависимости с определенными последствиями на местном, национальном и региональном уровнях.

Пекин также стремится использовать углубление связей с Пакистаном и стратегическое положение CPEC для расширения информационного присутствия и демонстрации силы в регионе. Одной из причин инвестирования в Гвадар является возможность его эксплуатации в качестве глубоководного порта двойного назначения, который может принимать корабли Военно-морского флота Народно-освободительной армии Китая (ВМФ НОАК), а также обеспечивать логистическую и оперативную поддержку для демонстрации военной мощи в Индийском океане в рамках более широкой стратегии «нити жемчуга» (Kanwall, 2018 г.; Hillman и Sacks, 2021 г.; Ali и др., 2021 г.).

Некоторые эксперты рассматривают CPEC как «средство изменения существующего положения» и пример «взаимовыгодного сотрудничества», направленный на стимулирование роста экономики Пакистана и объема поставляемых им энергоресурсов (Hussain, 2019 г.). Тем не менее, возникают споры по поводу отсутствия чрезмерной задолженности и по поводу коррупции (Hillman и Sacks, 2021 г.). Восемьдесят процентов средств, выделяемых Пакистану в рамках финансовой дипломатии КНР, предоставляется в форме менее льготных кредитов с процентными ставками, приближающимися к рыночным ставкам или к стоимости капитала (Custer и др., 2019a). На практике это означает, что такие страны, как Пакистан, во все возрастающей степени подвергаются риску, связанному с получением займа с процентными ставками, которые не позволяют легко его погасить, и на невыгодных условиях с точки зрения доходности инвестированного капитала[18], причем оба этих фактора усиливают политическое влияние КНР. Более того, Malik и др. (2021) установили, что Пакистан является одной из стран, участвующих в инициативе «Один пояс, один путь» по всему миру, в которых инфраструктурные проекты, финансируемые Китаем, чаще всего сопровождались скандалами, спорами или предполагаемыми нарушениями (10 проектов), нанесением ущерба сообществу или экосистеме (1 проект) и обвинениями в коррупции или финансовых злоупотреблениях (4 проекта).

Кроме того, в Пакистане проходили острые дискуссии относительно того, какие сообщества следует (а какие не следует) включить в маршрут между Гвадаром и Кашгаром (Hussain, 2019 г.). По некоторым данным, пуштунские оппозиционные политические партии обвинили тогдашнего премьер-министра Навваза Шарифа и его младшего брата, главного министра Пенджаба Шахбаза Шарифа, в изменении маршрута CPEC с целью предоставления непропорционально больших преимуществ округу Пенджаб за счет Белуджистана и Хайбер-Пахтунхва, а также в выкачивании средств для финансирования политических кампаний (*там же*). Провинция Белуджистан на юге, в которой расположены порты Гвадар и Карачи, и провинция Гилгит-Балтистан на севере, рассматриваемые как «ворота CPEC», продолжают испытывать проблемы из-за продолжающегося отсутствия личной безопасности населения вследствие действий сепаратистских движений и террористических групп, таких как Техрик-е Талибан Пакистан и Лашкар-е-Джангви (Ali и др., 2021 г.).

В международном контексте реализация проекта CPEC послужила толчком к мощному соперничеству в сфере энергетики в Центральной и Южной Азии, причем Пакистан является ключевым элементом во многих конкурирующих проектах. В июле 2021 года Россия подписала с Пакистаном соглашение о строительстве до конца 2023 года трубопровода для транспортировки природного газа протяженностью 1100 км — проекта газопровода «Пакистанский поток» (ГПП), идущего от порта Касим в округе Карачи до Лахора (Business Standard, 2021 г.)[19]. Индия осудила включение в проект CPEC провинции Гилгит-Балтистан, которая расположена рядом со спорным регионом Джамму и Кашмир (Hussain, 2019 г.). Однако Нью-Дели стремится получить доступ к газовому месторождению Галкыныш в Туркменистане с использованием трубопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ) (Hydrocarbons Technology, 2021 г.)[20]. Индия рассматривала возможность строительства трубопровода Иран-Пакистан-Индия (ИПИ), однако действия США по применению санкций к Ирану не позволили завершить этот проект. Заинтересованность США в проекте ТАПИ вступает в непосредственное противоречие с реализацией КНР проекта CPEC, в связи с чем США присоединились к Индии в осуждении этого проекта в октябре 2017 г. (Ali и др., 2021 г.). Конкуренция между США и Россией в сфере природного газа в большей мере наблюдается на Кавказе, а не в Пакистане (Abbhi, 2016 г.; Bryza, 2020 г.; Johnston, 2019 г.)[21].

В этой главе мы установили, что Пекин не использует единый подход, а применяет на местном уровне три конкретные стратегии публичной дипломатии — «извлечение», «побуждение» и «уклонение» — для продвижения в странах ЦЮА своих экономических и геополитических целей, а также целей в сфере безопасности. Затем мы определили, что охват мероприятиями финансовой дипломатии КНР внутри отдельных стран характеризуется ограниченным числом получателей при достаточно значительных объемах с потенциальной возможностью непропорционально высокого влияния в небольшой группе сообществ, в частности, в районах с высокой численностью населения, а также в районах, на территории которых имеются трубопроводы для транспортировки природного газа и месторождения нефти (нефти или природного газа). Однако тщательный анализ проекта CPEC в Пакистане показывает важность рассмотрения взаимосвязи целей на макроуровне и характеристик сообщества на микроуровне для понимания того, как Пекин использует финансовую дипломатию для укрепления экономических связей и продвижения своих национальных интересов.

В главе 3 мы переходим от финансовой дипломатии к более тщательному рассмотрению ряда инструментов «мягкой силы» из используемого Пекином арсенала методов публичной дипломатии. Мы рассматриваем каждый инструмент отдельно, а затем пытаемся определить, использует ли их Пекин синергетически для оказания влияния на лидеров и общественность других стран в соответствии со своими интересами, и какие методы применены для достижения цели. Мы также рассмотрим, как взаимосвязаны действия Пекина по установлению экономических связей и связей между людьми.

---

[3] В рамках финансовой дипломатии выделяются четыре категории государственного финансирования, которые, по мнению Custer и др. (2019a), в наибольшей степени связаны с публичной дипломатией и оказанием влияния на другие государства. Лаборатория AidData отслеживает более широкую группу государственных финансовых инвестиций Китая, которая охватывает категории инвестиций, не отраженные в этом отчете. Вместе с тем, на финансовую дипломатию в регионе Центральной и Южной Азии приходится основную доля общего объема средств государственного финансирования Китая (96 %) и общего числа проектов (72 %). По оценкам лаборатории AidData, в период с 2000 по 2017 год в этот регион Китаем были направлены средства государственного финансирования в сумме 132,6 млрд долл. США в рамках 1198 проектов (Custer и др., 2021b).

[4] Финансирование инфраструктурных проектов, охватывающих автомобильные дороги, железные дороги и электростанции, а также проектов в сфере цифровых коммуникаций, является особенно заметным для граждан, особенно если эти проекты широко освещаются в рамках рекламных кампаний, позиционирующих такую помощь как подарок от китайского народа народу страны-получателя.

[5] В случае стихийных бедствий Китай оказывает гуманитарную помощь в форме финансовой и технической помощи или товаров в натуральном виде (например, судно с необходимыми товарами).

[6] Наиболее гибкая форма финансирования, которую одна страна может предоставить другой стране — бюджетная поддержка. Она является крайне желательной для лидеров, поскольку обеспечивает исключительную гибкость в расходовании этих не отягощенных условиями и не связанных с конкретными проектами средств.

[7] Полное списание задолженности или реструктуризация существующей задолженности заметны как лидерам, так и простым гражданам. Подобные меры помогают странам оплатить текущие обязательства, которые были приняты ими на себя ранее. Согласно отчету Rhodium Group условия предоставления каждого четвертого доллара США из сумм, ранее направленных Китаем на кредитование других государств, подвергаются пересмотру.

[8] По оценкам специалистов, 16 % средств, выделенных в рамках финансовой дипломатии Пекина, были «аналогичны гуманитарной помощи» (гранты и льготные кредиты), поскольку соответствовали установленному ОЭСР критерию, для признания официальной помощью в целях развития. В отношении десяти процентов выделенных средств информация была недостаточной для точной классификации в качестве помощи или займа, поэтому эти средства не были отнесены к конкретной категории. Картина несколько меняется, если рассматривать количество проектов и соответствующий объем средств: из 865 проектов Пекина в сфере финансовой дипломатии 66 % можно считать аналогичными гуманитарной помощи, 23 % отнесены к категории займов и 10 % не были отнесены к какой-либо категории из-за отсутствия достаточной информации. Такое распределение в целом соответствует данным о государственном финансировании со стороны Китая, приведенным в публикации Custer и др. (2021 г.), в которой указано, что 81 % объема финансирования и 29 % проектов были связаны с долговыми инструментами.

[9] Эта оценка на 5 млрд долл. США выше суммы в размере 34 млрд долл. США, предоставленной Пакистану согласно данным лаборатории AidData по государственному финансированию Китая по состоянию на сентябрь 2021 г. (Custer и др., 2021b). Данные о финансовой дипломатии, использованные в настоящем отчете, классифицировались на основе разработанной лабораторией AidData схемы кодирования средств финансовой дипломатии, а геопривязка осуществлялась с использованием методологии геокодирования версии 1.0 лаборатории AidData до выпуска новой версии в сентябре 2021 г., содержащей данные о новых аннулированных и приостановленных проектах, которые, возможно, не отражены в данном отчете.

[10] Группы были определены с использованием двухэтапного процесса. Прежде всего, мы рассчитали коэффициенты корреляции Пирсона между всеми формами дипломатии в пределах каждой страны. Далее мы провели иерархический кластерный анализ. Дополнительную информацию об этом процессе см. в методическом приложении.

[11] Хотя Непал традиционно не считается богатым нефтью или природным газом, китайские компании проявляют заинтересованность в проведении геологической разведки с целью выявления перспективных нефтяных месторождений нефти для коммерческого бурения (Xinhua, 2019 г.). Более того, широко известно, что Непал обладает значительным потенциалом производства гидроэнергии. По оценкам Международной финансовой корпорации (МФК) (дата не указана), в будущем этот потенциал позволит гидроэлектростанциям вырабатывать «более 50 000 МВт» электроэнергии.

[12] Следует отметить, что провинция и район в данном контексте используются в качестве сокращенного обозначения административных единиц первого (ADM-1) и второго (ADM-2) уровней в той или иной стране, при том понимании, что конкретный термин может быть другим в зависимости от страны.

[13] В качестве примера Hornby и Hancock (2018 г.) показали, как обещание председателя Китая Си Цзиньпина в 2018 г. предоставить 60 млрд долл. США в форме новых кредитов африканским странам вызвало возмущение среди китайских граждан, обеспокоенных отсутствием экономической безопасности в своей стране.

[14] При помощи регрессий, в которых были учтены пространственные зависимости или кластеризованные стандартные погрешности, мы установили статистически значимую связь между предоставляемыми Пекином в рамках финансовой дипломатии ресурсами и районами с высокой численностью населения и действующими трубопроводами для транспортировки природного газа. Важной оговоркой является то, что при введении в наши модели фиксированных эффектов для конкретных стран трубопроводы для транспортировки природного газа теряют свою статистическую значимость. Это обусловлено тем, что регрессии, в которых делается упор на усредненные значения эффектов, маскируют изменяющиеся в пространстве связи (Fotheringham и др., 2002 г.). В качестве дополнительной проверки робастности регрессии мы также провели ряд расчетов регрессий, взвешенных по геопространственным данным. Для ознакомления с более подробной информацией об этих методах и исходных данных см. методическое приложение.

[15] Следует отметить, что из этого числа исключены проекты в рамках финансовой дипломатии, которые не могли быть непосредственно отнесены к административной единице второго уровня на основании данных местоположения, указанных в описании.

[16] Большая часть этих средств была инвестирована в период с 2013 по 2015 гг. Премьер-министр Китая Ли Кэцян первоначально предложил создать CPEC во время визита в Пакистан в мае 2013 года, а председатель КНР Си Цзиньпин официально объявил о начале реализации проекта в 2015 году, упомянув «51 соглашение и меморандумы о взаимопонимании» (Ali и др., 2021 г.). Однако концепция коридора, связывающего Китай с Персидским заливом через Пакистан, ведет свое начало от визита в Китай в феврале 2006 г. президента Пакистана Первеза Мушаррафа (там же).

[17] В случае реализации в требуемом объеме это может быть очень выгодным для Китая, испытывающего недостаток энергетических ресурсов, поскольку 80 % нефти импортируется из Африки и Ближнего Востока.

[18] Например, Malik и др. (2021 г.) поясняют, что при осуществлении независимых проектов в области энергетики, связанных с CPEC и финансируемых за счет китайских займов, и инвестиционного капитала, правительство Пакистана зачастую устанавливает очень выгодные для китайских инвесторов условия по доходности капитала и гарантии выплаты займов, чтобы привлечь инвесторов к финансируемым Китаем энергетическим проектам.

[19] Эта инициатива является частью предпринимаемых Россией усилий по открытию нового рынка энергоресурсов в целях компенсирования сокращения рынка на Западе и усиления влияния в регионе в связи с укреплением отношений США и Индии и уходом США из Афганистана (Haq, 2021 г.). В отличие от соглашения 2015 года, приостановленного санкциями Запада в ответ на аннексию Россией Крыма в 2014 году, нынешнее российско-пакистанское соглашение о строительстве трубопровода, судя по всему, «составлено таким образом, чтобы избежать санкций..., поскольку доля собственности ниже порога, который чаще всего приводит к применению санкций со стороны США» (Haq, 2021 г.).

[20] Однако КНР также планирует получить доступ к месторождению Галкыныш, используя собственный трубопровод, идущий из Туркменистана в Китай через северный Афганистан, что может привести к соперничеству, если требуемый объем поставок превысит производительность месторождения.

[21] Конкуренция между Россией и США в сфере трубопроводов для транспортировки природного газа в основном сосредоточена на конкретном трубопроводе Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД) на Кавказе, при этом США и Европа в целом стремятся найти альтернативы монополии России на трубопроводы, транспортирующие природный газ в Европу из Азии (Bryza, 2020 г.; Johnston, 2019 г.).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Социальные связи: как Пекин использует образование, культуру и студенческий обмен для усиления своей стратегии влияния за рубежом?

Основные выводы этой главы:

- *В своих проектах по оказанию помощи в сфере образования Пекин все большее внимание уделяет стипендиям, технической помощи и профессиональной подготовке как способам привлечения абитуриентов в китайские высшие учебные заведения.*
- *Стремясь стать одним из главных центров получения образования за рубежом, КНР предлагает менее жесткие требования наряду с различными стипендиями, учебными программами на английском языке и новыми формами обучения.*
- *Несмотря на то, что Россия, Индия и США имеют более длительное присутствие в регионе, в настоящее время на долю Китая приходится 30 % языковых и культурных учреждений – больше только у США.*
- *Пекину удалось установить 193 контакта – как между центральным и местным уровнями, так и между субъектами местного уровня – в 174 городах в регионе ЦЮА, однако более половины из них (52 %) приходится всего на 16 приоритетных городов.*

По мере укрепления экономики КНР может создаваться впечатление, что те, кто усвоил китайский язык и культурные нормы этой страны, имеют своего рода «премиальную надбавку к доходу» в виде намного более широких экономических перспектив (Xie, 2019). В этом отношении используемые Пекином экономические инструменты и средства реализации принципа «мягкой силы», вероятно, наиболее действенны, когда используются параллельно, взаимно усиливая друг друга. По мере углубления экономической интеграции и укрепления экономических связей между странами ЦЮА и КНР (подробнее см. в главе 2) увеличивается открытость стран ЦЮА в плане постижения китайского языка, культуры и норм (рассмотрению этого аспекта посвящена данная глава). Подобным образом, с установлением более тесных связей между представителями общественности и элиты стран ЦЮА и Китая, тем вероятнее, что эти социальные сети будут использоваться при выборе поставщиков товаров, услуг, капитала, а также в поисках иных видов экономического партнерства.

В последней части этой главы мы рассмотрим, как Пекин использует сотрудничество в области образования и программы студенческого обмена (раздел 3.1), а также популяризацию китайского языка и культуры (раздел 3.2), для развития социальных связей (частных отношений) и продвижения своих национальных интересов в странах ЦЮА. В разделе 3.3 анализируются степень охвата и глубина выстраиваемых Пекином социальных связей в рассматриваемых странах, а также возможные объяснения того, почему одни сообщества являются более привлекательными для Китая, чем другие.

3.1

Образование как средство реализации принципа «мягкой силы»: инициативы Пекина по оказанию помощи в получении образования и по организации студенческих обменов

Образование является мощным рычагом неформального влияния на широкую общественность других стран, с тем чтобы жители этих стран «хотели того же, чего хотите вы» (Nye, 2011). С экономической точки зрения КНР позиционирует себя как один из ведущих центров получения образования за рубежом не только ради получения значительной платы за обучение иностранных студентов, но и для освоения рынков для китайских товаров, услуг и капитала. В геополитическом плане сотрудничество в сфере образования является для руководства КНР средством создания бренда, обеспечивающего особое уважение к китайским моральным ценностям, китайской культуре и цивилизации после «столетия унижений» (Tischler, 2020 г.). Кроме того, образование служит интересам в сфере обеспечения безопасности. На международном уровне Пекин может поддерживать неформальное общение с гражданами других стран, прививая им свои идеи и нормы,уменьшая накал критических выступлений и повышая легитимность своей коммунистической партии. На национальном уровне, по мнению некоторых специалистов, КНР может преобразовать неспокойные западные регионы в международные образовательные центры для обеспечения внутренней стабильности (Welch, 2018; Li, 2018; Yalun, 2019).

В этом разделе мы сосредоточиваем внимание на двух областях, имеющих ключевое значение для стратегии влияния Пекина в регионе Южной и Центральной Азии. В разделе 3.1.1 мы рассматриваем меры государственной помощи в сфере образования, которую КНР оказывает странам ЦЮА посредством финансирования или поддержки в натуральной форме. В разделе 3.1.2 подробнее рассматриваются усилия КНР по стимулированию программ обучения за рубежом и созданию возможностей для профессиональной подготовки студентов из стран ЦЮА.

3.1.1

Помощь странам ЦЮА в сфере образования

По оценкам специалистов, в период с 2000 по 2017 год КНР профинансировала 251 проект по оказанию помощи в сфере образования 12 странам ЦЮА. Эта цифра включает в себя финансирование в объеме, оцениваемом в 6,6 млрд долл. США, а также значительную поддержку в натуральной форме: рабочая сила, материалы, техническая помощь и оборудование[22]. Важными поворотными моментами стали международный финансовый кризис 2008 года и объявление о начале реализации инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 году. Можно выделить три периода

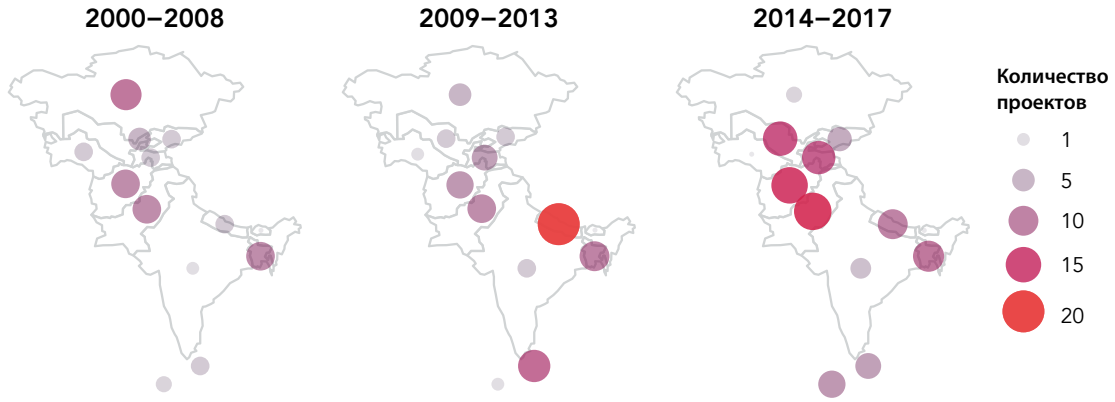
времени, когда отмечалось последовательное увеличение общего объема проектов по оказанию помощи в сфере образования: 2000–2008 гг. (61 проект), 2009–2013 гг. (82 проекта) и 2014–2017 гг. (108 проектов). При этом на протяжении этих трех периодов менялись приоритетные для Пекина страны (график 3) и предпочтительные формы и методы оказания помощи.

На начальных этапах наиболее крупным получателем китайских проектов помощи в сфере образования (18 %), в том числе финансовой (62 %), был Казахстан, однако затем объем его поддержки существенно сократился (таблица 3). В период с 2009 по 2013 год наибольшее количество проектов пришлось на долю Непала (24 %), но при этом наибольший объем финансирования получили Пакистан и Бангладеш (31 % и 25 % соответственно). В период после начала реализации инициативы «Один пояс, один путь» и в Афганистане, и в Узбекистане, и в Таджикистане было реализовано большое количество проектов по оказанию помощи в сфере образования. Однако три четверти всего финансирования, выделенного Пекином после 2014 года, пришлось на долю Пакистана и Бангладеш. При этом мы не видим никаких признаков того, что оказание такой помощи в сфере образования зависит от наличия или отсутствия институтов или классов Конфуция в странах-получателях.

Вывод № 5. В своих проектах по оказанию помощи в сфере образования Пекин все большее внимание уделяет стипендиям, технической помощи и профессиональной подготовке как способам привлечения абитуриентов в китайские высшие учебные заведения.

Помощь Пекина в сфере образования можно разделить на четыре основные категории. Во-первых, 46 % проектов были преимущественно связаны со строительством зданий или безвозмездной передачей оборудования (например, книг, компьютеров, мебели). Наиболее приоритетными получателями помощи в рамках таких проектов были Непал и Узбекистан[23]. Во-вторых, в рамках 39 % проектов предоставлялись стипендии и возможности профессиональной подготовки, а также оказывалась техническая помощь[24]. Такую помощь чаще всего получали Бангладеш и Афганистан. В-третьих, совместные научные и исследовательские проекты, включая создание учебных центров, институтов и классов Конфуция, аналитических центров, а также сотрудничество между научными и образовательными учреждениями, составили 11 % от всех проектов[25]. Наконец, оставшиеся 11 классифицированных проектов были более разнообразными, но в них все же присутствовал культурный или образовательный элемент, например, поддержка кружков кройки и шитья в Таджикистане, оплата труда учителей в школе для детей с аутизмом на Мальдивах. Вначале Пекин равномерно распределял свою помощь между всеми четырьмя категориями (таблица 4). В период с 2009–2013 годы основное внимание уделялось строительству зданий и безвозмездному предоставлению оборудования. После запуска инициативы «Один пояс, один путь»

График 3. Географическое распределение проектов по оказанию помощи в сфере образования, в разбивке по странам и периодам времени



Тройка стран, лидирующих по объему проектов помощи в сфере образования (в денежном выражении), по периодам

2000–2008	2009–2013	2014–2017
Казахстан 371 млн. долл. США	**Пакистан** 168 млн. долл. США	**Пакистан** 2,1 млрд. долл. США
Узбекистан 76 млн. долл. США	**Бангладеш** 137 млн. долл. США	**Бангладеш** 2,1 млрд. долл. США
Пакистан 37 млн. долл. США	**Казахстан** 93 млн. долл. США	**Шри Ланка** 805 млн. долл. США

Примечания: на этих картах показано общее количество проектов КНР по оказанию странам ЦЮА помощи в сфере образования, сгруппированных по трем временным периодам. Цвета соответствуют количеству проектов по странам в каждый период времени, от меньшего (фиолетовый) до большего (красный).

Источник: глобальная база данных лаборатории AidData о финансируемых КНР проектах в целях развития, версия 2.0.

Пекин стал уделять больше внимания стипендиям, технической помощи и профессиональной подготовке, в рамках стратегии формирования моральных норм и положительного образа Китая в СМИ. В разделе 3.1.2 мы подробно рассматриваем, как Пекин использует это сотрудничество со странами ЦЮА в сфере образования для привлечения студентов в китайские высшие учебные заведения, а также экспериментирует с новыми методами организации профессиональной подготовки и дистанционного образования в странах ЦЮА.

Таблица 3. Количество проектов по оказанию помощи в сфере образования, в разбивке по странам и периодам времени

	2000–2008 гг.	2009–2013 гг.	2014–2017 гг.	За все годы
Афганистан	9	8	16	33
Бангладеш	9	10	11	30
Индия	1	3	4	8
Казахстан	11	5	2	18
Кыргызстан	3	3	6	12
Мальдивы	2	1	8	11
Непал	3	20	10	33
Пакистан	9	9	17	35
Шри-Ланка	3	12	7	22
Таджикистан	3	7	13	23
Туркменистан	3	1	0	4
Узбекистан	5	3	14	22
Всего	61	82	108	251

Примечания: общее количество проектов КНР по оказанию странам ЦЮА помощи в сфере образования, сгруппированных по трем временным периодам.

Источник: глобальная база данных лаборатории AidData о финансируемых КНР проектах в целях развития, версия 2.0.

Таблица 4. Количество проектов КНР по оказанию помощи в сфере образования по категориям, все страны ЦЮА, 2000–2017 гг.

	2000–2008 гг.	2009–2013 гг.	2014–2017 гг.	За все годы
Здания и оборудование	25	51	40	116
Стипендии, профессиональная подготовка и техническая помощь	23	23	51	97
Совместные научные и исследовательские проекты	11	8	8	27
Прочие проекты	2		9	11
Всего	61	82	108	251

Примечания: в этой таблице показано количество проектов КНР по оказанию странам ЦЮА помощи в сфере образования в разбивке по категориям и сгруппированных по трем временным периодам.

Источник: глобальная база данных лаборатории AidData о финансируемых КНР проектах в целях развития, версия 2.0.

3.1.2

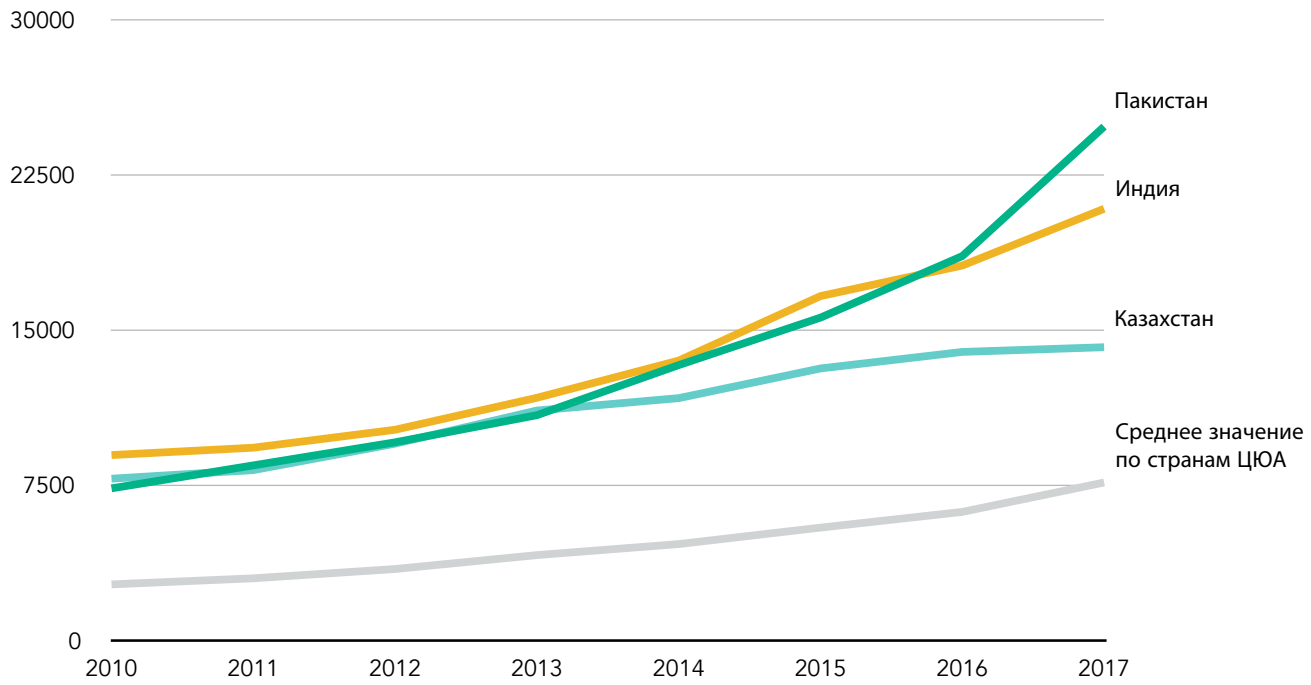
Обмен студентами вузов со странами ЦЮА

Пекин выделяет значительные средства на оказание помощи ведущим китайским высшим учебным заведениям (вуз) в улучшении их материально-технической базы, интернационализации учебных программ, принятии иностранных студентов и преподавателей, а также в заключении соглашений о сотрудничестве с аналогичными зарубежными учреждениями. Благодаря этим государственным инвестициям китайские вузы все чаще занимают лидирующие позиции в международных рейтингах учебных заведений (Welch, 2018). Параллельно с этим лидеры КНР реализуют активную стратегию привлечения иностранных студентов с помощью крайне эффективного сочетания «стипендий, упрощенных визовых требований и соглашений о сотрудничестве» (Custer et al., 2018 и 2019b). В результате Китай вошел в число наиболее популярных стран для обучения за рубежом. В 2018 году в страну приехало почти 500 000 иностранных студентов из 196 стран для обучения в 1000 вузов в 31 провинции и автономных округах Китая (Министерство образования КНР, 2019).

Хотя амбициозные замыслы Пекина имеют глобальный характер, особая заинтересованность приходится на стимулирование желания студентов стран ЦЮА учиться в Китае. До начала пандемии COVID-19 КНР добилась значительного прогресса в достижении этой цели (график 4), число студентов из стран ЦЮА, обучающихся в Китае, увеличилось с 33 211 в 2010 году до 92 273 в 2017 году, т. е. повысилось на 178 % за восемь лет (Custer et al., 2019a)[26]. Однако стремительный рост числа иностранных студентов, обучающихся в Китае, судя по всему, в настоящее время замедляется, причем это началось еще до пандемии COVID-19 (Hartley, 2019 г.)[27]. Поскольку КНР отказалась продлевать визы (Yan, 2021 г.), студенты из стран ЦЮА оказались «в подвешенном состоянии», не имея возможности продолжить или начать учебу. Чтобы приспособиться к сложившимся новым реалиям, КНР экспериментирует с платформами дистанционного обучения (Yao и др., 2020), а также сконцентрировала усилия на программе семинаров-практикумов им. Лу Баня, в рамках которой китайские вузы и компании находят партнеров среди принимающих организаций в других странах.

В оставшейся части этого раздела более подробно рассматриваются три стратегии, которые Пекин исторически использовал, чтобы конкурировать с традиционными странами, выбираемыми для обучения за рубежом: (i) ослабление визовых ограничений; (ii) предоставление стипендий при поддержке государства; и (iii) снижение языковых, технических и географических барьеров за счет расширения предложения услуг на английском языке, экспорта профессиональной подготовки при посредстве программы семинаров-практикумов имени Лу Баня и продвижения мандаринского наречия китайского языка за рубежом.

График 4. Количество студентов из стран ЦЮА, проходивших обучение в Китае, за год в разбивке по странам, 2010–2017 гг.



Примечания: на графике показано количество студентов из каждой страны ЦЮА, проходивших обучение в Китае каждый год в период с 2010 по 2017 год.

Источник: Ежегодник «Органы власти и внешняя политика Китая», издаваемый Центром стратегических и международных исследований Китая

Вывод № 6. Стремясь стать одним из главных центров получения образования за рубежом, КНР предлагает менее жесткие требования наряду с различными стипендиями, учебными программами на английском языке и новыми формами обучения.

До начала пандемии коронавирусной инфекции Пекин стремился сократить транзакционные издержки студентов из стран ЦЮА, связанные с обучением в Китае, в соответствии со своим планом действий в области образования в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (Министерство образования КНР, 2016)[28]. Визовые требования (которые во многих странах, пользующихся предпочтением среди иностранных студентов, включают сборы за выдачу визы, медико-санитарные требования и подтверждение способности студента покрывать личные расходы в период обучения) могут создавать определенные препятствия для иностранных студентов, требующие серьезных финансовых расходов и занимающие много времени, которые необходимо преодолеть для обучения за рубежом. Руководство КНР, стремясь устранить помехи и создать «беспрепятственные каналы для сотрудничества в области образования» (Министерство образования Китая, 2016 г.), осуществило ряд стратегий с целью упрощения ограничений для студентов из стран ЦЮА, желающих учиться в Китае. Чтобы проверить, насколько действенным является это обязательство, мы сравниваем, насколько легко студентам из стран ЦЮА учиться в Китае по сравнению с другими странами, такими как Россия, США и Великобритания.

КНР предлагает наименее жесткие визовые требования – как с точки зрения затрат, так и медико-санитарных и финансовых требований – для студентов из большинства стран региона ЦЮА, если, конечно, данная политика сохранится после снятия ограничений в связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19 (график 5). По простоте получения визы Россия приближается к КНР, но лишь для ограниченного числа стран. Москва применяет относительно либеральные визовые требования в отношении студентов из стран Содружества Независимых Государств (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан), но установила более высокую стоимость визы и более жесткие санитарно-медицинские требования для других стран Южной и Центральной Азии.

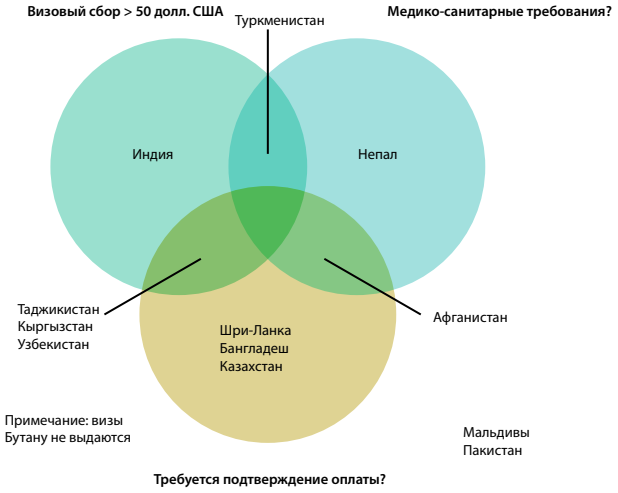
Для большинства стран ЦЮА стоимость китайской студенческой визы составляет не более 50 долл. США[29], при этом требуется подтвердить способность оплачивать расходы из расчета не более 2500 долл. США за год обучения[30]. Для сравнения, студенту из ЦЮА, который хочет учиться в Лондоне, в среднем необходимо заплатить в девять раз больше за британскую студенческую визу (470 долл. США) и подтвердить способность покрыть расходы на проживание из расчета 21 475 долл. США (16 008 ф. ст.) в год (1790 долл. США или 1334 ф. ст. в месяц). Хотя в США виза обходится дешевле, чем в Великобритании, но студентам из ЦЮА всё равно приходится платить в три раза больше за стандартную американскую студенческую визу (160 долл. США). Стоимость российской визы ниже, чем в англоязычных странах, но всё-таки обходится абитуриентам от 75 до 128 долл. США.

Указанные различия в правилах визового режима уже сами по себе являются ярким подтверждением намерения КНР конкурировать за то, чтобы стать сейчас предпочитаемой страной для желающих учиться за рубежом, а также укрепить отношения с будущими лидерами государств, частного бизнеса и гражданского общества в странах ЦЮА. Тем не менее, подход КНР к странам ЦЮА не является единым, поэтому для разных стран установлены разные правила визового режима. Анализ этих различий обеспечивает нужную информацию и проясняет выявленные приоритеты Пекина, поскольку требования КНР отличались от страны к стране в гораздо большей степени, чем у конкурентов в области получения образования за рубежом[31]. Самым показательным в этом смысле является сравнение сильно различающихся визовых требований (см. график 5) для трех первых стран, присоединившихся к инициативе «Один пояс, один путь» в 2013 году: Пакистана, Афганистана и Кыргызстана.

Пакистан является фаворитом в плане особого внимания со стороны Пекина: единственное официальное требование для получения студенческой визы — это скромный визовый сбор в размере 26 долл. США. Такая стратегия приносит свои плоды, поскольку Пакистан в настоящее время является крупнейшим поставщиком студентов из региона ЦЮА для китайских вузов. Число пакистанских студентов, обучающихся в Китае, резко возросло (на 278 %) в период с 2010 по 2018 год (Custer и др., 2019a; министерство образования КНР, 2019 г.)[32]. В противоположность этому, КНР применяет более строгие (хотя и не по сравнению с другими выбираемыми для обучения за рубежом странами) требования в отношении студентов из Кыргызстана (визовый сбор в размере 80 долл. США и подтверждение наличия денежных средств из расчета 2500 долл. США в год) и Афганистана (сбор в размере 30 долл. США, медицинское обследование, подтверждение наличия денежных средств из расчета 2500 долл. США в год).

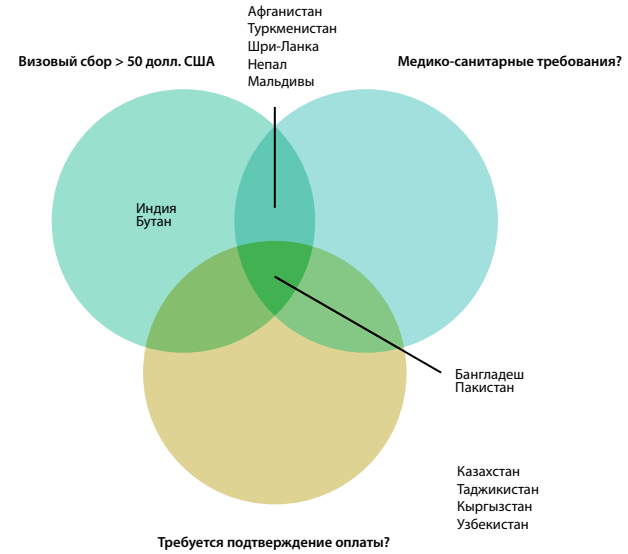
График 5. Сравнение визовых требований для студентов из стран ЦЮА в КНР, России, США и Великобритании

Требования для получения китайской визы для студентов из стран ЦЮА

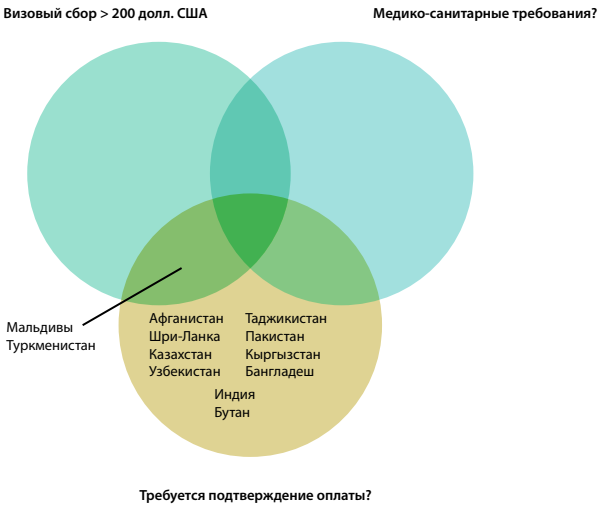


Требования для получения британской визы для студентов из стран ЦЮА

Требования для получения российской визы для студентов из стран ЦЮА



Требования для получения американской визы для студентов из стран ЦЮА



Примечания: указанные требования опубликованы на официальных государственных веб-сайтах в отношении получения студенческих виз и не отражают требования конкретных университетов или стоимость обучения в них. На данной схеме визовый сбор, подтверждение наличия денежных средств и медико-санитарные требования разбиты на две категории: «да/нет». В связи с этим возможна недооценка сложностей, препятствующих учебе некоторых студентов в другой стране, таких как требования о прохождении различных медицинских тестов студентами из определенных направляющих стран, обучающихся в определенных принимающих странах (например, для обучения в Китае студенты из Туркменистана должны, помимо общего медосмотра, пройти тест на ВИЧ). Подобным образом данная схема не отражает в полной мере различия в величине визовых сборов и в требованиях к наличию денежных средств на счете.

Источник: данные собраны с сайта посольства и из официальных правительственных источников. Более подробные данные см. в методическом приложении.

Помимо ослабления визовых ограничений Пекин также пытается предложить иностранным студентам более привлекательные условия с помощью различных финансируемых государством стипендий для обучения в Китае. К 2018 году около 13 % иностранных студентов, обучающихся в Китае, получали субсидии от правительства КНР (Министерство образования КНР, 2019). Такие стипендии при финансовой поддержке государства предоставлялись не из одного источника. Их предоставляли, в числе прочих, различные ведомства общенационального уровня, органы власти провинций, китайские вузы, Академия наук КНР и Всемирная академия наук (Latief and Lefen, 2018 г.; Custer и др., 2019b).

Пекин явно рассматривает стипендии как центральный элемент своей стратегии по развитию межличностных связей в рамках более широкой концепции своей инициативы «Один пояс, один путь». В своем плане действий в сфере образования в рамках инициативы «Один пояс, один путь» КНР представила две новые стипендиальные программы (Министерство образования КНР, 2016 г.): (i) стипендию «Шелковый путь» для студентов из стран-участниц инициативы, желающих учиться в Китае, и наоборот; (ii) стипендии для содействия обучению иностранных студентов мандаринскому наречию китайского языка и для поддержки взаимных усилий по изучению языков других стран (Министерство образования КНР, 2016 г.).

Пекин опубликовал данные о том, что за период с 2010 по 2018 год им было выделено 358 373 государственные стипендии студентам со всего мира (Министерство образования КНР, данные за несколько лет; Китайско-американская ассоциация профессорско-преподавательского состава и персонала вузов (CAFSA), 2010 г.). Если бы эти стипендии были равномерно распределены между 196 странами, из которых приезжали студенты в Китай, то на каждую страну в указанный период времени приходилось бы примерно 1828 стипендий. Хотя КНР не раскрывает данные о выдаваемых стипендиях в разбивке по странам, Custer и др. (2019a) использовали метод триангуляции на основе объявлений на веб-сайтах правительства и посольств КНР о выделении стипендий студентам из стран ЦЮА. По их оценке, за период с 2010 по 2018 год КНР объявила о выделении примерно 10 000 государственных стипендий для студентов из восьми стран ЦЮА.

На первый взгляд, три страны — Казахстан, Пакистан и Кыргызстан — вошли в тройку лидеров по числу получателей этих стипендий. Однако более глубокий анализ цифр позволяет лучше понять приоритеты Пекина (таблица 5). Что касается количества стипендий на душу населения, то страны Центральной Азии получили значительно больше стипендий, чем страны Южной Азии. При этом самое щедрое субсидирование со стороны Пекина было предоставлено Афганистану: 23 % студентов из Афганистана, обучавшихся в Китае, получили поддержку правительства КНР. Другие страны ЦЮА, судя по всему, получили субсидирование в объеме ниже среднего (от 2 % в случае казахстанских студентов до 7 % в случае студентов из Кыргызстана по сравнению с 11 % в среднем по миру за тот же период).

В целом считается, что КНР предлагает иностранным студентам более щедрые государственные стипендии, чем конкурирующие страны, популярные среди желающих учиться за рубежом[33]. Однако, судя по всему, это пример «розовых очков», когда широкораспространенные представления и публикации в СМИ чрезмерно оптимистичны по сравнению с реальностью. Действительно, Custer и др. (2019b) провели прямое сравнение со стипендиями, предоставляемыми правительствами США, Великобритании, Японии и Австралии, с поправкой на паритет покупательной способности. Исследование показало, что стипендии КНР были не такими щедрыми, составляя около двух третей от размера большинства предлагаемых странами-конкурентами стипендий в относительном выражении.

Другим важным направлением для студентов из региона ЦЮА, желающих учиться за рубежом, является Индия, которая хочет конкурировать с КНР не только в Южной Азии. Нами было выявлено 18 индийских государственных программ, в рамках которых предлагаются 2896 стипендий под эгидой Индийского совета по культурным связям (ИСКС) и министерства иностранных дел, предназначенных для студентов одной или нескольких конкретных стран ЦЮА или являющихся открытыми для студентов из более чем 100 стран мира[34]. Как и в КНР, большинство этих индийских государственных стипендиальных программ предусматривает покрытие не только стоимости обучения, но и субсидирование расходов на проживание. В некоторых случаях субсидируются расходы на проезд. Хотя его непосредственные соседи упоминаются в программах чаще, Нью-Дели нацелился на более дальние рубежи: для ряда стран Центральной Азии и Афганистана предусмотрено значительное количество стипендий (таблица 6).

Таблица 5. Государственные стипендии КНР для студентов из стран ЦЮА, обучающихся в Китае

Страна	Количество объявленных правительством КНР стипендий, 2010–2018 гг.	Количество стипендий КНР на 100 000 человек в возрасте от 15 до 64 лет	Количество студентов из стран ЦЮА, обучающихся в Китае, 2000–2017 гг.	Доля студентов, получающих субсидии от правительства КНР (%)
Афганистан	980	4,5	4208	23 %
Бангладеш	1200	1,1	23 324	5 %
Казахстан	1740	14,7	90 073	2 %
Кыргызстан	1580	38,3	22 766	7 %
Непал	1070	5,6	31 370	3 %
Пакистан	1665	1,2	109 012	2 %
Туркменистан	765	19,7	14 461	5 %
Узбекистан	1000	4,4	16 854	6 %

Примечания: в таблице показано количество финансируемых государством стипендий, официально объявленных правительством КНР для студентов из стран ЦЮА в период 2010–2018 гг. В таблице также указано количество стипендий на 100 000 человек в возрасте от 15 до 64 лет.

Источник: ежегодники по внешней политике Китая (2002–2017 гг.); сайты посольств. Демографические данные взяты из сборника «Показатели мирового развития» Всемирного банка.

Таблица 6. Стипендиальные программы правительства Индии для конкретных стран ЦЮА

Страна	Индийские стипендиальные программы, в которой участвует страна ЦЮА	Индийские стипендии, на получение которых имеет право страна
Бангладеш	6	305
Шри-Ланка	6	220
Мальдивы	4	75
Непал	4	673
Бутан	3	79
Узбекистан	2	732
Афганистан	2	1500
Казахстан	1	580
Кыргызстан	1	580
Таджикистан	1	580
Туркменистан	1	732

Примечания: в таблице показано количество финансируемых государством стипендиальных программ и соответствующее количество стипендий от правительства Индии, право на получение которых имеют студенты из данной страны ЦЮА. Это не означает, что стипендию получат именно студенты из данной страны ЦЮА, поскольку некоторые стипендиальные программы открыты для студентов из нескольких стран.

Источник: веб-сайты Индийского совета по культурным связям и министерства иностранных дел (МИД) Индии.

Чтобы побудить студентов ЦЮА получить образование в Китае, правительству КНР необходимо преодолеть объективные барьеры, такие как язык, технические навыки и географическая удаленность (Министерства образования КНР, 2016 г.). Пекин использует три основные стратегии, чтобы снизить данные барьеры для абитуриентов. В разделе 3.2 ниже подробнее рассматривается, каким образом КНР популяризирует изучение мандаринского наречия китайского языка в странах ЦЮА. В этой же главе мы сосредоточимся на том, как Китай вводит английский язык в качестве основного языка обучения во многих престижных высших учебных заведениях, а также на использовании партнерских отношений между образовательными учреждениями и промышленными предприятиями для экспорта китайских услуг по профессиональной подготовки в страны региона в рамках обучения на курсах им. Лу Баня.

По нашим оценкам, две трети из 351 вузов Китая ввели преподавание отдельных курсов или полных программ на английском языке (таблица 7). Относительная популярность английского языка как наиболее распространенного языка обучения в ведущих университетах поразительна, особенно по сравнению с тем фактом, что только 19 % из них предлагают курсы или программы на русском языке (и это в основном специализированные курсы русского языка или литературы). Это может являться отражением того обстоятельства, что, по мнению китайских вузов, английский язык по-прежнему занимает почетное место в качестве наиболее распространенного языка межнационального общения при проведении постдипломных исследований, поэтому они продолжают вкладывать значительные ресурсы в курсы и программы на английском языке. Эти англоязычные программы очень привлекательны для студентов, которые не владеют мандаринским наречием китайского языка или свободнее говорят на английском, но при этом хотят учиться в китайском университете, т. к. это ближе к дому или дешевле, чем обучение в вузах США, Великобритании или Австралии.

КНР сочетает вузы с преподаванием по отраслевым техническим специальностям на английском языке в Китае с курсами им. Лу Баня[35], «экспортирующими высококачественное профессиональное образование» за границу (Wang, 2020 г.), в качестве мощного рычага достижения экономических и репутационных целей. По состоянию на май 2021 года во всем мире насчитывалось примерно 18 курсов им. Лу Баня (Yau и van der Kley, 2021 г.), в том числе один в Лахоре, Пакистан, а другой в Ченнаи, Индия (Opalinski, 2020 г.; Chennai Institute of Technology, 2021 г.)[36]. Данные курсы организуются при поддержке консорциума из 31 компании и 18 профессиональных колледжей Китая, которые сотрудничают с принимающими учреждениями в странах-партнерах (TEDA, 2021 г.).

Курсы им. Лу Баня знакомят зарубежных специалистов с китайскими техническими стандартами, а также позволяют создать рыночный спрос на китайские технологические системы и на среднее специальное образование в профессионально-технических учебных заведениях (Yau и van der Kley, 2021; TEDA, 2021 г.)[37]. Эта стратегия позволяет КНР подавить растущее недовольство широкой зарубежной общественности тем обстоятельством, что Пекин использует китайскую рабочую силу в своих зарубежных научно-технических проектах (Yau и van der Kley, 2021 г.). Обучение местных инженеров и техников для поддержки финансируемых КНР проектов позволяет Пекину уменьшить зависимость от китайской рабочей силы и продемонстрировать ощутимые преимущества для местных сообществ (TEDA, 2020 г.).

Есть все признаки того, что в будущем Пекин удвоит свою стратегию по организации курсов им. Лу Баня, проявляя такое же рвение, что и в отношении институтов и классов Конфуция, о которых идет речь в следующем разделе. Министр иностранных дел Китая Ван И сообщил, что его коллеги из пяти стран Центральной Азии договорились совместно работать над «открытием по одному курсу им. Лу Баня в каждой из стран ... в течение ближайших трех лет» (Devonshire-Ellis, 2021 г.). В сентябре 2021 года председатель КНР Си Цзиньпин объявил, что КНР «откроет 10 курсов им. Лу Баня в странах Шанхайской организации сотрудничества» (Yau и van der Kley, 2021 г.).

Таблица 7. Количество ведущих китайских вузов, предлагающих обучение на английском или русском языке, в разбивке по типам учебных заведений

	Предлагается обучение на английском языке	Предлагается обучение на русском языке
Медицинские специальности	22	1
Другие специальности	23	2
Научные специальности	50	13
Университет - многопрофильное обучение	138	16
Всего	**233**	**32**

Примечания: в таблице показано количество ведущих китайских высших учебных заведений, предлагающих курсы на английском и русском языках, с разбивкой по типу предлагаемого образования.

Источник: данные, собранные сотрудниками лаборатории AidData с веб-сайтов отдельных университетов.

3.2

Продвижение китайского языка и культуры: мандаринское наречие китайского языка как ворота, ведущие к экономическим возможностям

Лидеры КНР много говорили о своем желании снизить языковой барьер, который препятствует более тесным экономическим и социальным связям со странами ЦЮА. Действительно, все «пять связующих звеньев» инициативы председателя КНР Си Цзиньпина «Один пояс, один путь» — координация политики, создание

инфраструктуры, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция и международные обмены — с большей вероятностью будут достигнуты между странами, у которых имеются общие ценности, нормы, культура и язык (Rolland, 2019 г.). Более того, ученые ранее находили доказательства идеи о том, что более тесная языковая и культурная близость народов приводит к более высоким объемам торговли между ними (Vlasenko, 2019 г.).

Конечно, легче сказать, чем добиться прогресса в увеличении числа людей, говорящих на мандаринском наречии китайского языка. Kugiel (2012 г.) и Peyrouse (2016 г.) утверждают, что относительное отсутствие у Пекина общих культурных и языковых связей с Центральной и Южной Азией означает «более жесткую конкуренцию для Китая, пытающегося пробиться на этот рынок с предложением на другом языке» (Custer и др., 2019a). Вместе с тем Xie (2019 г.) утверждает, что, если страны с низким уровнем дохода посчитают, что потенциальные экономические выгоды от сотрудничества с КНР перевешивают издержки обучения новому языку, существует более высокая вероятность принятия мандаринского наречия китайского языка в качестве межнационального языка общения[38]. Действительно, это утверждение перекликается с распространенным обоснованием[39] того, почему мандаринское наречие китайского языка привлекает население стран ЦЮА. Их мотивация продиктована не столько внутренней или культурной привлекательностью, сколько прагматическим признанием Китая как синонима экономических возможностей для их стран и средств к существованию для отдельных людей.

Институты и классы Конфуция являются одними из самых известных инструментов, используемых Пекином для популяризации мандаринского наречия китайского языка и китайской культуры за рубежом. Эти центры Конфуция на базе местных университетов (в случае институтов Конфуция) или начальных и средних школ (в случае классов Конфуция) в странах ЦЮА, предлагают бесплатные языковые курсы, предоставляют информацию о китайских стипендиях, а также пропагандируют и организуют культурные программы. Пекин открыл первый институт Конфуция в Ташкенте в 2004 году. С тех пор их число увеличилось до 65 центров (28 институтов и 37 классов) в 10 странах ЦЮА (Custer и др., 2019a)[40]. Параллельно с этим было открыто 46 центров тестирования на владение мандаринским наречием китайского языка (Hanyu Shuiping Kaoshi, или HSK). Прохождение этих экзаменов зачастую требуется в рамках программ обучения за рубежом или в качестве желательной профессиональной сертификации.

В этом разделе подробнее рассматривается вопрос о том, как КНР использует институты и классы Конфуция для продвижения языка и культуры Китая в сравнении с усилиями стратегических конкурентов в регионе ЦЮА, а именно: России, Индии, США и Великобритании (раздел 3.2.1). Далее мы проводим оценку наблюдаемого отношения к английскому, русскому и китайскому языкам как к трем возможным языкам межнационального общения в регионе. При этом учитываются языковая политика, действия правительства и результаты экспресс-опросов респондентов из стран ЦЮА для оценки перспектив КНР в достижении поставленной цели по снижению барьеров и увеличению распространенности мандаринского наречия китайского языка в странах, расположенных вдоль Шелкового пути (раздел 3.2.2).

3.2.1

Гонка в области открытия культурных центров: позиции Пекина по сравнению с его стратегическими конкурентами

Рассматривая распространение центров Конфуция в регионе ЦЮА, становится очевидно, что Пекин не использует универсальную стратегию. Так, особое место занимает Кыргызстан, на долю которого приходится 38 % от общего числа центров Конфуция и подавляющее большинство (88 %) классов Конфуция, действующих на уровне начальной и средней школы (таблица 8)[41]. На противоположном конце спектра находятся Узбекистан[42] и Афганистан с минимальным количеством центров Конфуция. Заметная разница наблюдается даже среди стран среднего эшелона, таких как Индия, Пакистан, Казахстан и Непал. Как и в Кыргызстане, шесть из семи центров Конфуция в Непале действуют на уровне начальной и средней школы. Планы по открытию еще одного института Конфуция на базе Трибхуванского университета в Катманду застопорились с 2019 года (Kumar, 2020 г.). Для сравнения: в Индии, Пакистане и Казахстане чаще всего открываются институты Конфуция на базе университетов.

По иронии судьбы центры Конфуция, которые создавались с целью изменения восприятия КНР общественностью как «китайской угрозы» на восприятие в качестве источника «мирного возвышения» соответствующих стран (Myungsik и Tolentino, 2018 г.), сами стали причиной незатихающих споров. Хотя в регионе ЦЮА еще не наблюдается такая же череда закрытий учреждений, как в Северной Америке и Европе (Pinghui, 2020 г.), участились случаи общественных протестов, критических статей в СМИ и правительственных проверок, что может свидетельствовать об ухудшении условий деятельности институтов и классов Конфуция в будущем. Так, в 2020 году министерство образования Индии начало проверку соглашений об открытии семи центров Конфуция, а также еще 54 меморандума о взаимопонимании, касающихся международного сотрудничества в сфере образования (Krishnan, 2020 г.).

В попытке восстановить контроль над формируемой информационной картиной, КНР объявила в июне 2020 года о двух событиях (Xi, 2020 г.; CIUS, 2020 г.): (i) надзор за глобальной сетью центров Конфуция будет осуществлять новая неправительственная организация (Китайский фонд международного образования); и (ii) бывшая штаб-квартира института Конфуция (Ханьбань) переименовывается в Центр образования и сотрудничества, при этом прекращается его финансирование за счет институтов Конфуция. Время покажет, отразится ли это на деятельности институтов и классов Конфуция в странах ЦЮА, и каким образом, а также покажет реакцию зарубежной общественности на эти попытки исправить положение.

Таблица 8. Общее количество институтов и классов Конфуция в странах ЦЮА, 2004–2018 гг.

	Институты Конфуция	Классы Конфуция
Афганистан	1	0
Бутан	0	0
Бангладеш	2	1
Индия	5	2
Казахстан	5	1
Кыргызстан	4	21
Мальдивы	0	0
Непал	1	6
Пакистан	4	2
Шри-Ланка	2	2
Таджикистан	2	2
Туркменистан	0	0
Узбекистан	2	0
Всего	**28**	**37**

Примечания: в этой таблице показано известное количество действующих институтов и классов Конфуция, открытых в 13 странах ЦЮА по состоянию на 2018 год.

Источники: сайт организации Ханьбань (без даты); годовые отчеты организации Ханьбань (2004–2018 гг.). Custer и др. (2019 г.).

Вывод № 7. Несмотря на то, что Россия, Индия и США дольше присутствуют в регионе, в настоящее время на долю Китая приходится 30 % языковых и культурных учреждений (больше только у США).

Пекин не первый и не самый активный игрок, использующий центры содействия распространению языка и культуры для налаживания международных связей в регионе ЦЮА. По общему объему языковых и культурных центров лидируют США: по данным на 2018 год в странах региона действовали 92 американских центра (American Spaces) по сравнению с 65 центрами Конфуция (таблица 9). Кроме того, США дольше присутствуют в регионе: некоторые из первых американских центров в регионе были открыты еще в 40-х и 50-х годах, в том числе центры в Шри-Ланке (1941 г.), Индии (1943 г.) и Пакистане (1951 г.). Центры Конфуция появились сравнительно поздно (первый институт Конфуция в регионе ЦЮА был открыт в Ташкенте в 2004 году).

При прямом сравнении количество американских центров превышает количество центров Конфуция во всех странах региона, кроме четырех. США открывают большую часть своих центров в Южной Азии (71 %), в то время как КНР уделяет больше внимания Центральной Азии (57 %). Вместе с тем, эта картина, скорее всего, изменится в будущем. В период с 2004 по 2018 год количество центров Конфуция быстро росло почти каждый год. Количество же американских центров, напротив, в последние годы не увеличивалось (график 6)[43].

Культурные центры КНР сталкиваются с большей конкуренцией в Центральной Азии со стороны России. Российское правительство создало 32 центра «Россотрудничество» и «Русский мир» в Южной и Центральной Азии, однако географическая направленность России более сконцентрирована – 59 % центров сосредоточены всего в трех странах: Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. За исключением Индии, присутствие России в Южной Азии является чисто символическим (6 центров). Несмотря на менее исчерпывающий характер доступной информации о российских культурных центрах, нам удалось найти центры, которые были открыты еще в 1965 году (Нью-Дели), в 1974 году (Дакка) и в 1975 году (Мумбаи).

Великобритания и Индия также имеют конкретную географическую направленность, но их интересует не Центральная, а Южная Азия. Из 21 выявленного нами Британского совета (British Council) 86 % находятся в Южной Азии, преимущественно в Бангладеш и Индии. Несмотря на относительно скудную информацию, мы зафиксировали примеры культурных центров Великобритании, открытых еще в 1948 году (Исламабад), в 1949 году (Коломбо) и в 1959 году (Катманду). В Индии сравнительно немного культурных центров, что, возможно, согласуется с наблюдением Lal Salvi (2017 г.) о том, что у страны «нет четкой стратегии мягкой силы для достижения своих целей». С другой стороны, это может отражать языковое разнообразие Индии, где экспорту единого национального языка уделяется меньше внимания. Восемь центров Индии имеют разные названия[44], при этом все они, кроме трех, ориентированы на Южную Азию. Однако самый ранний известный индийский культурный центр был открыт в Центральной Азии (в Ташкенте, Узбекистан) в 1995 году.

КНР является относительным новичком, однако быстро компенсировала упущенное время. Теперь Китай имеет 30 % организаций, идентифицированных нами в регионе ЦЮА по состоянию на 2018 год, уступая только США (таблица 9). Особенно ярким примером является Кыргызстан. Благодаря стратегии Пекина по налаживанию партнерских отношений с начальными и средними школами КНР обогнала США и Россию, добившись ощутимого присутствия в стране (64 % всех культурных центров). В Индии и Шри-Ланке США и КНР находятся в практически равном положении. США намного превзошли КНР по количеству культурных центров в Афганистане, хотя вывод американских войск в 2021 году может изменить ситуацию. В Узбекистане явное доминирующее положение сохраняет Россия. На графике 7 показано географическое расположение культурных центров России, США и КНР в регионе ЦЮА.

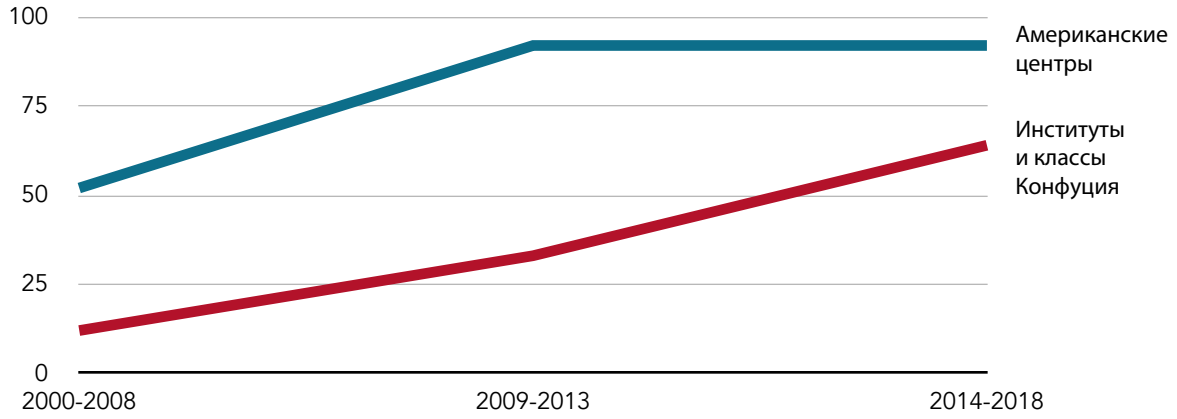
Таблица 9. Языковые и культурные центры КНР и соперничающих держав в регионе ЦЮА, 2018 г.

	КНР	Индия	Россия	Великобри-тания	США	Всего	Доля КНР
Афганистан	1	1	2	1	21	26	4 %
Бутан	0	0	0	0	0	0	Не применимо
Бангладеш	3	1	1	5	6	16	19 %
Индия	7	Не применимо	4	5	6	22	32 %
Казахстан	6	1	3	2	11	23	26 %
Кыргызстан	25	0	7	0	7	39	64 %
Мальдивы	0	1	0	0	1	2	0 %
Непал	7	1	1	1	9	19	37 %
Пакистан	6	0	1	3	19	29	21 %
Шри-Ланка	4	1	1	3	3	12	33 %
Таджикистан	4	1	6	0	7	18	22 %
Туркменистан	0	0	0	0	1	1	0 %
Узбекистан	2	1	6	1	1	11	18 %
Всего	65	8	32	21	92	218	30 %

Примечания: в этой таблице показано общее количество культурных центров, открытых в странах ЦЮА по состоянию на 2018 год, с учетом закрытия существующих центров в предыдущие годы.

Источник: официальные правительственные веб-сайты, веб-сайты культурных центров и ежегодные отчеты организации Ханьбань (2004–2018 гг.).

График 6. Совокупное количество американских центров и центров Конфуция в Южной и Центральной Азии, 2000–2018 гг.



Примечания: на схеме показано общее количество американских и китайских культурных центров, открытых в странах ЦЮА в каждом году в период с 2000 по 2018 год, включая закрытие существующих центров.

Источник: официальные правительственные сайты, ежегодные отчеты организации Ханьбань (2004–2018 гг.).

График 7. Языковые и культурные центры России, Китая, США

3.2.2

Отношение к мандаринскому наречию китайского языка, английскому и русскому языкам в ЦЮА

Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан имеют давние, но сложные отношения с русским языком ввиду общего советского прошлого. По сравнению с такими языками, как английский или китайский, русский язык фактически занимает доминирующее положение (чаще всего, как язык межнационального общения или рабочий язык, а иногда и в качестве официального языка)[45]. Вместе с тем, существуют разные степени владения русским языком[46], и многие страны предпринимают определенные действия по продвижению местных языков или же английского языка в целях укрепления национального достоинства, получения доступа к экономическим возможностям или усиления независимости от России (т. е. дерусификации)[47]. Что особенно важно, во всех пяти странах либо предложено изменить национальный алфавит, либо этот переход уже начался, либо переход с кириллицы на латиницу уже завершен[48].

Эта растущая тенденция отказа от кириллицы является ударом по сфере влияния Москвы и может предоставить другим языкам возможность расширить свой охват. Среди молодых людей региона растет интерес к изучению иностранных языков, таких как английский и китайский, т. к. это открывает двери к получению работы и возможности образования[49]. Процесс изучения языка относительно упрощается при использовании привычной латиницы вместо кириллицы как родного алфавита. Тем не менее русский язык вряд ли исчезнет совсем – он остается важной частью во многих системах образования как язык обучения или второй язык в высших учебных заведениях, а также в бизнесе[50].

В отличие от Центральной Азии, восемь стран Южной Азии исторически имели более тесные связи с Англией в силу прошлых колониальных связей с Великобританией. Английский язык по-прежнему занимает видное место в качестве языка обучения в высших учебных заведениях и в качестве языка межнационального общения в бизнесе и международных отношениях[51]. Доминирование английского языка не может не вызывать споров, и страны Южной Азии предпринимают определенные меры для повышения роли местных языков. В 2020 году правительство Индии пересмотрело свою национальную политику в области образования, установив два родных индийских языка из трех основных языков преподавания в школах (India MHRD, 2020). Президент Мальдивских островов Ибрагим Мохамед Солих заявил, что национальный долг каждого мальдивца – поддерживать язык дхивехи (Правительство Мальдив, 2019)[52]. Между тем положение английского языка по отношению к урду вызывает споры среди политических фракций и социальных слоев в Пакистане (Guo, 2018; Asif et al, 2019)[53].

Вместе с тем финансовые перспективы сотрудничества с КНР создали сильный стимул для стран Южной Азии, таких как Пакистан и Непал, для увеличения государственной поддержки изучения китайского языка (Asif et al., 2019; Gauttam et al., 2021). В июне 2019 года некоторые непальские школы ввели обязательные уроки китайского языка после того, как КНР предложила платить зарплату учителям иностранных языков (Press Trust of India, 2019). В феврале 2018 года парламент Пакистана принял закон, рекомендующий курсы «официального китайского языка» для всех, кто участвует в Китайско-пакистанском экономическом коридоре (CPEC), чтобы снизить «барьеры в коммуникации» (Dawn, 2018).

Однако попытки внедрить китайский язык в Южную Азию не увенчались успехом. Законопроект парламента в Пакистане подвергся критике в некоторых кругах за то, что он уделяет большое внимание китайскому языку, игнорируя при этом многие другие родные языки (Domain B, 2018). В Непале в руководящих принципах Центра разработки учебных программ – государственного органа, ответственного за разработку учебных программ для школ, – по-прежнему говорится, что иностранные языки разрешены, но не могут быть обязательными (The Economic Times, 2019). В Шри-Ланке включение китайского языка наряду с английским и сингальским

и исключение тамильского на официальной надписи, связанной с подарком «Умной библиотеки» Генеральной прокуратуре, а также на вывеске в парке, связанном с поддерживаемым КНР портовым городом Коломбо, вызвало жалобы на нарушение закона страны об официальном языке (Swarajya, 2021)[54].

Языковая политика показывает, насколько благоприятная складывается среда для популяризации китайского как основного иностранного языка в странах ЦЮА. Однако, это не дает в полной мере четкого представления о текущих уровнях владения или интереса к китайскому языку среди социальных элит, которые являются наиболее вероятной целевой аудиторией для продвижения языка и культуры КНР. Чтобы восполнить этот информационный пробел, летом 2021 года мы провели экспресс-опрос лидеров[55] государственного управления, частного бизнеса и гражданских обществ в странах региона ЦЮА. Мы попросили респондентов оценить их текущий уровень владения английским, китайским и русским языками, а также степень заинтересованности в повышении уровня владения каждым из трех языков[56].

На основе отношения к языкам среди опрошенного среза элиты из правительственных учреждений, университетов и аналитических центров, неправительственных организаций и институтов гражданского общества региона ЦЮА можно сделать несколько важных выводов. Как и ожидалось, китайский сталкивается с серьезными трудностями в освоении: 86 % респондентов сообщили, что совсем не владеют языком, остальные же – на очень базовом уровне (таблица 10). При этом почти две трети респондентов были заинтересованы в изучении или повышении своего текущего уровня владения языком. Это, вероятно, указывает на то, что в данный момент на рынке имеется скрытый спрос, который КНР может использовать для увеличения популярности своего языка в регионе, будь то в формате Институтов или Классов Конфуция, возможностей обучения или с использованием других подходов.

На другом конце спектра находится английский как доминирующий из трех языков – 93 % респондентов сообщили о владении английским на среднем или продвинутом уровне. Интересно, что такой высокий уровень владения английским не умеряет энтузиазма изучать его дальше – 92 % респондентов заявили, что хотели бы повысить свой уровень владения языком. Для сравнения: примерно четверть (26 %) респондентов сообщили о среднем или продвинутом уровне владения русским языком, который несколько менее популярен с точки зрения будущего обучения, хотя большинство (52 %) все же выразили заинтересованность в повышении своего уровня владения этим языком.

Вместе взятые английский и русский сохраняют свое доминирующее положение в Южной и Центральной Азии соответственно. Это очевидно как с точки зрения рассмотренной ранее языковой политики, так и из ответов респондентов экспресс-опроса. Тем не менее, у КНР есть окно возможностей, поскольку страны Центральной Азии стремятся утвердить свою независимость от России, как в политическом, так и в экономическом плане, и выражают заинтересованность в продвижении альтернативных иностранных языков в своих системах образования. Наиболее очевидный успех Китая в популяризации своего языка отмечается в Южной Азии, где он ассоциируется с экономическими возможностями – будь то через крупномасштабные инфраструктурные проекты, такие как Китайско-пакистанский экономический коридор (CPEC) в Пакистане, или возможности малого бизнеса в Непале для увеличения доходов в отраслях, например, туризме.

Таблица 10. Уровень владения английским, китайским и русским языками и интерес в их освоении по данным респондентов экспресс-опроса, 2021 г.

	Текущий уровень владения языком				Интерес в повышении уровня владения языком	
	Нет	Начальный	Средний	Продвинутый	Да	Нет
Английский*	0,5	3	15	78	92	8
Китайский	86	9	5		64	36
Русский*	55	6	3	21,5	52	48

Примечания: в левой части таблицы показан процент респондентов из стран ЦЮА, которые сообщили о своем уровне владения английским, китайским или русским языками по шкале от 0 (не владею) до 3 (владею свободно или родной язык). В правой части таблицы показан процент респондентов, заявивших о своей заинтересованности в повышении уровня владения языком. Сумма значений уровня владения английским и русским языками не равна 100 %, что отмечено звездочками, поскольку некоторые респонденты являлись носителями этих языков и были исключены из результатов.

3.3

Физические связи: укрепление межличностных связей на уровне городов и провинций

Один из основных выводов главы 2 заключался в том, что картина на национальном уровне вуалирует факт непропорционально больших усилий Пекина в области финансовой дипломатии, направленных на ограниченную группу провинций и округов. Другими словами, в плане экономических связей Пекин оказывает глубокое влияние в узкой зоне присутствия в странах ЦЮА. Основным тезисом в предыдущих разделах этой главы было то, что привлекательность принципа «мягкой силы» КНР (образование, язык, культура) для широкой общественности стран ЦЮА обусловлена представлениями о связанных с этим экономических возможностях. При этом возникает ряд важных вопросов, которые мы рассматриваем в этом разделе. Насколько широка или, наоборот, узка область применения Китаем принципа «мягкой силы» в странах ЦЮА? Какие сообщества с наибольшей вероятностью станут центром притяжения для пекинских инструментов «мягкой силы» и почему? Как это помогает нам понять, сочетаются ли экономические и социальные связи и, если да, то каким образом?

Чтобы понять социально-культурные связи Пекина на субнациональном уровне, необходимо рассмотреть две взаимосвязи (таблица 11). Первый вид — взаимоотношения между центральным и местным уровнями, когда министерство на центральном уровне или государственное ведомство вступают в партнерские отношения с организацией местного уровня в стране ЦЮА. Например, учреждение институтов и классов Конфуция по решению, принятому в КНР на центральном уровне, в партнерстве с местным университетом или школой в том или ином городе региона ЦЮА. Второй пример: заключение соглашения об информационном обмене и совместном использовании контента между государственным СМИ (например, газетой China Daily) и партнерским СМИ в том или ином городе региона ЦЮА. Второй вид — взаимоотношения между субъектами местного уровня, когда субнациональная организация, обслуживающая китайский город или провинцию, вступает в партнерские отношения с городом или провинцией в какой-либо из стран ЦЮА. Примеры включают сотрудничество в сфере образования между двумя городами или провинциями, а также соглашения о международной дружбе или установлении побратимских отношений между городами (см. график 8).

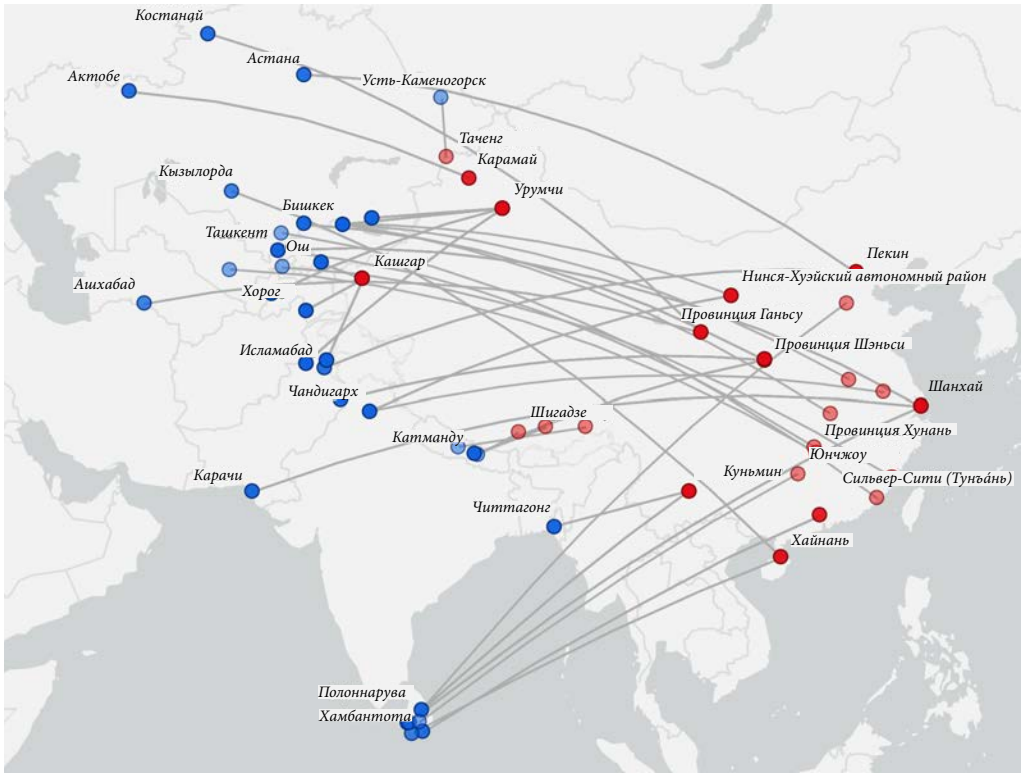
Оба вида взаимоотношений — между центральным и местным уровнями и между субъектами местного уровня — позволяют выявить важные неочевидные закономерности, касающиеся приоритетных задач Пекина, и приблизительно оценить степень концентрации или рассредоточенности социально-культурных связей КНР на субнациональном уровне. Другими словами, их анализ позволяет понять, насколько далеко может в перспективе простираться влияние КНР в странах ЦЮА. Хотя это, возможно, в какой-то мере верно в отношении демократических стран, но именно так чаще всего обстоят дела в условиях авторитарных режимов, таких как КНР, где у городов или провинций существенно меньше «политической свободы действий, чтобы бросить вызов центральному правительству в вопросах внешней политики» (Hongyuan и др., 2021 г.). Таким образом, дипломатия КНР на уровне городов или провинций чаще всего является продолжением государственных усилий в области публичной дипломатии, а не осуществляется органически и независимо от директив из центра[57].

Таблица 11. Двух типа социокультурных связей на уровне городов или провинций

Тип	Описание	Примеры
Между центральным и местным уровнями	Министерство на центральном уровне или государственное ведомство устанавливают партнерские отношения с организацией местного уровня в той или иной стране ЦЮА.	Институт Конфуция; центр тестирования на уровень владения китайским языком HSK; партнерство в области информационного обмена и совместного использования контента
Между субъектами местного уровня	Субнациональная организация, обслуживающая китайский город или провинцию, вступает в партнерские отношения с городом или провинцией в какой-либо из стран ЦЮА.	Соглашение об установлении побратимских отношений между городами; курсы им. Лу Баня[58]

График 8. Побратимские отношения между городами КНР и стран ЦЮА, 2000–2018 гг.

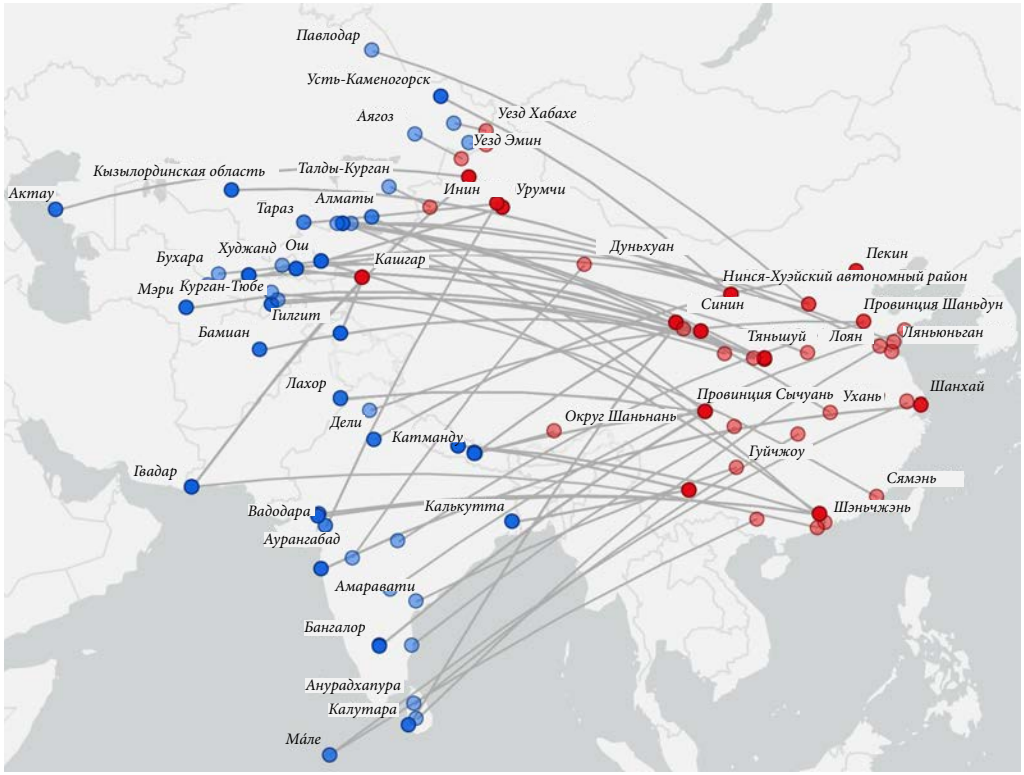
До начала реализации инициативы «Один пояс, один путь»



Города-побратимы и провинции в Китае

Города-побратимы и провинции в ЦЮА

После начала реализации инициативы «Один пояс, один путь»



Результат № 8. Пекину удалось установить 193 контакта (как между центральным и местным уровнями, так и между субъектами местного уровня) в 174 городах в регионе ЦЮА, однако более половины из них (52 %) касаются лишь 16 приоритетных городов.

Мы провели триангуляцию географических приоритетов развития взаимоотношений между центральным и местным уровнями по трем ключевым направлениям: институты Конфуция, центры тестирования на владение мандаринским диалектом китайского языка Hanyu Shuiping Kaoshi (HSK) и партнерства по обмену контентом со средствами массовой информации в странах ЦЮА. Что касается взаимоотношений между субъектами местного уровня, мы изучили отношения между городами-побратимами. К сожалению, в связи с отсутствием у нас достаточных достоверных данных мы не смогли включить в этот анализ классы Конфуция, а также деятельность по сотрудничеству в сфере образования.

Однако на основе имеющихся у нас четырех точек ввода исходных данных начинает складываться представление о широте и глубине социокультурных связей КНР на субнациональном уровне.

По всем четырем направлениям мы определили 193 точки взаимодействия КНР со 174 городами в 13 странах ЦЮА. Большую часть этих связей составляют соглашения между городами-побратимами (101); за ними следуют центры тестирования HSK (42) и институты Конфуция (28). Партнерства по обмену контентом с государственными СМИ КНР заключались относительно реже (22 соглашения), но могли иметь потенциально более широкий географический охват, если бы о них оповещали общественность на национальном или провинциальном уровнях. Более половины (52 %) этих точек взаимодействия не были распределены равномерно, но были сосредоточены всего в 16 городах региона (см. таблицу 12).

Важной общей чертой этих 16 городов является их геополитическое значение для Пекина как национальных столиц и (или) экономическое значение как крупных мегаполисов, представляющих привлекательные рыночные возможности для реализации китайских товаров, услуг и капитала. Наибольшая интенсивность применения Пекином принципа «мягкой силы» отмечается в Бишкеке, Кыргызстан (15 точек взаимодействия) и в Катманду, Непал (11 точек взаимодействия).

Таблица 12. 16 крупнейших городов по точкам взаимодействия с КНР

Страна	Город ЦЮА	Города-побратимы в Китае, 2000–2018 гг.	Центры тестирования HSK, по состоянию на 2019 г.	Институты Конфуция, 2004–2018 гг.	Партнерства по обмену контентом, 2000–2018 гг.	Всего
Кыргызстан	Бишкек	9	2	2	2	15
Непал	Катманду	3	3	1	4	11
Кыргызстан	Ош	6	1	1	0	8
Казахстан	Алматы	2	2	2	1	7
Бангладеш	Дакка	0	3	2	1	6
Индия	Дели	1	2	1	2	6
Пакистан	Исламабад	1	2	1	2	6
Шри-Ланка	Коломбо	1	2	1	2	6
Индия	Мумбаи	1	2	1	1	5
Пакистан	Карачи	1	2	1	1	5
Таджикистан	Душанбе	2	1	1	1	5
Узбекистан	Ташкент	2	1	1	1	5
Афганистан	Кабул	0	1	1	2	4
Индия	Калькутта	1	3	0	0	4
Пакистан	Лахор	2	1	1	0	4
Узбекистан	Самарканд	2	1	1	0	4

Примечания: в таблицу не включены классы Конфуция и партнерства по обмену контентом, по которым не было доступной информации о местоположении и невозможно было выполнить географическую привязку на уровне города.

Источники: ежегодные отчеты организации Ханьбань, веб-сайт организации Ханьбань, ежегодники по внешней политике Китая, Китайская ассоциация международной дружбы (CIFCA), веб-сайты посольств.

В этой главе мы рассмотрели различные инструменты, которые Пекин использует для развития социальных (межличностных) связей с населением стран ЦЮА. Мы обнаружили, что Пекин синхронизировал использование этих инструментов таким образом, чтобы направлять потоки будущих студентов в свои высшие учебные заведения, предоставляя им при этом профессиональную подготовку, с целью создания долгосрочных рынков для товаров, слуг и капитала КНР посредством приобщения специалистов из стран ЦЮА к китайским нормам, технологиям и системам. Несмотря на то, что Пекин поздно начал создавать языковые и культурные центры, а также позиционировать себя в сфере образования, он быстро догнал конкурирующие державы. Используемые КНР экономические инструменты и средства реализации принципа «мягкой силы» дополняют друг друга, поскольку основной движущей силой интереса к китайскому языку, образованию и сетям является доступ к экономическим возможностям. Тем не менее, мероприятия Пекина преимущественно сосредоточена на столицах и крупных мегаполисах (более половины из них ориентированы лишь на 16 приоритетных городов). В следующей главе мы перейдем от физических связей к виртуальным сетям, рассмотрев потенциал КНР в плане охвата элиты стран региона ЦЮА в социальных сетях, особенно в сети Twitter.

---

[22] В наши оценки проектов КНР по оказанию помощи в сфере образования включены все проекты с финансовой поддержкой и без нее из глобальной базы данных лаборатории AidData о проектах в целях развития, финансируемых Китаем, версия 2.0. (Custer et al., 2021), которые отвечают следующим критериям: (i) отмечены как «стипендии/обучение в стране-доноре» в столбце «Тип потока»; (ii) содержат код сектора образования и (или) (iii) содержат элементы описания проекта, которые соответствуют нашим критериям текстового поиска терминов, в частности «язык, стипендия, образование, образовательный, подготовка, квалификация, университет, экзамен, стажеры, навыки, курсы, Конфуций, школа, научный работник, студент, лингвистический, семинар». Мы не нашли информации о каких-либо проектах по оказанию помощи в сфере образования, осуществляемых в Бутане.

[23] Например, КНР построила Академию военной полиции Непала и помогла министерству народного образования Узбекистана закупить компьютеры и другое мультимедийное оборудование для школьных классов.

[24] Среди наиболее показательных примеров стипендии студентам для обучения в Китае и программы профессиональной подготовки для афганской полиции, для специалистов из Таджикистана, работающих на строительстве газопровода «Центральная Азия», и технических специалистов из Туркменистана, участвующих в модернизации телекоммуникационной сети своей страны.

[25] Чаще всего эти проекты предусматривают открытие или модернизацию институтов или классов Конфуция на базе принимающего учреждения в стране-партнере, но использовались и другие формы академического сотрудничества, такие как составление энциклопедии китайско-индийских культурных коммуникаций и организация ежегодной китайско-индийской конференции экспертов для содействия диалогу и укрепления взаимопониманию по вопросам регионального и международного значения.

[26] В зависимости от ракурса рассмотрения, число студентов из Южной Азии, участвующих в китайских программах обучения за рубежом, превосходит число студентов из Центральной Азии в абсолютном выражении (70 % и 30 % в 2017 году). Вместе с тем, в расчете на душу населения Центральная Азия затмевает все остальные страны региона, обеспечивая в 12 раз больше студентов, чем Южная Азия, с поправкой на население в возрасте от 15 до 44 лет (Custer и др., 2019a).

[27] В период с 2006 по 2015 год в КНР наблюдался среднегодовой рост числа иностранных студентов на 10 %, но их число возрастало менее чем на один процент в период с 2017 по 2018 год, по данным Hartley (2019).

[28] «Упрощение порядка подачи заявлений о выдаче визы гражданами каждой из двух стран» (Министерство образования КНР, 2016) было одной из нескольких стратегий, заявленных в 2016 году в плане действий в области образования в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и направленных на развитие сотрудничества в области образования.

[29] В частности, студенческие визы категорий X1 и X2.

[30] Китай требует, чтобы студенты из большинства стран ЦЮА (за исключением Индии, Мальдивов, Непала, Пакистана и Туркменистана) представили подтверждение наличия у них денежных средств в размере 2500 долл. на каждый год обучения.

[31] Если в США и Великобритании действуют унифицированные требования для всех стран региона (за исключением Мальдивов и Туркменистана), а российские требования касаются преимущественно визового сбора и проверок состояния здоровья, то требования для обучения в Китае, установленные для разных стран, значительно различаются.

[32] Хотя министерство образования КНР не представило данные за 2018 год о распределении студентов по всем странам, оно сообщило, что Пакистан и Казахстан вошли в том году в число ведущих стран по числу прибывших из них на учебу студентов (28 023 и 11 784 студентов соответственно).

[33] Во время интервью, проведенных сотрудниками AidData с несколькими сотнями лидеров государственного и частного секторов и гражданского общества из 13 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, респонденты часто ссылались на тот факт, что стипендии КНР не только покрывают плату за обучение, но и обеспечивают средства для субсидирования расходов на поездки, жилье и питание. Более подробная информация: Custer и др. (2018) и (2019a).

[34] В число 18 ориентированных на определенные страны программ входят: общая стипендиальная программа Индийского совета по культурным связям (ИСКС), стипендиальная программа ИСКС для Бангладеш, стипендиальная программа для пограничной службы Бангладеш, стипендиальная программа Содружества, стипендиальная программа в память Неру, стипендиальная программа имени Маулана Азада, стипендиальная программа имени Раджива Ганди, программа культурных и образовательных обменов, стипендиальная программа «Серебряный юбилей», стипендиальная программа Индии (Бангладеш), стипендиальная программа Департамента аюрведы, йоги, натуропатии, юнани, сидха и гомеопатии (AYUSH) для региона Юго-Восточной Азии, стипендиальная программа для членов семей афганских военнослужащих сил национальной обороны и безопасности, стипендиальная программа ИСКС для изучения индийской культуры и стипендиальная программа AYUSH для стран, не участвующих в инициативе стран Бенгальского залива по многосекторальному техническому и экономическому сотрудничеству (БИМСТЕК).

[35] Эти курсы изначально были организованы как экспериментальный проект Тяньцзиньско-Бохайского профессионально-технического колледжа в партнерстве с корпорацией Bohai Chemical Group. Предположительно эти учреждения были названы в честь «Лу Баня, китайского инженера-конструктора, изобретателя и плотника … почитаемого как китайский покровитель строителей и подрядчиков» из династии Чжоу (Devonshire-Ellis, 2021 г.). Первые курсы были открыты в Таиланде в 2016 году в партнерстве с местным профессионально-техническим училищем — техническим колледжем Пхранакхон Си Аюттхая. Дополнительную информацию см. в работе Wang (2020 г.).

[36] По сведениям Индийского технологического института в Ченнаи (2021 г.), китайско-индийские курсы им. Лу Баня являются результатом сотрудничества с Тяньцзиньским профессионально-техническим колледжем легкой промышленности и Тяньцзиньским профессионально-техническим колледжем механики и электротехники, наряду с несколькими китайскими фирмами (DMTG; Tianhuang Science and Technology Co. Ltd, Tianjin Qicheng Science and Technology Co. Ltd и Tianjin Shenga Science and Technology Ltd).

[37] Opalinski (2020 г.) также утверждает, что эти курсы являются «предшественником более широкого продления соглашений с китайскими технологическими институтами и [партнерскими] компаниями», при этом курсы в Лахоре прокладывают путь для более масштабных проектов, таких как Пакистано-китайский технологический и профессионально-технический институт в Гвадаре.

[38] С помощью гравитационной модели культуры Xie (2019 г.) удалось установить, что, хотя культурное несходство с Китаем действительно препятствует распространению мандаринского наречия китайского языка, международное экономическое сотрудничество может послужить достаточным стимулом к его изучению, повышая привлекательность потенциальных выгод, и тем самым изменить существующее положение дел. По мере укрепления китайской экономики (о котором свидетельствует увеличение заработной платы работников китайских фирм) создается впечатление, что существует некая «надбавка к доходу тех, кто может общаться на мандаринском наречии китайского языка в качестве языка межнационального общения».

[39] Например, см. работу Asif и др. (2019 г.), в которой разъясняется, почему китайско-пакистанский экономический коридор (CPEC) в Пакистане рассматривают как «событие, в корне меняющее ситуацию с языком и культурой», или работу Gauttam и др. (2021 г.) о привлекательности для непальской молодежи изучения мандаринского наречия китайского языка как шлюза, открывающего доступ к рабочим местам и возможностям получения образования. Custer и др. (2019a и 2019b) также рассматривают эту тему применительно к странам Южной и Центральной Азии и странам Восточной Азии и Тихоокеанского региона соответственно.

[40] В течение рассматриваемого периода не удалось найти институты или классы Конфуция в Туркменистане, Бутане или на Мальдивах. Однако в некоторых случаях имелись другие примеры сотрудничества в области изучении мандаринского наречия китайского языка и китайской культуры. Например, Cheung и Hong (2018 г.) сообщают о двух таких учебных центрах, ориентированных на Туркменистан, но базирующихся в Китае, включая один центр, открытый в мае 2017 года в Нефтяном университете в Сиане, и второй центр, созданный ранее в 2014 году. В то же время Custer и др. (2019a) отмечают, что из-за деликатных культурных и религиозных аспектов, связанных с использованием слова «Конфуций», лидеры КНР вместо этого создали Центр изучения мандаринского наречия китайского языка в Мале и договорились о работе китайских преподавателей на добровольных началах в Мальдивском национальном университете. Бутан неизменно является исключением из правил в регионе из-за отсутствия официальных дипломатических отношений с Пекином, так что отсутствие институтов и классов Конфуция вполне ожидаемо.

[41] В работе Liu (2019 г.) активное открытие центров Конфуция объясняется заинтересованностью кыргызских студентов в изучении китайского языка как средства, дающего возможность работать в китайской компании или учиться в Китае.

[42] В ходе интервью, проведенных в Узбекистане сотрудниками лаборатории AidData в 2019 году, респонденты сообщали о заинтересованности других узбекских университетов в открытии институтов Конфуция на свей базе в ответ на желание студентов иметь возможность изучения мандаринского наречия китайского языка, однако правительства Узбекистана и Китая решили ограничиться двумя институтами (Custer и др., 2019 г.). Вместо этого КНР изыскивает в рамках своих усилий по оказанию помощи в сфере образования (см. раздел 3.1.1) другие возможности для развития связей с местными школами посредством предоставления оборудования и оказания другой поддержки, с тем чтобы увеличить число университетов, имеющих факультеты китайского языка, а также посредством направления учителей-волонтеров в начальные и средние школы.

[43] Количество американских центров увеличивалось до 2013 года, но впоследствии оставалось относительно неизменным. США открыли несколько дополнительных американских центров в 2015 году, но это было сопряжено с закрытием других центров.

[44] К примеру, Культурный центр Свами Вивекананда, Центр индийской культуры им. Лала Бахадура Шастри и Культурный центр им. Индиры Ганди.

[45] Кыргызстан официально является двуязычным: кыргызский язык признается государственным языком и рабочим языком правительства, но при этом разрешается в случае необходимости использовать русский язык. Казахстан также признает русский язык в качестве официального наряду с казахским языком.

[46] От 88 процентов в Казахстане до всего лишь 12 процентов в Туркменистане и 25 процентов в Таджикистане.

[47] Правительство Казахстана продвигает казахский язык в качестве официального государственного языка, предлагая бесплатные языковые курсы, и включило английский и казахский языки вместе с русским языком в Дорожную карту трехъязычного образования страны на 2015–2020 годы. В плане предусматривается, что в старших классах школ страны пройдет поэтапный переход к преподаванию естественных наук и математики на английском языке, истории Казахстана и географии на казахском языке и мировой истории на русском языке. Парламент Кыргызстана принял закон, отдающий приоритет киргизскому языку над русским, и социальное давление вынудило двух кандидатов в президенты отказаться от выборов 2009 года из-за того, что они не смогли продемонстрировать надлежащий уровень владения киргизским языком. Между тем, летом 2020 года школы в Ашхабаде и других городах Туркменистана сократили или отменили классы, где преподавание велось на русском языке. Правительство Туркменистана заявило, что эти меры являются частью протоколов COVID-19, направленных на решение проблемы переполненности классов.

[48] Например, в Узбекистане узбекский язык был объявлен официальным языком государства в 1991 году, а затем был осуществлен переход от кириллицы к латинице в 1995 году. Туркменистан также в значительной степени завершил переход к использованию латинского алфавита, а туркменский язык является обязательным для использования в государственных учреждениях, школах и в официальных документах.

[49] Например, даже несмотря на то, что синофобия является обычным явлением в Центральной Азии, руководители, преподаватели и родители заинтересованы в том, чтобы учащиеся изучали китайский язык, поскольку они верят в экономику КНР и возможности, которые это открывает. В этой связи Yau (2021) отмечает, что стратегия культурного влияния Пекина с его Институтами и Классами Конфуция, похоже, «окупается», поскольку студенты этих программ более позитивно относятся к Китаю и в настоящий момент наблюдается больший интерес к китайскому образованию.

[50] Хотя большинство начальных и средних школ используют киргизский в качестве языка обучения, две трети всех университетских курсов преподаются на русском. В Таджикистане по-прежнему существуют обязательное обучение русскому языку, начиная с начальной школы.

[51] Например, в Бангладеш введена политика двуязычия, согласно которой английский является обязательным, начиная с класса 1 и до уровня старшей школы, а также используется как язык для судебных заседаний. Аналогичная политика на Мальдивах: государство признает и национальный дхивехи, и английский языки в качестве языков обучения. В лингвистически разнообразной Индии английский является языком обучения во многих ведущих инженерных и медицинских школах. До прихода к власти талибов в 2021 году для поступления в высшие учебные заведения Афганистана требовался английский язык, а дорожные знаки обычно писались на пушту, дари и английском. Несмотря на то, что официальным языком Пакистана является урду, английский чаще используется при оценке уровня грамотности и в качестве языка на конкурсных экзаменах. В Шри-Ланке английский считается «связующим языком» в обществе, где между сингальско-буддистскими, тамило-индуистскими и тамило-мусульманскими общинами имеются глубокие этнолингвистические разногласия. Из-за ограниченного количества учебных материалов на дзонг-кэ Бутан принял английский язык в качестве средства обучения по многим дисциплинам, а также в качестве одного из языков, используемых средствами массовой информации.

[52] https://presidency.gov.mv/Press/Article/20728

[53] В зависимости от партии, находящейся у власти, с 1940-х годов по настоящее время статус английского языка в качестве официального многократно менялся, то приобретая, то теряя популярность (там же).

[54] Закон требует, чтобы официальные вывески были на английском, сингальском и тамильском языках. После жалоб Коломбо опубликовал заявление на трехъязычном бланке о том, что проект находится в стадии строительства и все вывески были сделаны подрядчиком для сотрудников и авторизованных посетителей, а также что требование трех официальных языков не применяется в отношении временных вывесок. В островном государстве, которое ранее пострадало от гражданской войны на почве этнической и языковой идентичности, данное нововведение не осталось незамеченным.

[55] Более подробная информация о выборке, составлении анкеты и количестве ответов указана в Техническом приложении.

[56] Респонденты отвечали на следующие вопросы: «Оцените по шкале от 0 до 3 свой уровень владения следующими языками»; «Оцените по шкале от 0 до 3 степень своего интереса в повышении уровня владения следующими языками».

[57] Иногда это явление называют «парадипломатией».

[58] Исключены из этого анализа, т. к. в регионе уже работает относительно небольшое их количество, по сравнению с запланированными на будущее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сетевые связи: как Пекин использует социальные сети для более широкого охвата руководства и населения стран Южной и Центральной Азии?

Основные выводы этой главы:

- *Деятельность КНР в Twitter в значительной степени централизована через ограниченное количество посредников, выступающих в качестве «точек доступа», для более широкого охвата элиты стран ЦЮА и наоборот.*
- *Наиболее активное взаимодействие отмечается между китайскими и пакистанскими аккаунтами, что соответствует активности «офлайн» между этими странами в рамках Китайско-пакистанского экономического коридора (CPEC).*
- *Государственные СМИ являются полномочными представителями КНР в Twitter и распространяют информацию среди элиты стран ЦЮА, в то время как дипломатическим аккаунтам остается информирующая и дополняющая функции.*
- *Китайские аккаунты могут иметь больше подписчиков, однако индийские аккаунты чаще упоминаются другими пользователями Twitter.*

Социальные сети – это новый рубеж для народной дипломатии. Одним щелчком виртуальной кнопки государства могут привлечь внимание иностранной публики в больших масштабах, при этом с гораздо большей степенью личной привлекательности, чем с помощью традиционных средств массовой информации. Хотя Twitter и Facebook запрещены в Китае, лидеры КНР все чаще – и весьма спорно – используют эти инструменты за границей для распространения предпочительных нарративов или оспорения тех, которые противоречат их интересам (Zhao, 2019; Schleibs et al., 2021). В главе 3 мы рассмотрели попытки Пекина развивать социальные связи через взаимодействие между народами – от обмена студентами и изучения языка до профессионального обучения и соглашений между городами-побратимами. В этой главе мы исследуем, как Пекин позиционирует себя в отношении новых онлайн- и офлайн-форм народной дипломатии, используя один из наиболее известных инструментов социальных сетей – Twitter – для налаживания более тесных сетевых связей с политической и социальной элитами Южной и Центральной Азии.

В последней части этой главы мы представим документальную оценку того, в каких масштабах элиты ЦЮА и КНР подписаны друг на друга в Twitter (Раздел 4.1), и определим наиболее важных посредников – как представителей, так и информаторов, – которые участвуют в этих виртуальных отношениях (Раздел 4.2). В Разделе 4.3 мы представим оценку степени упоминания аккаунтов КНР и ЦЮА друг другом.

4.1 Анализ социальных сетей: насколько тесно КНР связана с элитой стран ЦЮА в Twitter?

Twitter является подходящим примером для изучения народной онлайн-дипломатии, поскольку здесь КНР использует более персонализированный и разговорный стиль при общении с иностранной публикой вместо официального, шаблонного контента, как на Facebook (Kuo, 2019; Cappelletti, 2019). Несмотря на более личный тон и содержание, Zhao (2019) утверждает, что связанные с КНР лица и организации в Twitter участвуют в создании определенного имиджа под контролем государства и они не должны нарушать правила цензуры Пекина. Это верно независимо от того, направлен ли контент на пропаганду критики конкурентов Пекина, которую на Западе называют дипломатией «воинов-волков», или на продвижение позитивных сообщений о КНР в качестве привлекательного союзника (Schleibs et al., 2021; Zhao, 2019). За последние годы Twitter стал центральным элементом стратегии о стратегических коммуникациях Пекина, при этом рост дипломатических аккаунтов произошел преимущественно за два года (Schleibs, 2021).

В социальных сетях китайская дипломатия преследует цель распространения нарративов, которые позволяют ей влиять на общественное мнение и поведение лидеров стран ЦЮА, продвигая экономические и геополитические интересы КНР, а также интересы в сфере безопасности (Cappelletti, 2019; Zhao, 2019). Пользователи Twitter во многом отличаются от населения в целом: по сравнению с остальной частью населения, не использующей Twitter, они, как правило, более образованы, моложе, имеют высокий уровень дохода и проживают в городских районах. Вместе с тем эти характеристики во многом соответствуют тому профилю людей, на которых КНР больше всего хотела бы влиять. Данная группа в большей степени осведомлена о внешних субъектах и идеях, которые она с большей долей вероятности будет поддерживать. В частности, нас интересует не само присутствие КНР в Twitter как таковое, а действия страны в отношении лидеров государственного управления, частного бизнеса и гражданских обществ в странах ЦЮА, которые: (i) могут непосредственно принимать решения, имеющие значение для Пекина, или (ii) в силу своего организационного и национального положения или профессиональной репутации могут оказывать косвенное влияние на своих коллег и руководителей в странах региона ЦЮА.

У каждого индивидуального пользователя и организации в Twitter есть своя сеть непосредственных связей – людей, на которых они подписаны, и которые подписаны на них. В свою очередь, эти связи имеют свои аккаунты со своими подписками и

подписчиками. Эти два уровня отношений – непосредственные контакты и контакты тех, с кем вы связаны, – имеют важное значение, поскольку они влияют на информацию, которую вы видите и на разговоры, в которых участвуете[59]. Независимо от конкретного нарратива КНР, его реализация зависит от возможности выхода на общественную элиту стран ЦЮА – прямо или косвенно через тех, с кем они связаны. В таблице 13 представлено краткое изложение ключевых концепций для понимания результатов анализа социальной сети Twitter.

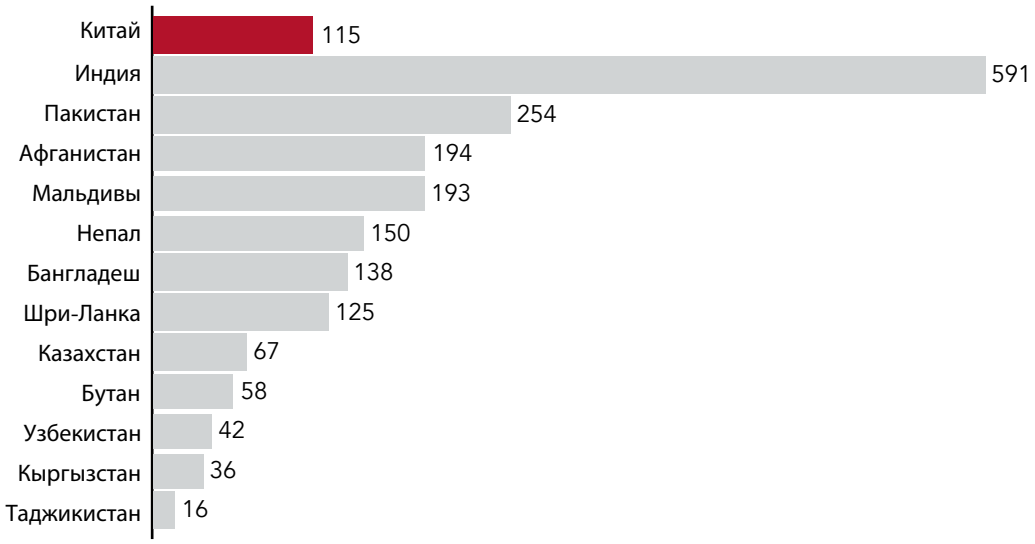
Таблица 13. Ключевые концепции для понимания результатов анализа социальной сети Twitter

Концепция	Описание
Учетная запись	Общедоступное имя пользователя, связанное с аккаунтом физического лица или организации в Twitter, обычно в форме: @ [имя].
Сеть подписчиков	Сеть отношений между определенным набором учетных записей (или узлов) в Twitter. Мы ограничиваем эту сеть только до тех учетных записей, которые подписаны или на которые подписана хотя бы одна другая учетная запись/пользователь в сети.
Входная центральность по степени	Количество других учетных записей, которые подписаны на пользователя в Twitter (т. е. количество подписчиков). Учетные записи с большим количеством подписчиков могут иметь больший потенциал влияния на других в сети как источник информации, чем те, у которых мало подписчиков.
Выходная центральность по степени	Количество других учетных записей, на которые подписан пользователь в Twitter (т. е. количество подписок). Учетные записи, которые подписаны на большее количество других пользователей, могут стать более заметными в сети, поскольку они инициируют большее количество связей.
Центральность по посредничеству	Показатель того, как часто данная учетная запись появляется на сетевом пути между двумя другими учетными записями. Учетные записи, расположенные в центре между большим количеством пар субъектов, могут иметь большее влияние на посредничество и синтез информационного потока между сообществами в сети.
Посредник (посредничество)	Учетные записи, которые соединяют два сообщества субъектов, которые в противном случае не были бы связаны между собой, при этом посредник получает большее влияние в сети за счет доступа, контроля и обмена информацией.

Источник: по материалам Chaudhary and Warner (2015a и 2015b).

Насколько удачно позиционирован Китай для проникновения в социальные сети общественных элит стран ЦЮА для продвижения своего образа? Чтобы ответить на этот вопрос, нами был сформирован новый набор данных из 2388 активных учетных записей Twitter, связанных с отдельными лицами и организациями из 12 стран ЦЮА и КНР[60]. Ограничив набор данных выборкой учетных записей, которые подписаны или на которые подписаны другие учетные записи из нашего набора данных, мы получили сеть подписчиков из 1979 активных учетных записей Twitter. Наша выборка включает 1864 аккаунта из стран региона ЦЮА, связанных с: правительственными чиновниками среднего и высшего звена, парламентариями, лидерами организаций гражданского общества и частного сектора, а также представителями аналитических центров, университетов, СМИ и политических партий[61]. Кроме того, мы выявили 115 аффилированных с КНР аккаунтов, связанных с: китайскими посольствами, консульствами или дипломатическими сотрудниками в странах ЦЮА, государственными СМИ, государственными предприятиями, работающими в странах ЦЮА, и другими правительственными или квазигосударственными агентствами КНР с внешнеэкономической деятельностью и т. д. На графике 9 представлена разбивка количества учетных записей в Twitter в выборке по странам[62]. Более подробная информация о том, как были скомпилированы учетные записи Twitter, указана в техническом приложении.

График 9. Выборка элиты КНР и стран региона ЦЮА в Twitter по странам



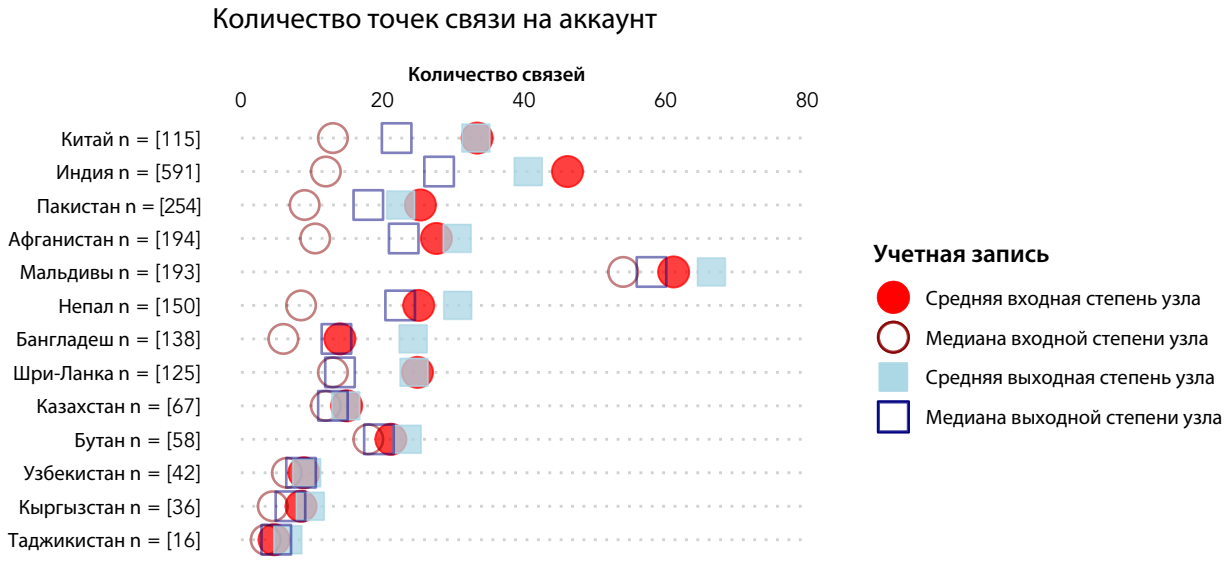
Примечания: на этом графике представлена разбивка по странам активных учетных записей Twitter (в нашей выборке), которые подписаны по крайней мере на еще одну учетную запись или на которые подписана по крайней мере одна учетная запись в нашем наборе данных.

Источник: Twitter API, информация об аккаунтах в соц. сети, собранная и классифицированная AidData.

Большинство пользователей Twitter в нашей выборке подписаны только на несколько других учетных записей, и на них подписано относительно немного других пользователей в нашей сети. Это может отражать тот факт, что пользователи Twitter существенно различаются по количеству связей, которые у них есть (как внутри, так и за пределами нашей выборки), и чем меньше у них связей в целом, тем меньше связей мы увидим с другими пользователями в нашей выборке. Кроме того, КНР является единственной страной в выборке, не входящей в регион ЦЮА, а это означает, что если мы увеличим количество стран, то мы можем увидеть учетные записи, которые подписаны на большее количество других пользователей и имеют больше подписчиков[63]. На графике 10 представлена разбивка среднего количества и медианы учетных записей, которые подписаны или на которые подписаны пользователи из определенной страны.

Поразительно, но самая маленькая страна в регионе, Мальдивы, имеет несравнимо высокую активность в Twitter. Мальдивские аккаунты более активно подписываются на других и имеют больше подписчиков в Twitter по сравнению с другими странами ЦЮА. В среднем на долю Индии также приходится относительно большое количество учетных записей, которые подписаны на другие учетные записи в выборке. Однако представляется вероятным, что это в первую очередь связано с несколькими очень крупными учетными записями, поскольку медиана по Индии намного меньше. Как и ожидалось, учитывая более ограниченный доступ к Интернету и многим платформам социальных сетей, в странах Центральной Азии, таких как Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан, было значительно меньше учетных записей и точек связи с другими пользователями. В Туркменистане фактически не было учетных записей.

График 10. Насколько связаны социальные сети страны?

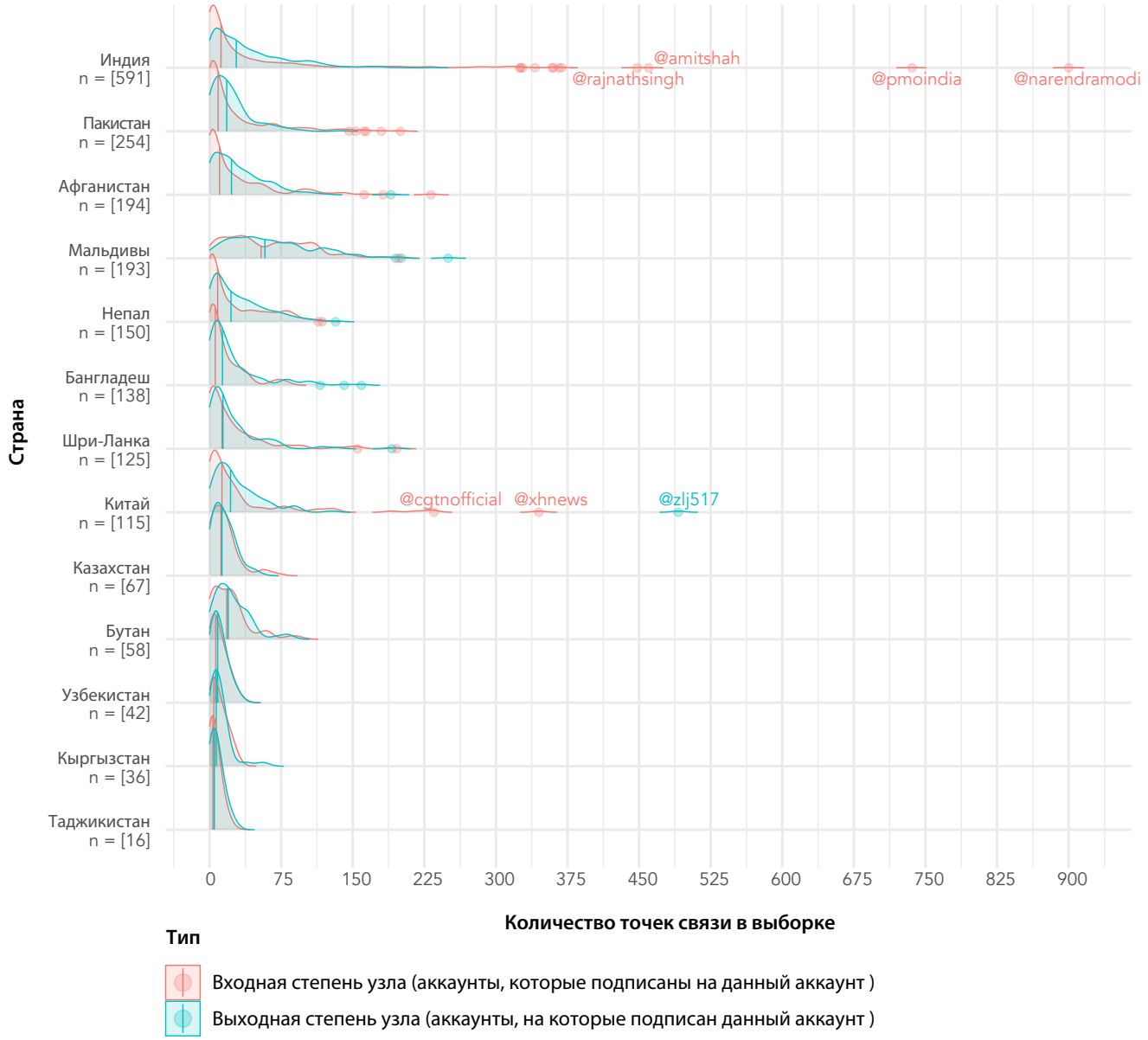


Примечания: на графике представлена разбивка среднего количества и медианы учетных записей, которые подписаны на пользователей или на которые подписаны пользователи из определенной страны. Входная степень узла означает число аккаунтов, на которые подписан определенный аккаунт в нашей выборочной сети подписчиков, которая включает все вышеуказанные страны. Выходная степень узла означает число аккаунтов, которые подписаны на определенный аккаунт в нашей выборке. Буква «n» в скобках рядом с каждой страной обозначает число активных учетных записей в Twitter для этой страны в данной выборке.

Источник: Twitter API, информация об аккаунтах в соц. сети, собранная и классифицированная AidData.

Если мы более внимательно посмотрим на распределение по учетным записям, то обнаружим несколько исключений из правила малого количества связей, которые вместе с тем весьма показательны (см. график 11). Так, учетные записи, связанные с премьер-министром Индии Нарендрой Моди, офисом премьер-министра и несколькими министрами Индии, привлекли значительно больше подписчиков[64] так же, как и связанные с КНР СМИ: Xinhua News, CGTN и People's Daily. Еще один примечательный случай — аккаунт пресс-секретаря министерства иностранных дел Китая Чжао Лицзяня, который ранее работал в посольстве КНР в Пакистане. Напористое и воинственное присутствие Чжао в Twitter как «Человека, стоящего за новым агрессивным голосом Китая» часто попадает в заголовки, привлекая подписчиков и вызывая волну реакции среди стратегических конкурентов Пекина — от США до Австралии и других стран (Palmer, 2021; Cappelletti, 2019). Примечательно, что Чжао выделяется в двух отношениях: он привлекает большое количество подписчиков и, в свою очередь, сам подписывается на большое количество людей в нашей сети.

График 11. Распределение связей по учетным записям в каждой из стран



Примечания: на графике представлена разбивка учетных записей, которые подписаны на пользователей или на которые подписаны пользователи из определенной страны. Входная степень узла означает число аккаунтов, на которые подписан определенный аккаунт в нашей выборочной сети подписчиков, которая включает все вышеуказанные страны. Выходная степень узла означает число аккаунтов, которые подписаны на определенный аккаунт в нашей выборке. Буква «n» в скобках рядом с каждой страной обозначает число активных учетных записей в Twitter для этой страны в данной выборке. Шкала оси X отражает количество учетных записей Twitter, связанных с учетной записью в выборке. Высота кривых (ось Y, без надписей) для каждой страны в общих чертах отображает количество учетных записей Twitter в нашей выборке, у которых есть связи, представленные на оси X. Кривая с большей высотой указывает на более концентрированное распределение аккаунтов. Более широкая кривая показывает, что распределение более диффузионное. Для Китая и Индии учетные записи, которые представляют собой исключительные аккаунты, которые подписаны или на которые подписаны другие учетные записи в выборке, отмечены учетной записью в Twitter.

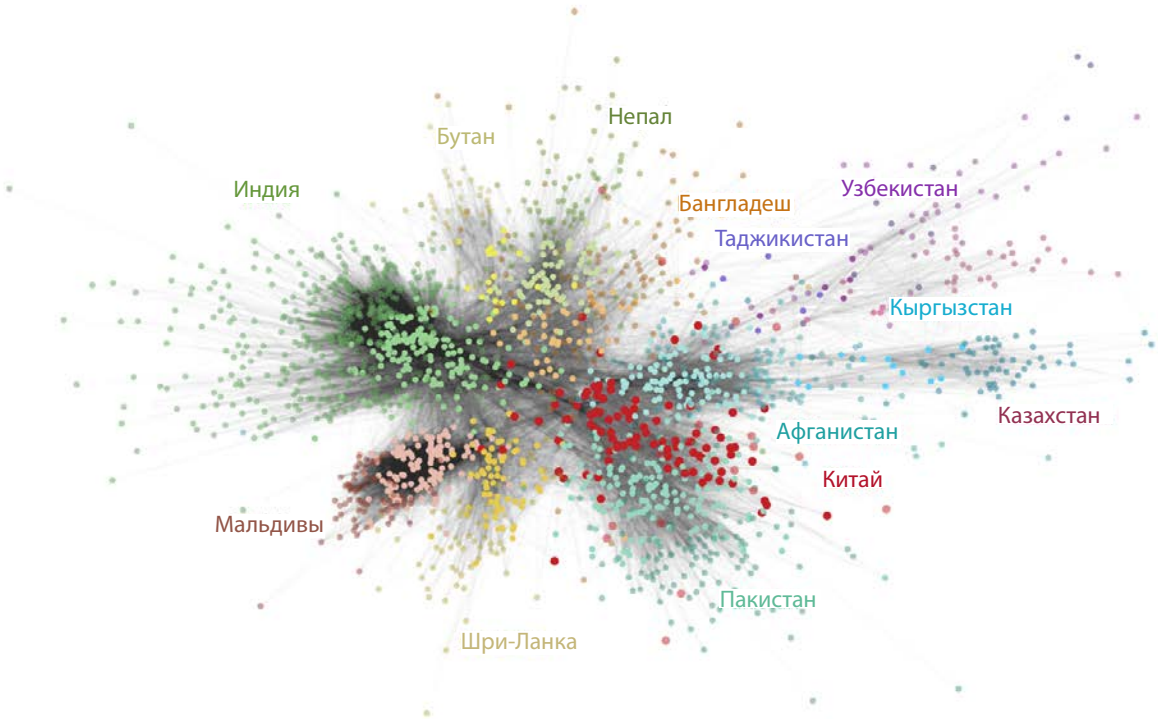
Источник: Twitter API, информация об аккаунтах в соц. сети, собранная и классифицированная AidData.

Вывод №9. Деятельность КНР в Twitter организована через ограниченное количество посредников, выступающих в качестве «точек доступа», для более широкого охвата элиты стран ЦЮА, за исключением более тесного прямого взаимодействия с Пакистаном.

Большинство представителей элиты стран ЦЮА, похоже, предпочитают подписываться на отечественные аккаунты. На графике 12 показаны отношения между рассматриваемыми нами учетными записями из 12 стран ЦЮА и КНР. Каждой учетной записи соответствует кружок с цветом страны, которую она представляет. Более яркими цветами отмечены учетные записи, которые имеют связи между ЦЮА и КНР, тогда как бледными цветами — учетные записи, которые имеют связи только внутри ЦЮА или только внутри КНР[65].

Для большинства стран ЦЮА относительно небольшое количество посредников — учетных записей, выполняющих функцию мостов между двумя сообществами, которые в противном случае были бы не связаны (Chaudhary and Warner, 2016), — играют важную роль в обмене информацией и коммуникации между ЦЮА и КНР-аффилированными аккаунтами в Twitter (Borgatti et al., 2018; Freeman, 1978). Однако из этой тенденции есть одно заметное исключение: Пакистан. По сравнению с другими странами региона ЦЮА, между Twitter-сообществами Пакистана и КНР наблюдается большее взаимодействие учетных записей. Это можно лучше всего проиллюстрировать путем сравнения двух стран — Казахстана и Пакистана, — которые исторически привлекают большой объем экономических (Глава 2) и общественных инициатив (Глава 3) со стороны КНР.

График 12. Насколько связаны между собой элите стран ЦЮА и КНР в Twitter?



Примечание: этот график визуализирует группировку учетных записей в сети Twitter, которые подписаны на другой аккаунт или на которые подписан другой аккаунт Twitter. Каждая точка представляет собой аккаунт Twitter, а каждый аккаунт окрашен в зависимости от страны. Точки, у которых есть хотя бы одна точка соединения с учетной записью, связанной с КНР, окрашены ярче, чем учетные записи, сеть которых не включает какую-либо связь с КНР. Ярлыки размещены там, где учетные записи в данной стране имеют тенденцию к кластеризации. Эта сетевая карта была создана с помощью алгоритма, который размещает связанные учетные записи ближе друг к другу, чем несвязанные.

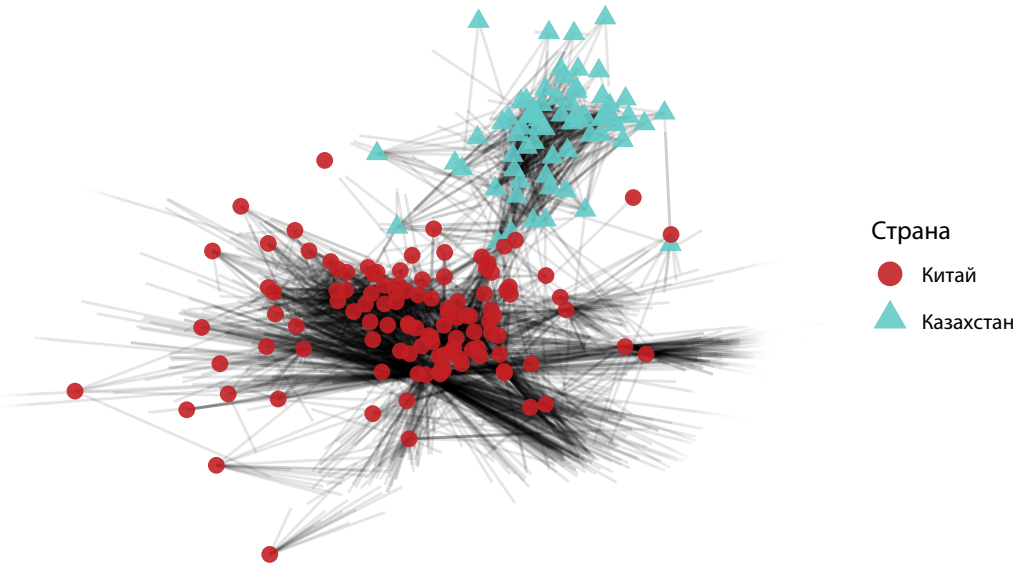
Источник: Twitter API, информация об аккаунтах в соц. сети, собранная и классифицированная AidData.

Большинство пользователей из Казахстана и КНР подписаны исключительно на пользователей из своих стран, что увеличивает важность небольшого количества учетных записей из каждой из этих стран, которые выполняют роль мостов между двумя группами. График 13 идет дальше связей отдельных подписчиков и представляет карту сообществ или кластеров взаимосвязанных субъектов в нашей выборке из Казахстана и аффилированных с КНР учетных записей[66]. Сообщества пользователей из Казахстана представлены треугольниками, сообщества пользователей КНР – кружками. В Разделе 4.2 мы более подробно рассмотрим этих посредников, на которых держится способность КНР использовать сетевую мощь Twitter для распространения своих нарративов среди элиты стран ЦЮА.

Напротив, учетные записи, аффилированные с КНР, входят в то же сообщество подписчиков, что и пакистанские аккаунты, с гораздо более высокими показателями, чем по другим странам региона. На графике 14 показана сеть подписчиков из Пакистана (фиолетовые кружки) и КНР (зеленые кружки). Эта очевидная взаимосвязь согласуется с выявленным приоритетом лидеров КНР на развитие экономических и социальных связей с Пакистаном, а также с ответным энтузиазмом пакистанской элиты в отношении этих инициатив, рассматриваемых нами в других главах. Конечно, здесь может быть и другая динамика. Так, например, элита Пакистана в нашей выборке превосходит своих казахстанских коллег в 4 раза. Если это иллюстрирует более широкое использование Интернета в этих двух странах, то Пакистан представляет собой более привлекательный рынок для КНР в части реализации ее стратегии социальных сетей.

Примечания: этот график показывает, что учетные записи Twitter в нашей выборке, которые связаны с Казахстаном, имеют минимальное перекрытие с сетью учетных записей Twitter, связанных с Китаем. Он визуализирует кластеризацию учетных записей в сети Twitter, которые подписаны на другие аккаунты или на которые подписаны другие аккаунты в Twitter, выделенные для Китая и Казахстана. Эта сетевая карта была создана с помощью алгоритма, который размещает связанные учетные записи ближе друг к другу, чем несвязанные. Визуализированы только Китай и Казахстан, а линии, которые кажутся продолжающимися до невидимой точки, представляют связи с учетными записями Twitter, которые связаны с другими странами (не Казахстан или Китай).

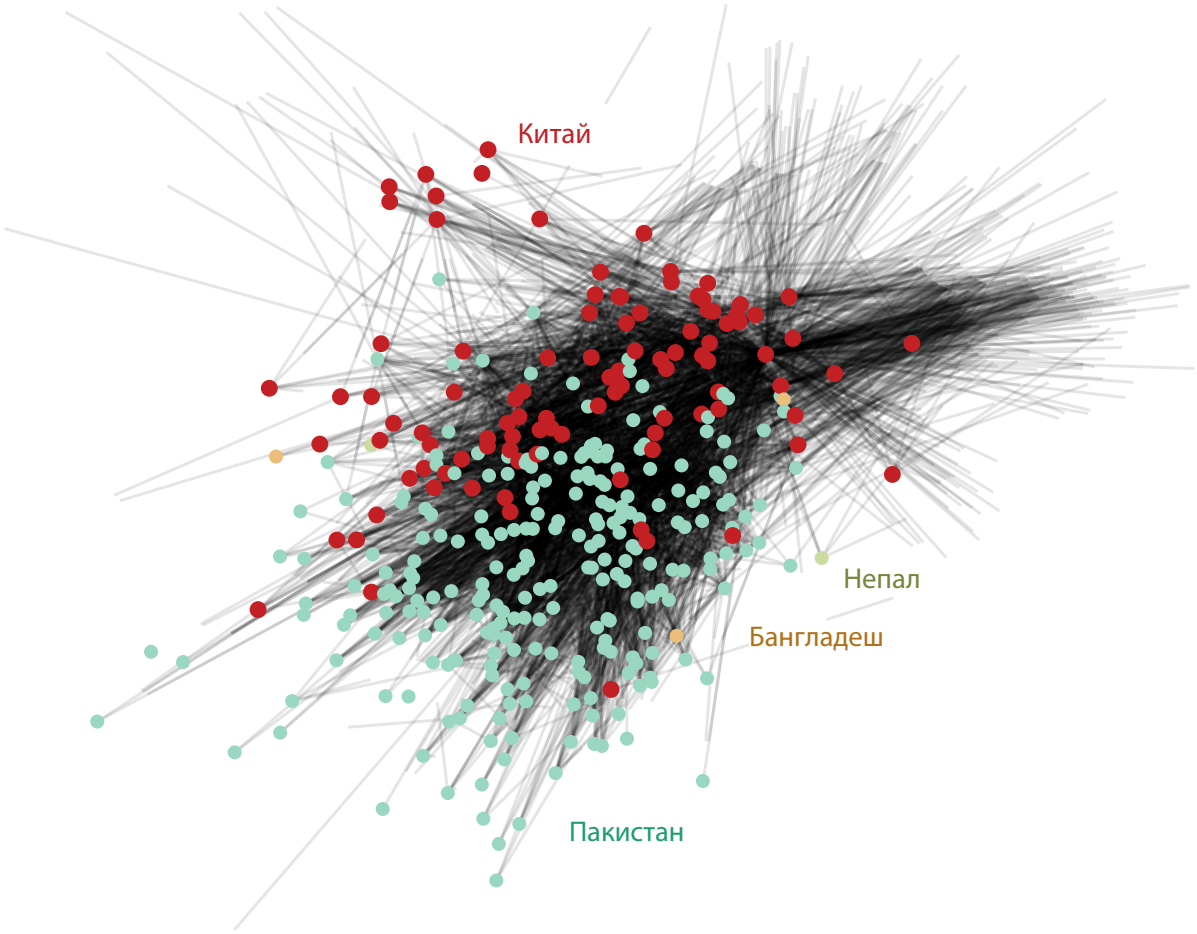
График 13. Насколько связаны между собой Twitter-сообщества Казахстана и КНР?



Карта учетных записей Twitter в сети подписчиков

Источник: Twitter API, информация об аккаунтах в соц. сети, собранная и классифицированная AidData.

График 14. Насколько связаны между собой Twitter-сообщества Пакистана и КНР?



Примечание: на этом графике показано, что учетные записи Twitter в нашей выборке, связанные с Китаем, частично пересекаются с учетными записями Пакистана, Бангладеш и Непала. Он визуализирует кластеризацию в сети учетных записей Twitter в выборке, которые подписаны на другие аккаунты или на которые подписаны другие аккаунты Twitter (данные представлены для упомянутых выше стран). Эта сетевая карта была создана с помощью алгоритма, который размещает связанные учетные записи ближе друг к другу, чем несвязанные. Визуализируются только упомянутые выше страны, а линии, которые кажутся продолжающимися до невидимой точки, представляют связи с учетными записями Twitter, которые связаны с другой страной в нашей общей выборке сети подписчиков.

Источник: Twitter API, информация об аккаунтах в соц. сети, собранная и классифицированная AidData.

4.2

Поиск посредников: чьи голоса больше всего влияют на способность КНР доносить свои нарративы до общественной элиты стран ЦЮА в Twitter?

В социальной сети, будь то Twitter или любая другая платформа, доступ к другим пользователям является формой власти коммуникации (Cooley et al., 2020), направленной на распространение предпочтительных сообщений или противодействия сообщениям, противоречащим интересам определенного государства. Поскольку элита стран ЦЮА, включенных в нашу выборку, имеет тенденцию группироваться вместе с другими представителями своей страны, лишь ограниченное количество посредников получили явную известность как «точки доступа», способствующие обмену информацией и коммуникации между ЦЮА и сообществами, аффилированными с КНР (там же). Выявление таких посредников и понимание их роли в нашей выборки по сети Twitter проливает свет на то, чьи голоса имеют наибольшее значение в том, как элиты обществ ЦЮА узнают о КНР и как Китай, в свою очередь, узнает о них.

В начале этой главы мы сказали, что существует два уровня отношений, которые влияют на информацию, которую с наибольшей вероятностью увидит отдельный пользователь Twitter, и на беседы, в которых он, скорее всего, будет участвовать: собственные связи и связи тех, на кого он подписан. Посредники эффективно выступают в качестве субъектов, соединяющих участников, которые в противном случае не имели бы между собой никакой связи из-за отсутствия доверия, интереса или незнания о друг друге (Gould and Fernandez, 1989; Cooley et al., 2020)[67].

В ходе более детального анализа посредников в нашей выборке мы разделили их на два типа выполняемых ими функциональных или социальных ролей: информаторы и представители[68]. «Информаторы» могут влиять на информационные и коммуникационные потоки, делясь твитами посторонних аккаунтов со своими подписчиками (Gould and Fernandez, 1989; Chaudhary and Warner, 2015b). «Представители» могут делиться твитами от инсайдеров, на которых они подписаны, при этом посторонние подписчики могут просматривать такие твиты (там же). Это ставит информаторов и представителей на важные позиции в вопросе направления информационных и коммуникационных потоков.

Учетные записи, официально связанные со странами ЦЮА и КНР, выступают в качестве информаторов и представителей для своих сообществ (см. таблицу 14). Представители стран ЦЮА распространяют информацию в сообществах КНР, однако информаторы КНР определяют сами, что именно передавать. Таким образом, вместе они влияют на контент, который китайские подписчики видят о странах региона ЦЮА. Верно и обратное: представители КНР распространяют информацию в сообществах ЦЮА, однако информаторы ЦЮА имеют огромное влияние в определении того, что увидят другие подписчики в их странах. Некоторые аккаунты могут брать на себя одну из ролей в сети: либо информатор, либо представитель. Однако они также могут выполнять обе роли одновременно. Мы часто наблюдаем эту динамику у политиков высокого уровня с активными профилями в Twitter, которые подписаны и на которые подписаны относительно большое количество пользователей.

Таблица 14. Различие между четырьмя типами посредников

Тип посредника	Роль в информационной / коммуникационной цепочке	Направление потока коммуникаций
Представитель КНР	В сообществе с другими субъектами из КНР, к которым субъекты из ЦЮА не имеют доступа. Распространяет информацию и опосредует взаимодействие с субъектами из ЦЮА.	От субъекта из КНР до субъекта из ЦЮА
Информатор КНР	В сообществе с другими субъектами из КНР, к которым субъекты из ЦЮА не имеют доступа. Контролирует входящую информацию о сообществе ЦЮА, которую видят другие субъекты из КНР, и выборочно предоставляет доступ.	От субъекта из ЦЮА до субъекта из КНР
Представитель ЦЮА	В сообществе с другими субъектами из ЦЮА, к которым субъекты из КНР не имеют доступа. Распространяет информацию и опосредует взаимодействие с субъектами из КНР.	От субъекта из ЦЮА до субъекта из КНР
Информатор ЦЮА	В сообществе с другими субъектами из ЦЮА, к которым субъекты из КНР не имеют доступа. Контролирует входящую информацию о сообществе из ЦЮА, которую видят другие субъекты из КНР, и выборочно предоставляет доступ.	От субъекта из КНР до субъекта из ЦЮА

Источник: По материалам Chaudhary and Warner (2016) и Gould and Fernandez (1989).

Вывод №10: Государственные СМИ являются полномочными представителями КНР в Twitter и распространяют информацию среди элиты стран ЦЮА, в то время как дипломатическим аккаунтам остается информирующая и дополняющая функции.

Взаимодействие КНР с общественной элитой стран ЦЮА в Twitter крайне централизовано. Государственные СМИ, главные из которых — People's Daily, China Daily и Xinhua News, — выступают в качестве наиболее активных представителей КНР, распространяя послания Пекина за рубежом (Таблица 15). Между тем, послы и посольства КНР являются наиболее активными информаторами, определяющими, какую информацию о странах ЦЮА передавать субъектам из КНР. Послы КНР в Индии и на Мальдивах, а также китайское посольство в Пакистане являются одними из самых востребованных информаторов, контролирующих информационные и коммуникационные потоки, идущие обратно в Китай (Таблица 16)[69].

В условиях цензуры коммуникационной среды государственные СМИ и дипломатические аккаунты КНР взаимно усиливают влияние друг друга, поскольку дипломаты рассматривают размещение репостов и совместно используемого утвержденного медиаконтента в своих сетях как легкий способ осуществления коммуникации «безопасно... и без нарушения правил [цензуры КНР]» (Zhao, 2019)[70]. Тем не менее, аккаунты китайских дипломатов вызывают немало споров. Так, бывший посол КНР на Мальдивах Чжан Личжун был причастен к публичному «скандалу в Twitter» с мальдивскими политиками из-за задолженности страны перед Китаем (Custer et al., 2019a). Вместе с тем Schleib и др. (2021) обнаружили, что высокая просматриваемость некоторого контента, связанного с КНР, искусственно раздувается небольшим количеством ложных аккаунтов суперраспространителей.

Чжао Лицзянь — ныне пресс-секретарь Министерства иностранных дел КНР, а в прошлом сотрудник посольства КНР в Пакистане — выделяется как наиболее активный представитель Пекина в глазах общественности ЦЮА, так и главный информатор, определяющий, что другие субъекты КНР должны узнавать о странах ЦЮА. В рамках подробного анализа его учетной записи в Twitter Cappelletti (2019) утверждает, что Чжао Лицзянь является примером того, как более широкие круги китайских дипломатов сочетают публичную дипломатию и управление знаниями для выборочного проецирования информации, которая гуманизирует их родную страну, при этом сохраняя «стратегический контроль над тем, что сообщается общественности». Это позволяет наилучшим образом продвигать национальные интересы Пекина.

Материалы Чжао в Twitter так же освещают две цели стратегии КНР в отношении социальных сетей: укрепление позитивного восприятия КНР как привлекательного партнера и дискредитация действий стратегических конкурентов в глазах общественной элиты стран ЦЮА. Данные цели хорошо видны на фоне сопоставления примеров позитивных твитов Чжао, подчеркивающих экономические и социальные преимущества партнерства в рамках CPEC для народа Пакистана (Cappelletti, 2019), с провокационными твитами, в которых утверждается, что ответственность за распространение коронавируса лежит на армии США и что австралийские солдаты виновны в убийствах мирных афганцев (Palmer, 2021). Обе цели достигаются благодаря известности Чжао как посредника в коммуникациях и информационных потоках между элитами КНР и ЦЮА.

Таблица 15. Ведущие представители КНР по активности взаимодействия с элитами обществ стран ЦЮА

Имя представителя	Учетная запись	Тип	Описание	Ранг
Лицзянь Чжао 赵立坚	@zlj517	Частное лицо, дипломат	Пресс-секретарь и заместитель директора Департамента информации МИД КНР, в прошлом дипломат посольства КНР в Пакистане.	1
People's Daily, Китай	@pdchina	Организация, государственные СМИ	Крупнейшая государственная группа печатных СМИ в Китае	2
China Daily	@chinadaily	Организация, государственные СМИ	Государственная китайская ежедневная газета на английском языке	3
China Xinhua News	@xhnews	Организация, государственные СМИ	Государственное информационное агентство КНР	4
China.org.cn	@chinaorgcn	Организация, государственные СМИ	Государственный интернет-информационный центр КНР	5

Примечание: в таблицу включены учетные записи, аффилированные с КНР, которые выступают в качестве представителей и посредников. Приводятся рейтинги нормализованных оценок, которые учитывают количество поддерживаемых непрямых связей, а также количество альтернативных представителей для каждой косвенной связи.

Источник: Twitter API, информация об аккаунтах в соц. сети, собранная и классифицированная AidData.

Таблица 16. Ведущие информаторы КНР по активности взаимодействия с элитами обществ стран ЦЮА

Имя информатора	Учетная запись	Тип	Описание	Ранг
Лицзянь Чжао 赵立坚	@zlj517	Частное лицо, дипломат	Пресс-секретарь и заместитель директора Департамента информации МИД КНР, в прошлом дипломат посольства КНР в Пакистане.	1
Посол Сунь Вэйдун	@china_amb_india	Частное лицо, дипломат	Посол КНР в Индии	2
Посол Ван Лисинь	@china_amb_mdv	Частное лицо, дипломат	Посол КНР в Мальдивской Республике	3
Посольство КНР в Пакистане	@cathaypak	Организация, посольство	Посольство КНР в Пакистане	4

Примечание: в Таблицу включены учетные записи, аффилированные с КНР, которые выступают в качестве информаторов и посредников. Приводятся рейтинги нормализованных оценок, которые учитывают количество поддерживаемых непрямых связей, а также количество альтернативных информаторов для каждой косвенной связи.

Источник: Twitter API, информация об аккаунтах в соц. сети, собранная и классифицированная AidData.

Информаторы из стран ЦЮА могут усиливать или ограничивать способность КНР использовать сетевую мощь Twitter по всему региону. В Южной Азии наиболее известными информаторами, как правило, являются отдельные политики, которые обеспечивают доступ КНР к более широкому кругу общественности в своих странах; за ними следуют журналисты (таблица 17). В число политических информаторов входят парламентарии и должностные лица исполнительной власти, а также действующие руководители и лидеры оппозиции. В Индии роль информаторов выполняют медиаорганизации и журналисты (3 из 5 — репортеры англоязычной ежедневной газеты The Hindu), так же, как и в Непале (2 из 5 связаны с информационными агентствами Kantipur и Nagarik National Daily). В Пакистане две учетные записи, связанные с CPEC, стали заметными точками доступа для КНР. В то же время в странах Центральной Азии отмечается больше централизованных информаторов — часто министерств по внешнеэкономическим отношениям или международной торговли.

Представители ЦЮА играют важную роль в формировании мнения о своих странах в глазах своих коллег из КНР. Политики являются важными, если не главными, представителями в большинстве стран ЦЮА (Таблица 18). Вместе с тем данная политическая элита так же разнообразна — в нее входят аккаунты парламентариев и должностных лиц исполнительной власти, официальных агентств или пресс-секретарей, а также действующих руководителей и лидеров оппозиции. СМИ стран ЦЮА и аффилированные с ними журналисты часто входят в число ведущих представителей своих стран. Примечательно, что журналисты, связанные с агентствами Hindu, Nagarik Daily, Dhaka Tribune, Kantipur и Bhutanese Newspaper, выполняют двойную роль: они входят в пятерку ведущих информаторов, а также представителей своих стран.

Стоить особо отметить Робина Орда-Смита, поскольку это в некоторой степени уникальный случай. В августе 2019 года бывший посол Великобритании был избран Уполномоченным по защите прав предпринимателей в Кыргызстане — должность, созданная правительством и контролируемая специальной комиссией, состоящей из представителей правительства Кыргызстана, партнеров по развитию и бизнес-групп, — со сроком на пять лет. Упоминание г-на Орд-Смита в качестве главного представителя Кыргызстана может отражать две вещи: (i) в Twitter относительно мало представителей элиты Кыргызстана, что искусственно повышает профиль этого аккаунта, (ii) должность уполномоченного, вероятно, играет важную роль в информировании внешних субъектов о деловом и инвестиционном климате в стране.

Таблица 17. Ведущие информаторы региона ЦЮА по странам

Имя информатора	Учетная запись	Тип	Страна	Описание
Сухасини Хайдар	@suhasinih	Частное лицо, журналист	Индия	Редактор по национальным и дипломатическим вопросам, The Hindu
Сенатор Шерри Рехман	@sherryrehman	Частное лицо, политик	Пакистан	Член парламента от Народной партии Пакистана; председатель сенатского комитета по иностранным делам.
Мохамед Саид	@em_saeed	Частное лицо, политик	Мальдивы	Член парламента от Народного национального конгресса, бывший министр экономического развития.
Судхир Шарма	@sudheerktm	Частное лицо, журналист	Непал	Журналист и писатель, главный редактор #Kantipur @ekantipur_com
Лига Авами	@albd1971	Организация, политическая партия	Бангладеш	Официальный Twitter-аккаунт бангладешской политической партии Лига Авами
Милинда Раджапакша	@milindarj	Частное лицо, политик	Шри-Ланка	Директор Медиацентра национального развития; бывший муниципальный совет Коломбо от партии @PodujanaParty
МИД Казахстана	@mfa_kz	Организация, государственное агентство	Казахстан	Министерство иностранных дел Республики Казахстан
Тенцинг Ламсанг	@tenzinglamsang	Частное лицо, журналист	Бутан	Редактор газеты The Bhutanese Newspaper, президент Ассоциации СМИ Бутана
Министерство инвестиций и внешней торговли	@mift_uz	Организация, государственное агентство	Узбекистан	Министерство инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан
Посол Эдиль Байсалов	@baisalov	Частное лицо, дипломат	Кыргызстан	Посол Кыргызстана в Лондоне
Министерство иностранных дел Таджикистана	@mofa_tajikistan	Организация, государственное агентство	Таджикистан	Официальный Twitter-аккаунт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан

Примечание: в Таблице представлены ведущие аккаунты, связанные с соответствующими странами из региона ЦЮА, получившими наивысшую оценку в области посредников-представителей.

Источник: Twitter API, информация об аккаунтах в соц. сети, собранная и классифицированная AidData. В этот список не входит Афганистан в целях защиты анонимности и с учетом возможных проблем в области безопасности. Туркменистан был исключен из анализа, т. к. правительство этой страны запретило Twitter, и в нашей выборке отсутствуют учетные записи из Туркменистана.

Таблица 18. Ведущие представители региона ЦЮА по странам

Имя представителя	Учетная запись	Тип	Страна	Описание
Нарендра Моди	@narendramodi	Частное лицо, политик	Индия	Премьер-министр Индии
Правительство Пакистана	@govtofpakistan	Организация, государственное агентство	Пакистан	Официальный Twitter-аккаунт правительства Пакистана.
Д-р Мохамед Муиззу	@mmuizzu	Частное лицо, политик	Мальдивы	Мэр города Мале, вице-президент Прогрессивной партии Мальдив, бывший министр жилищного строительства и инфраструктуры
Бабурам Бхаттарай	@brb1954	Частное лицо, политик	Непал	Бывший премьер-министр (2011–2013 годы), председатель Федерального совета партии Джаната Самаджвади.
Шах Али Фархад	@shah_farhad	Частное лицо, политик	Бангладеш	Бывший специальный помощник офиса премьер-министра, адвокат в Верховном суде Бангладеш
Министерство иностранных дел Шри-Ланки	Пресс-секретарь министерства	Организация, государственное агентство	Шри-Ланка	Пресс-секретарь МИД Шри-Ланки
Министерство иностранных дел Казахстана	@mfa_kz	Организация, государственное агентство	Казахстан	Министерство иностранных дел Республики Казахстан
Тенцинг Ламсанг	@tenzinglamsang	Частное лицо, журналист	Бутан	Редактор газеты The Bhutanese @ thebhutanese/ президент Ассоциации СМИ Бутана
Министерство инвестиций и внешней торговли	@mift_uz	Организация, государственное агентство	Узбекистан	Министерство инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан
Робин Орд-Смит	@robinordsmith	Частное лицо, дипломат	Кыргызстана	Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Кыргызстане (назначается правительством страны), бывший посол Великобритании
Министерство иностранных дел Таджикистана	@mofa_tajikistan	Организация, государственное агентство	Таджикистан	Официальный Twitter-аккаунт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан

Примечание: в Таблице представлены ведущие аккаунты, связанные с соответствующими странами из региона ЦЮА, получившими наивысшую оценку в области посредников-представителей.

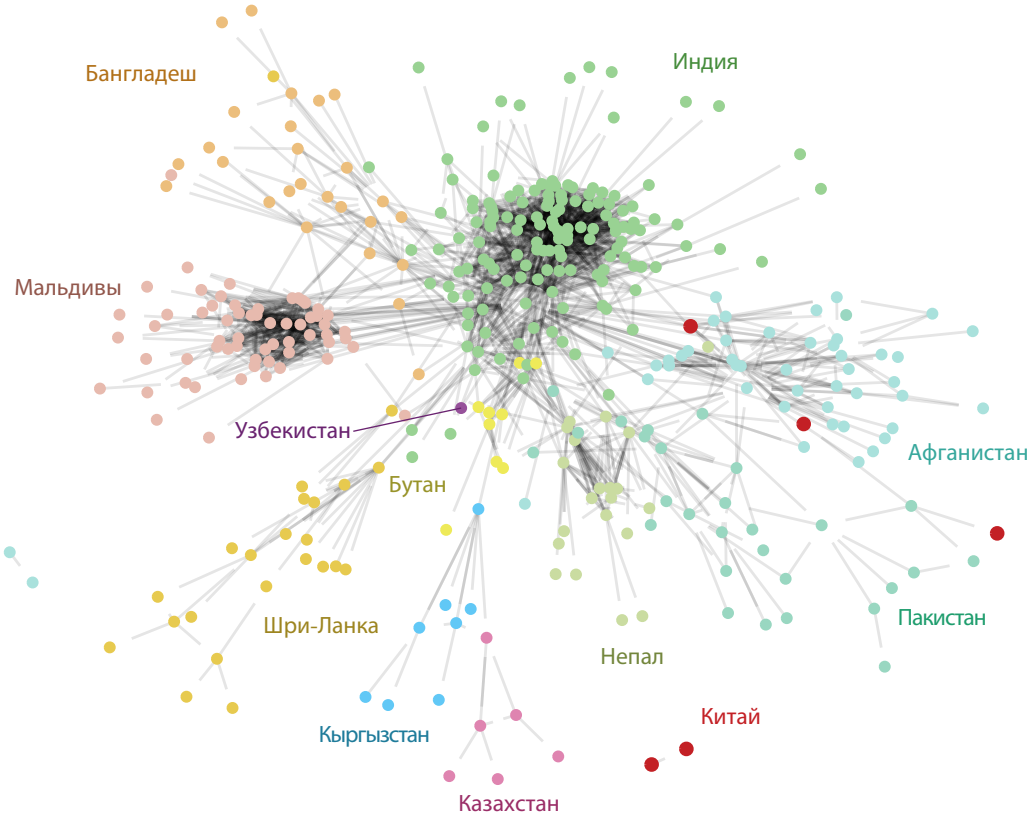
Источник: Twitter API, информация об аккаунтах в соц. сети, собранная и классифицированная AidData. В этот список не входит Афганистан в целях защиты анонимности и с учетом возможных проблем в области безопасности. Туркменистан был исключен из анализа, т. к. правительство этой страны запретило Twitter, и в нашей выборке отсутствуют учетные записи из Туркменистана.

4.3

Анализ упоминаний: кто с кем общается и насколько значимы китайские аккаунты?

Подписка на другого пользователя в Twitter — это одна из форм взаимодействия. Более значимой активностью является прямое упоминание другого аккаунта в оригинальном контенте, публикуемом какой-либо учетной записью («упоминания»). Когда один пользователь Twitter упоминает другого пользователя, это означает, что он, скорее всего: (i) знаком с упоминаемой учетной записью; (ii) заинтересован в повышении узнаваемости упоминаемой учетной записи в своей сети; или (iii) инициирует двусторонний диалог с упоминаемой учетной записью вместо пассивного потребления ее контента. Мы проанализировали нашу выборку элиты стран ЦЮА и КНР, чтобы создать сеть упоминаний, где связи между учетными записями формируются при прямом упоминании одним аккаунтом из нашего списка другого пользователя в твите. На графике 15 показана сеть упоминаний в 12 странах ЦЮА и КНР. Каждой учетной записи соответствует кружок с цветом страны, которую она представляет. Учетные записи с большим количеством упоминаний в разных странах расположены ближе к центру, в то время как учетные записи на периферии более изолированы, в основном взаимодействуя с аккаунтами в пределах своей страны.

График 15. Как часто общественные элиты стран ЦЮА и КНР упоминают друг друга в Twitter?



Примечания: этот график визуализирует кластеризацию учетных записей в выборке Twitter, которые упомянули другие аккаунты или которые были упомянуты другими аккаунтами Twitter в сети. Каждая точка представляет собой учетную запись Twitter, а каждый учетная запись окрашена в зависимости от страны. Ярлыки размещаются там, где учетные записи в данной стране имеют тенденцию к кластеризации. Эта сетевая карта была создана с помощью алгоритма, который размещает связанные учетные записи ближе друг к другу, чем несвязанные. Источник: Twitter API, информация об аккаунтах в соц. сети, собранная и классифицированная AidData.

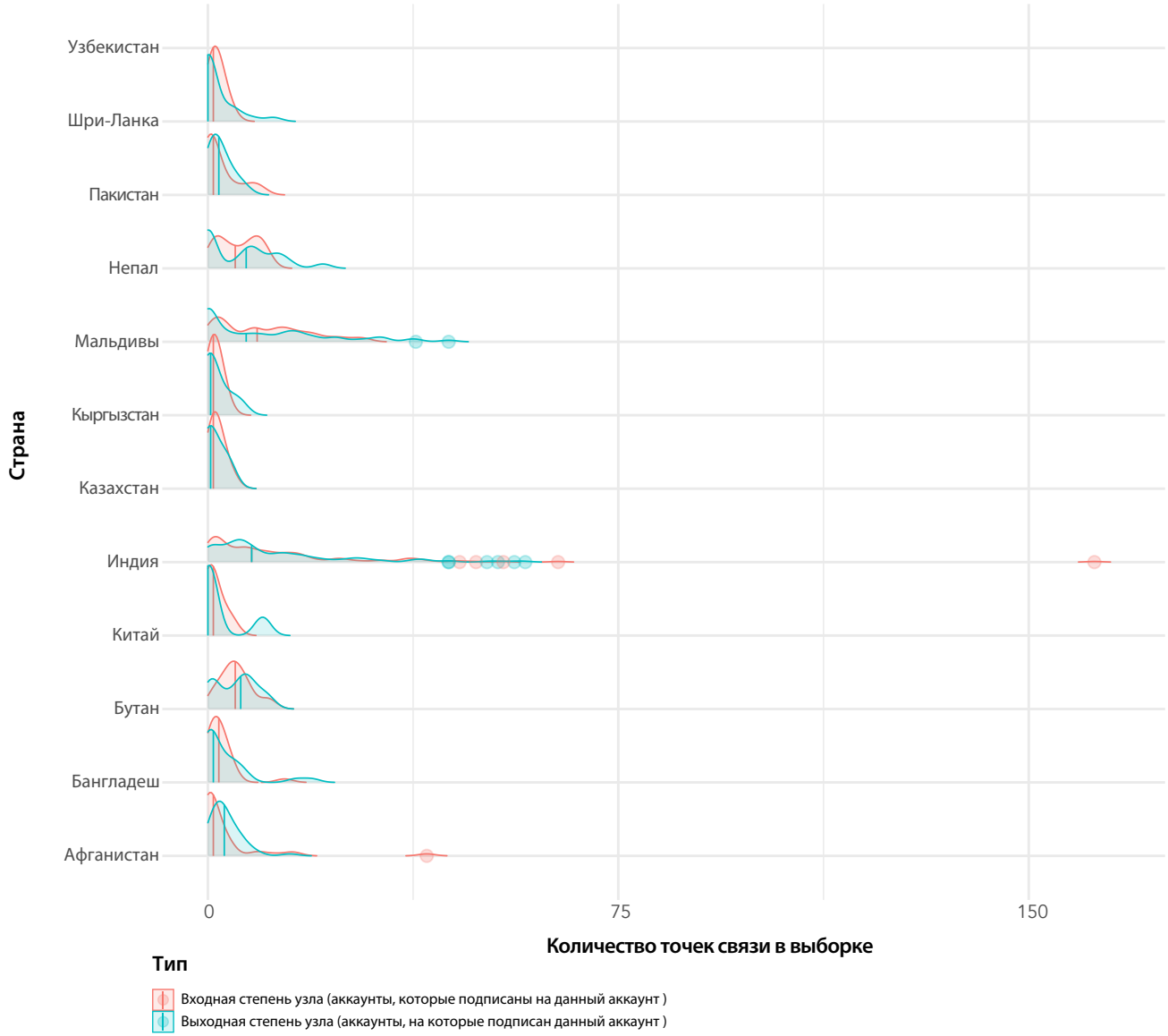
Вывод №11: Китайские аккаунты могут иметь больше подписчиков, однако индийские аккаунты чаще упоминаются другими пользователями Twitter.

В сети упоминаний выявлено 3 интересных особенности. Во-первых, лишь небольшое количество представителей общественных элит стран ЦЮА и КНР упоминают других в нашей выборке, а не просто подписаны друг на друга. В сети упоминаний было всего 328 аккаунтов по сравнению с 1979 в сети подписчиков. Это может указывать на более поверхностную форму взаимодействия — потребление и обмен информацией осуществляются прежде всего через подписку, в отличие от более глубокого взаимодействия через упоминания. Во-вторых, страны ЦЮА и КНР редко упоминают учетные записи за пределами своей страны, а если делают, то это, скорее всего, происходит через индийские учетные записи, нежели аккаунты, аффилированные с КНР. Другими словами, даже несмотря на то, что связанные с КНР учетные записи подписаны на представителей элиты стран ЦЮА, которые, в свою очередь, также подписаны на китайские аккаунты, индийские учетные записи занимают первое место среди всех участников нашей выборки, поскольку они чаще упоминаются в твитах, публикуемых элитами из других стран. В-третьих, Пакистан и здесь является исключением – когда аккаунты, аффилированные с КНР, отмечаются в международных упоминаниях, это в первую очередь происходит через представителей элиты Пакистана, что, возможно, свидетельствует о большей степени социальной близости и экономической интеграции в свете CPEC (см. главу 2).

Одно возможное объяснение высокой значимости индийских аккаунтов по сравнению с китайскими заключается в том, что это может быть реакцией на более централизованное взаимодействие КНР с элитами стран ЦЮА в Twitter, которое в значительной степени зависит от государственных средств массовой информации, распространяющих нарративы, и дипломатических аккаунтов, фильтрующих информацию, поступающую обратно в Китай. Подобно тому, как дипломатические аккаунты часто прибегают к репосту утвержденных историй из государственных СМИ, опасение столкнуться с тем, что Zhao (2019) называет «невидимой рукой цензуры» Пекина, может лишить аккаунты, аффилированные с КНР, мотивации к упоминанию других пользователей в оригинальных твитах. Более того, общественные элиты стран ЦЮА могут быть менее склонны упоминать аффилированные с КНР аккаунты в Twitter, если они рассматривают их в первую очередь как институциональное лицо Коммунистической партии Китая, а не как истинное общение с отдельными лицами. Это может указывать на ограниченность попытки КНР представить видимость множества голосов и точек зрения через набор аккаунтов, которые лишь усиливают единые нарративы правительства (Zhao, 2019)[71].

С другой стороны, данная динамика может быть связана не столько с КНР, сколько со статусом Индии как регионального гегемона в Южной Азии, где и возникает большинство упоминаний. Хотя количество упоминаний других учетных записей в нашей выборочной сети относительно невелико, в среднем существуют важные исключения из этого правила. На графике 16 показано распределение упоминаний аккаунтов по странам. Снова самая большая и самая маленькая страны в регионе — Индия и Мальдивы — выделяются более высоким уровнем активности в сети упоминаний — как среди упоминаемых аккаунтов, так и тех, которые сами активно упоминают других. Учетные записи, связанные с премьер-министром Индии Нарендрой Моди и министром образования Дхармендрой Прадханом, имеют значительно больше упоминаний среди представителей общественных элит в нашей выборке по сравнению с их коллегами. Наибольшее количество внешних упоминаний среди других элит в сети отмечено у учетной записи министра автомобильного транспорта и автомобильных дорог Индии Нитина Гадкари.

График 16. Распределение упоминаний в Twitter по странам



Примечания: на этом графике показано распределение аккаунтов с входными и выходными связями для каждой страны. В данном случае входные связи относятся к количеству учетных записей, которые были упомянуты другой учетной записью в нашей выборке. Выходные связи относятся к количеству учетных записей, которые упоминали другие учетные записи в этой выборке. Буква «n» в скобках под каждой страной представляет количество активных Twitter аккаунтов в данном примере для этой страны. Шкала оси X представляет количество аккаунтов Twitter, связанных с учетной записью в выборке. Высота кривых (ось Y, без надписей) для каждой страны в общих чертах отображает количество аккаунтов Twitter в нашей выборке, у которых количество связей представлено осью x. Кривая с большей высотой указывает на более концентрированное распределение аккаунтов. Более широкая кривая показывает, что распределение более диффузионное. Особые аккаунты с необычно большим количеством точек связи визуализируются кругом.

Источник: Twitter API, информация об аккаунтах в соц. сети, собранная и классифицированная AidData.

Существенное внимание уделяется энтузиазму со стороны предложения КНР по использованию социальных сетей, особенно Twitter, как элемента более широких усилий в сфере стратегических коммуникаций. Ученые отмечают значительный рост числа аккаунтов дипломатических и государственных СМИ КНР в Twitter и Facebook, а также изучают их использование в открытой публичной дипломатии в отношении общественности других стран, а также в тайных кампаниях по дезинформации. СМИ были опубликованы подробные статьи, исследующие тактику КНР в социальных сетях, такую как использование подставных аккаунтов суперраспространителей, а также дипломатии «воинов-волков». Технологические компании, такие как Twitter, перешли в наступление, блокируя аккаунты за оскорбительный контент или неаутентичное поведение. Вместе с тем сравнительно меньше внимания уделяется изучению степени взаимодействия КНР с элитой стран ЦЮА в социальных сетях через призму сетевой власти для продвижения национальных интересов Китая.

В этой главе мы рассмотрели, как КНР позиционирует себя в социальных сетях элит стран ЦЮА, чтобы способствовать распространению своих нарративов. Несмотря на все обсуждения дипломатии КНР в социальных сетях в Южной и Центральной Азии, ее влияние в Twitter на удивление ограничено. Лишь немногие представители ЦЮА напрямую подписаны (или на них подписаны) на 115 аффилированных с КНР аккаунтов из нашей выборки. Напротив, способность КНР влиять на нарративы и связываться с желаемой целевой аудиторией в Twitter зависит от ограниченного числа посредников — чаще всего это отдельные политики и журналисты из Южной Азии, а также правительственные агентства в области иностранных дел и торговли в Центральной Азии. КНР в значительной степени полагается на централизованные государственные СМИ для распространения положительных историй о Китае среди стран ЦЮА, а также на дипломатические аккаунты, чтобы усиливать влияние этих историй и фильтровать информацию о ЦЮА, поступающую обратно в Китай. Эти аккаунты получают сравнительно меньше упоминаний среди элиты ЦЮА, чем те, которые связаны со стратегическим конкурентом, Индией.

В следующей главе мы перейдем от вклада публичной дипломатии КНР к оценке того, в какой степени Пекин смог использовать более тесные экономические, социальные и сетевые связи для создания позитивного восприятия своей страны среди иностранной общественности и элиты стран в соответствии со своими целями.

[59] Хотя Twitter действительно включает продвигаемые и сгенерированные алгоритмом твиты, лента пользователя в основном включает твиты, опубликованные теми учетными записями, на которые он подписан, а также твиты, которые нравятся или «ретвитятся» такими пользователями. На практике это означает, что пользователь Twitter в основном видит твиты тех учетных записей, на которые он подписан, а также на которые подписаны последние.

[60] В данных профилях Twitter используется 38 языков. Не учитываются учетные записи, которые пишут в Twitter на нескольких языках, однако это важный показатель языкового разнообразия пользователей Twitter среди элиты стран ЦЮА и КНР, с которыми они, скорее всего, взаимодействуют.

[61] Из выборки исключен Туркменистан, т. к. эта страна запретила Twitter.

[62] Данная выборочная сеть в большей степени ориентирована на Южную Азию (1703 учетных записей) и особенно Индию, нежели Центральную Азию (161 учетных записей). Вместе с тем это согласуется с глобальной статистикой, согласно которой более высокая доля пользователей социальной сети приходится на Южную Азию (13,1 %) по сравнению с менее чем одним процентом из Центральной Азии (Statista, 2021). Данная дихотомия, вероятно, отражает тот факт, что в Центральной Азии более ограниченный доступ к Интернету и социальным сетям.

[63] Ни один из этих вопросов не входит в сферу данного анализа, который на самом деле направлен на то, чтобы понять степень и способы, с помощью которых связанные с КНР аккаунты могут проникать в сообщества ЦЮА в социальной сети Twitter.

[64] Учетные записи, связанные с премьер-министром Нарендрой Моди (@narendramodi), офисом премьер-министра (@pmoindia), министром внутренних дел Амитом Шахом (@amitshah), министром обороны Раджнатхом Сингхом (@rajnathsingh) и министром по делам женщин и детей Смрити Ирани (@smritiirani), не только вошли в пятерку лучших аккаунтов Индии по количеству подписчиков, но и превзошли пятерку лучших аккаунтов из всех прочих стран ЦЮА и Китая.

[65] В сети подписчиков большинство межнациональных связей — это связи между ЦЮА и КНР. Мы особо отмечаем эти связи, т. к. нас прежде всего интересует активность Китая в отношении учетных записей из стран ЦЮА. Размещение кружков в визуализации сети основано на алгоритме, который описан в Техническом приложении.

[66] Для данного анализа мы использовали алгоритм обхода ловушки (Pons & Latapy, 2005), который определяет количество шагов между учетными записями в сети, а затем случайным образом генерирует пути для отображения субсообществ или кластеров пользователей на основе их связей. Для получения дополнительной информации см. Техническое приложение.

[67] Gould and Fernandez (1989) описывают это как «брокерский процесс»: «обмен или взаимодействие между тремя участниками, двое из которых являются фактическими сторонами сделки, а третий – посредник, или брокер». Авторы признают, что такое посредничество может способствовать влиянию элиты в ситуации, когда оно осуществляется между соперничающими фракциями в сообществе.

[68] При анализе посредников в сети Twitter мы использовали методы, представленные Gould and Fernandez (1989) и реализованные в Statnet (Handcock et al., 2003). Дополнительная информация об этих методах содержится в Техническом приложении.

[69] Помимо 5 перечисленных учетных записей, другие учетные записи послов и посольств КНР неизменно занимают наиболее заметные роли информаторов по сравнению с другими типами аккаунтов из КНР.

[70] Zhao (2019) дополняет этот тезис тем, что, поскольку СМИ КНР должны «просматривать, проверять и фильтровать все новости» по требованию контролирующей контент Коммунистической партии Китая, дипломатические аккаунты могут чувствовать себя более уверенно, делясь китайским медиаконтентом без риска санкций со стороны Пекина, поскольку такой контент предварительно негласно одобрен для использования среди общественности стран ЦЮА.

[71] Zhao (2019) называет эту стратегию «робким многоголосьем», где Twitter позволяет КНР проявляться разные лица своей публичной дипломатии; однако на практике строгие правила цензуры обеспечивают достаточную степень контроля и единообразия.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Согласование позиций: как граждане и лидеры стран ЦЮА относятся к КНР в сравнении с другими великими державами?

Основные выводы этой главы

- *С точки зрения отношения к КНР граждане стран ЦЮА могут быть распределены по трем группам: неизменно благожелательное (Пакистан и Таджикистан), неизменно отрицательное (Индия) и двоякое (остальные страны).*
- *Финансовая дипломатия Пекина связана с низким уровнем одобрения действий России и более высоким уровнем одобрения действий США. Она также имеет положительную связь с одобрением действий КНР в странах, где реализуется стратегия «извлечения», но не в странах, где осуществляется стратегия «побуждения».*
- *В общем, граждане стран ЦЮА более благожелательно относятся к России и КНР, а их лидеры — к Индии и США.*

Экономические возможности определяют точку зрения лидеров в отношении КНР и США и подразумевают необходимость увеличения объема мероприятий финансовой дипломатии и усиления связей между людьми для укрепления позиций этих держав в будущем.

Общественное мнение представляет собой важный показатель эффективности стратегии влияния Пекина по трем причинам. Во-первых, одна из провозглашаемых Пекином целей публичной дипломатии состоит в достижении признания миром китайской культуры, языка и цивилизации. Во-вторых, благоприятное отношение граждан и лидеров стран ЦЮА к КНР может также способствовать продвижению других интересов в сфере экономики, геополитики и безопасности (Rose, 2016 г.; Singh и MacDonald, 2017 г.; Goldsmith и Horiuchi, 2012 г.), поскольку более высокий уровень благоприятного отношения может указывать на положительное восприятие норм, правил и ценностей иностранной державы. В-третьих, как утверждают некоторые эксперты, Пекин ведет игру, в которой может быть только один победитель, борясь за первенство на международной арене и стремясь потеснить США как ведущую державу в Азии. Следовательно, важно также рассмотреть отношение к КНР в сравнении с отношением к ее стратегическим конкурентам.

В данной главе мы анализируем, как граждане стран ЦЮА воспринимают КНР в сравнении с другими иностранными державами (раздел 5.1). Далее, мы рассматриваем связь между действиями Пекина в сфере публичной дипломатии и восприятием КНР и ее стратегических конкурентов гражданами стран ЦЮА (раздел 5.2). Наконец, мы проводим оценку степени соотношения восприятия иностранных держав элитой и гражданами стран ЦЮА и их отношения к деятельности этих держав в сфере публичной дипломатии (раздел 5.3).

5.1 Восприятие общественностью: как граждане стран ЦЮА относятся к КНР в сравнении с ее конкурентами?

В данном разделе мы исследуем, изменяется ли со временем отношение граждан в 12 странах Центральной и Южной Азии к КНР и ее стратегическим конкурентам — Индии, России и США - и если изменятся, то каким образом.[72] Для проведения анализа мы используем данные ежегодного опроса общественного мнения — всемирного опроса Gallup World Poll (GWP) за период с 2006 по 2020 гг., который содержал вопросы относительно степени одобрения или неодобрения гражданами стран ЦЮА деятельности высокопоставленных должностных лиц интересующих нас четырех великих держав. Ранее Custer и др. (2019 г.) исследовали восприятие лидеров КНР, однако провели это исследование изолированно и в пределах более короткого периода времени (2007–2017 гг.).

В данном отчете мы расширили рамки анализа, включив последние годы вплоть до 2020 г. и проведя сравнение отношения к КНР с отношением к ее стратегическим конкурентам. Мы предполагаем, что в течение этого интервала времени будет наблюдаться усиление конкуренции между КНР и США, а также достижение Россией уровня КНР, где это необходимо для сохранения стабильного влияния в регионе. Кроме того, мы ожидаем, что влияние Индии усилится в странах Южной Азии, где она сохраняет более высокий уровень влияния и является конкурентом КНР.

Судя по всему, отношение граждан к четырем иностранным державам со временем изменяется одновременно. В среднем процент респондентов из стран ЦЮА, одобряющих действия КНР, возрастал, когда отношение к другим иностранным державам, таким как США, Россия и Индия также улучшалось, и снижался, когда это отношение ухудшалось (см. график 17). Аналогичная динамика наблюдалась в отношении степени неодобрения. Такая синхронность отношения может отражать влияние одного из двух факторов. Во-первых, отношение граждан может в меньшей степени зависеть от действий конкретных лиц, взятых в отдельности, и в большей степени - от региональных или глобальных тенденций, формирующих аналогичное отношение ко всем иностранным державам. Во-вторых, это может отражать интенсивность конкуренции между четырьмя великими державами. В любом случае способность иностранной державы влиять на общественное мнение с течением времени, похоже, в некоторой степени ограничивается более широкими геополитическими тенденциями.

Существуют некоторые исключения из этого общего правила, поскольку отношение граждан в некоторых странах за последние годы стало более изменчивым и линии трендов для отдельных иностранных держав расходятся. В Индии доля респондентов, не одобряющих действия трех других иностранных держав,

изменялась почти синхронно до 2013 г., когда повышение степени неодобрения выделило КНР относительно ее стратегических конкурентов в отрицательную сторону. Примечательно, что такое ухудшение общественного мнения в Индии совпало с имеющими важные последствия заявлениями председателя Китая Си Цзиньпина в 2013 г. о подписании документов по инициативе «Один пояс, один путь» и Китайско-пакистанскому экономическому коридору (CPEC), которые привели к возникновению вопросов, связанных с суверенитетом Индии (Sachdeva, 2018 г.).

В Казахстане уровень одобрения действий иностранных держав изменялся в противоположных направлениях. За два-три года до 2015 г. в этой богатой ресурсами стране наблюдалось повышение одобрения гражданами действий КНР и России с последующим снижением к 2020 г. до уровня 2012 г. В то же время уровни одобрения действий США первоначально имели тенденцию к снижению до 2015 г., после чего наблюдалось резкое повышение до 2020 г. Это может быть признаком интенсивной конкуренции между США, Россией и КНР. Казахстан является богатой ресурсами страной, представляющей значительный стратегический интерес для всех этих держав. Китай и Россия могут получить больше выгод в результате сотрудничества с целью противодействия влиянию США и Запада, чем в результате конкуренции между собой. Это может служить объяснением их одновременного независимого отдаления от США (Stronski и Ng, 2018 г.).

Вывод № 12. Страны ЦЮА могут быть распределены по трем группам с точки зрения отношения их граждан к КНР: неизменно благожелательное (Пакистан и Таджикистан), неизменно отрицательное (Индия) и нейтральное (остальные страны).

Хотя общественное мнение в отношении действий иностранных держав с течением времени изменялось аналогичным образом в положительном и отрицательном направлении, в различных странах восприятие этих держав различно. Фактически, существуют некоторые заметные различия между странами с точки зрения их открытости в отношении отдельных иностранных держав. С использованием иерархического кластерного анализа[73] страны ЦЮА могут быть распределены по трем группам с точки зрения отношения их граждан к КНР (основной иностранной державе, представляющей для нас интерес): неизменно благожелательное (Пакистан и Таджикистан), неизменно отрицательное (Индия) и раздвоенное (остальные страны).

Как указано в предшествующих главах, Пакистан находится на особом положении, привлекая значительную долю внимания Пекина — от финансовой дипломатии и сотрудничества в сфере образования и культуры до взаимодействия в социальных сетях, таких как Twitter. Тем не менее, хотя КНР использует различные методы, чтобы привлечь на свою сторону общественность и элиту Пакистана (Safdar, 2021 г.), очевидно, что проект CPEC является центральным элементом ее инициатив в соответствии со стратегией «извлечения» в рамках публичной дипломатии Пекина, осуществляемой в богатых ресурсами странах (глава 2).[74] Пакистан выделяется неизменным высоким уровнем одобрения гражданами действий лидеров КНР с 2011 г. (между 64 % и 82 %), а, в общем, это одобрение повышалось более быстрыми темпами между 2014 и 2016 гг. вскоре после заявления о реализации проектов CPEC и ОПОП. Ни одна другая иностранная держава даже близко не приближается к такому уровню в Пакистане, и их уровни одобрения редко превышают 20 %. В итоге высокий уровень одобрения гражданами действий лидеров КНР в сравнении с ее стратегическими конкурентами вызвал интерес к изучению китайского языка и получению образования за границей (в Китае), а также привел к сравнительно высокой интенсивности взаимодействия между элитой КНР и Пакистана в Twitter, что указывает, какими прочными стали пакистано-китайские связи как в абсолютных, так и относительных показателях.

В Таджикистане также наблюдается высокий уровень одобрения действий лидеров как России (в среднем 88 %), так и КНР (в среднем 63 %). Для сравнения, отношение к США является менее благоприятным (в среднем 35 %). Пакистан и Таджикистан являются примерами применения Китаем стратегии «извлечения» — эти страны представляют для КНР значительный экономический интерес и КНР сохраняет в них высокий уровень одобрения.

На другом конце диапазона показателей располагается Индия, которая отличается неизменно низким уровнем одобрения (10–24 %), и, согласно результатам опроса, уровень неодобрения действий лидеров КНР повышается. Индия представляет собой уникальный случай, поскольку она является как конкурентом в борьбе за влияние в регионе, так и получателем средств в рамках инициатив КНР, в основном в форме нефинансовых инструментов согласно стратегии «побуждения» в рамках публичной дипломатии Пекина (глава 2) для стран, предоставляющих стратегические выгоды (такие как наземные и морские транспортные маршруты), но не имеющих значительных запасов природных ресурсов. Стратегическое соперничество Индии и КНР привело к взаимному недоверию, которое может ограничивать уровень одобрения. Вместе с тем, граждане Индии не очень активно поддерживают и существующие альтернативы. Уровни одобрения действий США и России лишь несколько выше, чем аналогичный показатель для КНР: в период с 2006 по 2020 гг., в среднем только одна четвертая респондентов в Индии одобряла действия США, в сравнении с 20 % в отношении России и 15 % — КНР.

Остальные страны ЦЮА с точки зрения восприятия Пекина гражданами располагаются между этими двумя крайними уровнями: более умеренное неодобрение, чем в случае Индии, и более умеренное одобрение, чем в случае Пакистана и Таджикистана. КНР предстоит сильная конкуренция со стороны России, занимающей ведущее положение в Центральной Азии, где сравнительно высокий уровень одобрения действий Кремля, возможно, отражает исторически сложившуюся экономическую интеграцию этих стран на основе торговли и потоков денежных переводов, а также понимание их зависимости от трубопроводов «Газпрома», по которым экспортируется природный газ в Европу.[75] Кроме того, страны Центральной Азии имеют глубокие общественные связи с Россией вследствие общего советского прошлого и сохраняющегося присутствия русских этнических меньшинств в этих странах (Goble, 2016 г.; Vogt и др., 2015 г.).[76] Тем не менее, уровень удовлетворенности действиями лидеров России является неодинаковым в различных странах Центральной Азии и стратегическим конкурентам Кремля будет проще завоевать позиции в одних определенных областях, чем в других.

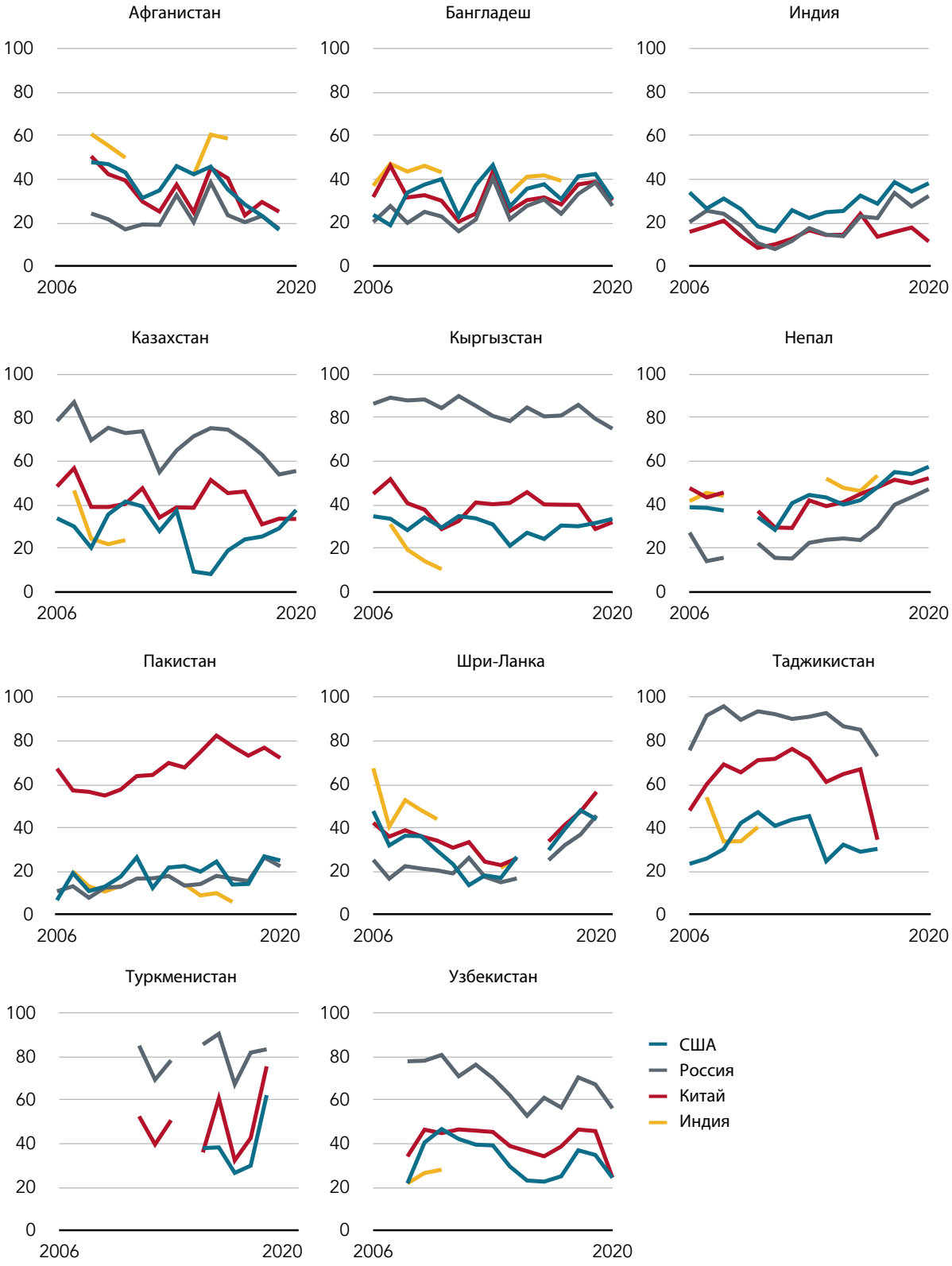
Доминирование Москвы наиболее очевидно в Кыргызстане, где одобрение действий России (в пределах от 75 % до 90 %) значительно превосходит показатели для других иностранных держав.[77] Среди конкурентов Кремля ближе всего к этому уровню одобрения подошла КНР, когда в 2007 г. 51 % респондентов в Кыргызстане одобрили ее действия. Для сравнения, Россию все

еще предпочитают относительно КНР и США и в других странах Центральной Азии, однако уровень превышения не такой значительный и сильнее изменяется со временем. Эта динамика наиболее четко прослеживается в Казахстане и Туркменистане, где США и КНР все еще отстают от России по уровню одобрения гражданами, но в течение последних лет сократили отставание.[78] Такая динамика изменений может указывать на два фактора: (i) усиление активности со стороны стратегических конкурентов Кремля, стремящихся завоевать влияние в Центральной Азии; и (ii) повышение готовности выражения неудовлетворенности действиями России, особенно, учитывая наличие альтернативных партнеров.

Несколько стран Южной Азии — Афганистан, Бангладеш, Непал и Шри-Ланка — в значительной степени представляют собой «поле битвы», на котором ни одна держава не достигла явного преимущества над другими, по меньшей мере, с точки зрения восприятия общественностью. Как указано в главе 2, в Бангладеш и Шри-Ланке КНР использует стратегию «побуждения», осуществляя на субнациональном уровне относительно большой объем мероприятий нефинансовой дипломатии,[79] а в Афганистане за пределами Кабула КНР представлена на минимальном уровне. Отношение к иностранным державам в этих трех странах оставалось сравнительно сдержанным без каких-либо исключений. Индия показала несколько лучшие результаты, достигнув более высокого уровня одобрения (хотя данные доступны не по всем годовым периодам),[80] при этом уровни США и КНР были сравнительно близкими, а Россия отставала от них.[81] Вместе с тем, Пекин достиг наивысшего уровня одобрения в Шри-Ланке (56 %) в 2020 г., несмотря на оживленную дискуссию по поводу контроля КНР над портом Хамбантота в результате передачи его в аренду на 99 лет, вызвавшей негативную реакцию среди мировых СМИ и представителей политической оппозиции.[82]

Для сравнения, отношение ко всем иностранным державам в не имеющем выхода к морю Непале было более благожелательным. В среднем, в период с 2006 по 2020 гг. 43 % непальцев одобряли действия лидеров США и КНР. В 2020 г. США достигли уровня одобрения 58 % с незначительным отставанием КНР и России (6 и 11 процентных пунктов ниже уровня США, соответственно).

График 17. Уровни одобрения действий иностранных держав гражданами стран ЦЮА, 2006–2020 гг.



Источник: Gallup World Poll survey, 2006–2020.

5.2

Публичная дипломатия и восприятие гражданами: в какой мере инициативы КНР связаны с благожелательным отношением граждан стран ЦЮА?

В течение последних пятнадцати лет КНР завоевывала признание, теряла его и продолжала обретать друзей среди общественности стран ЦЮА. Она достигла значительного повышения положительного восприятия в Туркменистане (+36 процентных пунктов) и Шри-Ланке (+14 процентных пунктов), но понесла сравнимые потери в Афганистане (-26 процентных пунктов) и нескольких странах Центральной Азии, сохраняя сравнительно неизменные позиции в других странах.[83] Кроме того, КНР уменьшила отставание в положительном восприятии относительно своих стратегических конкурентов в нескольких странах, где проходит борьба за влияние. Однако существует значительное число факторов, которые могут менять восприятие иностранных держав гражданами стран ЦЮА — от общей истории и культурных норм до региональных или мировых событий и используемых стратегий публичной дипломатии.

Ранее Custer и др. (2019 г.) установили, что институты и классы Конфуция (культурная дипломатия), организованные КНР, и ее попытки формирования благожелательно настроенных местных СМИ в странах ЦЮА (информационная дипломатия)[84] обусловили более благоприятное отношение к Пекину (повышение уровня одобрения, снижение уровня неодобрения). Тем не менее, использование КНР финансовой дипломатии и визитов представителей элиты, осуществляемых высшими руководителями КНР и правительственными чиновниками к своим коллегам в странах ЦЮА и наоборот, обусловили поляризованное отношение к КНР в этом регионе. С одной стороны, в странах, получивших больший объем мероприятий финансовой дипломатии и принявших большее число представителей элиты из Пекина, наблюдались более низкие уровни неодобрения действий лидеров КНР, что является положительным результатом для Пекина. Однако уровень одобрения действий лидеров КНР также являлся низким.[85]

Вывод № 13. Финансовая дипломатия Пекина связана с более низким одобрением России и более высоким одобрением США. Она также имеет положительную связь с одобрением КНР в странах, где реализуется стратегия «извлечения», но не в странах, где осуществляется стратегия «побуждения».

Далее мы проведем дополнительные исследования, чтобы определить, почему получены неоднозначные результаты финансовой дипломатии КНР и визитов представителей элиты. Что касается финансовой дипломатии, мы рассмотрели результаты, сравнив их с данными других иностранных держав, и определили различия для двух групп стран, классифицированных на основе различных стратегий публичной дипломатии применяемых КНР на субнациональном уровне (описание представлено в главе 2): стратегии «извлечения» (значительная доля финансовой дипломатии) и стратегии «побуждения» (меньшая доля финансовой дипломатии и большая концентрация на других методах).[86] Хотя имеющиеся данные не позволяют провести анализ причинно-следственных связей, мы исследовали корреляцию (вероятные связи) между этими факторами. Мы также исследовали визиты представителей элиты (визиты главы правительства в страны ЦЮА, которые согласно нашему предположению с наибольшей вероятностью оказывают влияние на отношение граждан), используя данные времени визитов и даты опросов в рамках GWP, чтобы определить, как это может быть связано с общественным мнением.[87]

В отношении Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Пакистана и Непала Пекин в основном полагается на финансовую дипломатию на субнациональном уровне (стратегия «извлечения»), а в отношении Индии, Бангладеш и Шри-Ланки — на нефинансовую дипломатию (стратегия «побуждения»). Приняв во внимание применение КНР различных стратегий, мы установили, что финансовая дипломатия связана с повышенным уровнем одобрения действий лидеров КНР среди респондентов из стран, в которых осуществлялась стратегия «извлечения», однако в других странах какая-либо существенная связь отсутствовала. Чтобы убедиться, что полученные различные результаты не отражают тот факт, что все рассмотренные страны, в которых осуществляется стратегия «побуждения», находятся в Южной Азии, мы провели расчет этих моделей отдельно для Центральной Азии и Южной Азии и получили аналогичные результаты для обеих групп, указывающие наличие связи между финансовой дипломатией и повышенным уровнем одобрения. Это подтверждает наше утверждение относительно того, что различие, наблюдаемое в первом наборе моделей, обусловлено распределением стран по стратегиям: стратегия «побуждения» в сравнении со стратегией «извлечения».

Финансовая дипломатия Пекина обуславливает различные реакции не только относительно лидеров КНР, но также и ее стратегических конкурентов. Страны, в которых осуществляется больший объем мероприятий финансовой дипломатии КНР, отличаются меньшим уровнем одобрения действий России, но более высоким уровнем одобрения действий США. Отрицательная связь в значительной мере обусловлена причинами интуитивного характера: если граждане стран ЦЮА рассматривают финансирование Россией и КНР как взаимозаменяемые источники, то наличие поддержки со стороны КНР исключает необходимость помощи от России и снижает уровень одобрения действий лидеров России.

Положительная связь между финансовой дипломатией КНР и уровнем одобрения действий США имеет более сложный характер. Больший объем мероприятий финансовой дипломатии КНР, возможно, повышает информированность общественности стран ЦЮА относительно различия пакетов помощи, предлагаемых Пекином и Вашингтоном, так что инициативы США становятся более привлекательными. Например, в 2020 г. в результате опроса представителей политической элиты Custer и др., (2021 г.) установили, что лидеры стран предпочитают проекты с более щедрым финансированием и полным раскрытием условий кредитования. Эти особенности характерны для проектов развития, поддерживаемых США, в отличие от проектов КНР. Усиление конкуренции может сопровождаться дополнительным тщательным контролем проектов: типовые характеристики проектов, осуществляемых в рамках мероприятий финансовой дипломатии КНР, такие как использование китайской рабочей силы, менее

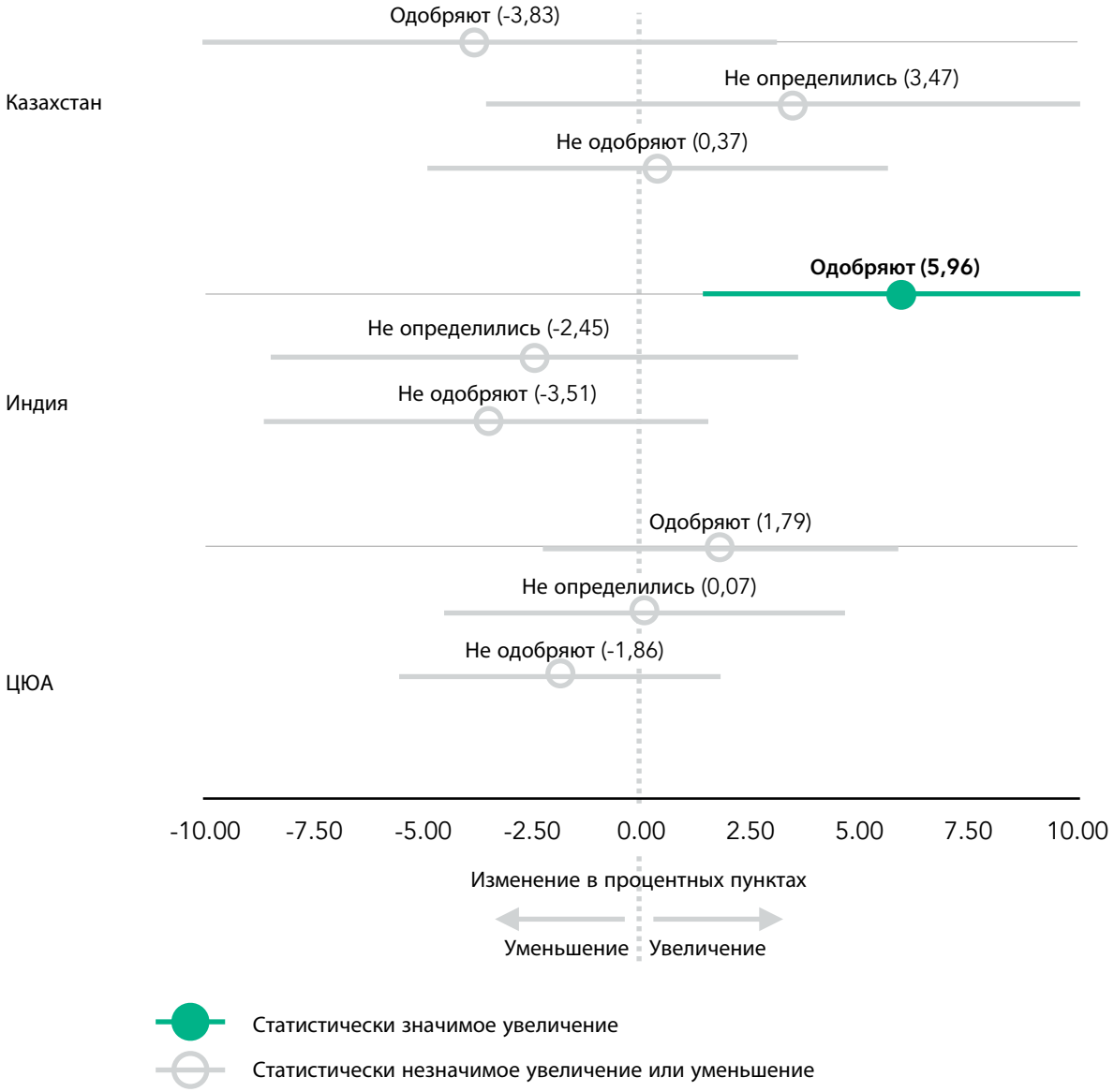
щедрые и более непрозрачные условия кредитования наряду с более слабыми мерами защиты населения и окружающей среды могут ухудшить общественное мнение после начала реализации проектов (Blair и др., 2019 г.).[88]

Визиты на высоком уровне председателя Китая Си Цзиньпина и его предшественника Ху Цзиньтао в другие страны часто представляли собой события, широко освещаемые как в СМИ Китая, так и в местных СМИ стран ЦЮА, поскольку они часто совпадали с новыми проектами экономической помощи, программами обмена между гражданами этих стран или другими формами двустороннего сотрудничества. В сравнении с этим, другие визиты представителей элиты, например, визиты лидеров стран ЦЮА или рабочие встречи официальных лиц не привлекают такого внимания и не сопровождаются такой же шумихой для привлечения внимания общественности. Более того, если рассмотреть конкретные параметры визитов, то, возможно, восприятие будет различаться в зависимости от страны и совершающего визит лица. На основе данных и моделей, представленных в работе Goldsmith и др. (2021 г.), мы более тщательно рассмотрели динамику этого процесса, используя время визитов высокого уровня и даты интервьюирования участников опроса GWP с целью определения, улучшают ли такие визиты представителей элиты восприятие КНР. В частности, мы исследовали, существует ли различие уровней одобрения гражданами стран ЦЮА, опрошенными в течение 5-дневного периода до визита высокого уровня представителей КНР (контрольная группа), в сравнении с гражданами, опрошенными в течение 5-дневного периода после визита (исследуемая группа).[89]

Хотя Goldsmith и др. (2021 г.) первоначально установили, что визиты высокого уровня, в общем, положительно влияют на общественное мнение (повышая уровень одобрения, снижая уровень неодобрения), полученные нами результаты являются более детализированными. Мы определили, что возможность повышения уровня положительного восприятия КНР в результате визитов представителей элиты, похоже, имеет ситуационный характер и определяется конкретной комбинацией посещающего лица и принимающей страны. Из 1761 визитов представителей элиты, проведенных лидерами КНР и стран ЦЮА в течение периода с 2000 по 2017 гг. (Custer и др., 2019 г.), только четыре визита соответствуют критериям, установленным Goldsmith и др. для исходящего визита «высокого уровня» в страну ЦЮА, выполняемого главой правительства, и попадают в 5-дневный интервал с момента проведения опроса GWP в стране: визит председателя Китая Си Цзиньпина в Индию в 2014 г., два визита председателя Китая Ху Цзиньтао в Казахстан в 2010 и 2011 гг. и один визит председателя Китая Си Цзиньпина в Казахстан в 2017 г. В среднем, эти визиты высокого уровня лидеров КНР, возможно, привели к повышению уровня одобрения и снижению уровня неодобрения действий лидеров КНР гражданами стран ЦЮА, но эти изменения не были статистически значимыми.

Однако такое обобщенное представление, похоже, маскирует отличающиеся результаты в двух странах. Единственный визит Си Цзиньпина в Индию в 2014 г. вызвал повышение уровня одобрения действий лидеров КНР почти на 6 процентных пунктов (статистически значимый результат), как показано на графике 18. Хотя результаты, полученные для Казахстана, не преодолели порог статистической значимости, они указывают на возможность того, что граждане Казахстана в большей мере придерживались нейтрального или неодобрительного отношения после визитов представителей КНР высокого уровня, чем ранее. В некоторых отношениях результаты соответствуют типовому представлению о формировании отношения, состоящему в том, что более близкое ознакомление с вопросом может привести к усилению существующего восприятия или мнения как положительного, так и отрицательного (Hernández и др., 2021 г.; Weaver, 1991 г.).[90] Однако возрастающая доля респондентов, выбирающих вариант «Не определились», указывает на отсутствие интуитивного фактора, подразумевая, что визиты вызывают у граждан страны неуверенность, возможно, провоцируя смешанные чувства или противоречивое отношение, так что лица, имевшие до визита сформированное так или иначе мнение, начинают колебаться.

График 18. Связь между визитами лидеров высокого уровня КНР и степенью одобрения гражданами стран ЦЮА



Источники: Custer и др. (2019) - данные о визитах, Gallup World Poll (2006–2020) - данные об уровнях одобрения, воспроизведение методов - Goldsmith и др. (2021).

5.3

Как элита стран ЦЮА относится к Китаю и его стратегическим конкурентам?

В предыдущих разделах мы сосредоточили свое внимание на восприятии общественностью, однако существуют обоснованные причины полагать, что граждане и элита страны могут по-разному относиться к иностранным державам. Эти две категории часто имеют различные цели и стимулы, а также подвергаются влиянию различий в доступе к информации и осведомленности об иностранных партнерах.[91] Более того, если речь идет о способности Пекина трансформировать методы публичной дипломатии в реальное влияние на страны ЦЮА для продвижения своих национальных интересов, то мнение некоторых представителей страны, а именно лидеров в государственном и частном секторах, а также гражданском обществе, могут оказывать более существенное влияние.

Лаборатория AidData провела короткий онлайн-опрос представителей элиты стран ЦЮА, включая руководителей среднего и высшего уровня, в рамках систематической выборочной совокупности государственных органов, университетов и научно-исследовательских центров, неправительственных организаций и объединений гражданского общества. Дополнительная информация о выборочной совокупности, проведении опроса и профиле респондентов представлена в методическом приложении. Участники опроса в составе 159 респондентов ответили на ряд вопросов, касающихся их общего восприятия КНР, России, Индии и США, а также их восприятия комплекса мероприятий публичной дипломатии, проводимых этими иностранными государствами.[92] В этом разделе мы обобщили информацию относительно инициатив в сфере публичной дипломатии КНР, США, Индии и России, полученную в результате указанного экспресс-опроса представителей элиты стран ЦЮА.

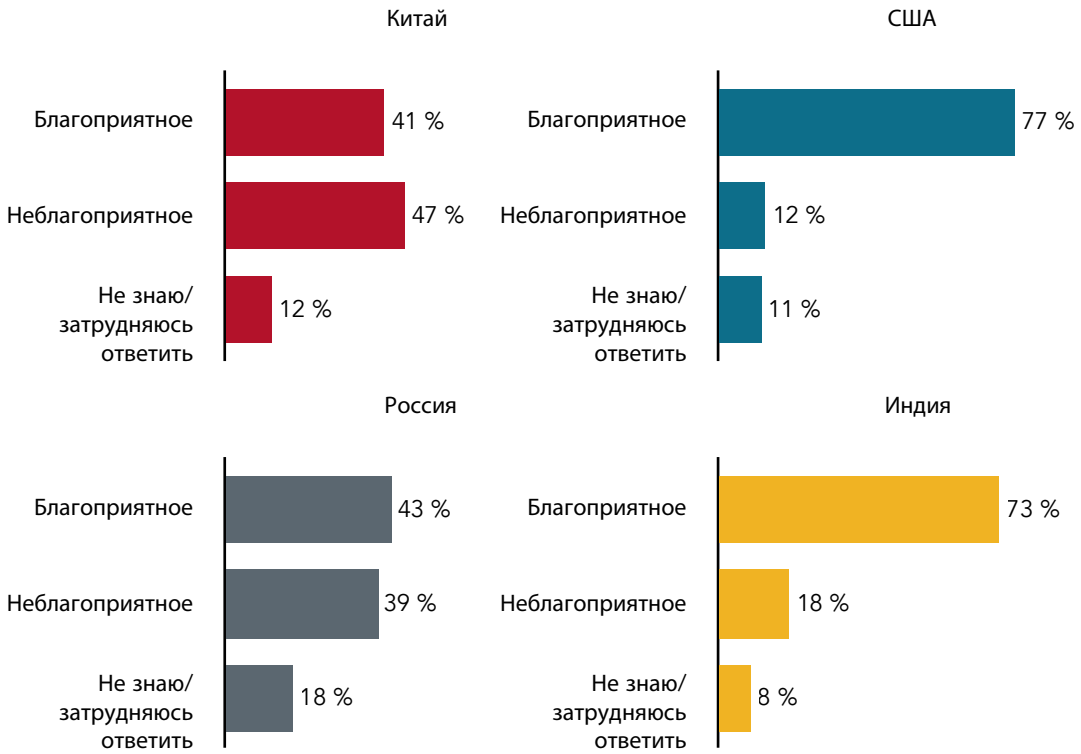
Следует отметить, что проведение опроса началось в июне-июле 2021 г. во время периода растущей нестабильности в Афганистане, когда «Талибан» устанавливал контроль на все более расширяющейся территории в июле, но завершилось до захвата Кабула и установления полного контроля «Талибана» по всей территории страны в середине августа. Соответственно, результаты экспресс-опроса следует интерпретировать с учетом следующих двух оговорок. Во-первых, весьма вероятно, что последствия вывода войск США из Афганистана и последующий приход к власти контролируемого «Талибаном» правительства в августе оказали бы влияние на восприятие как США, так и других иностранных держав в регионе, если бы опрос проводился позднее. Во-вторых, возможно также, что освещение в СМИ запланированного вывода войск США и растущая нестабильность в Афганистане начали влиять на отношение элиты еще до августа 2021 г. Тем не менее, результаты опроса представляют некий базовый уровень отношения, который стоит отслеживать через различные интервалы времени для понимания, смещается ли или усиливается восприятие США и других иностранных держав.

Вывод № 14. В целом, граждане стран ЦЮА более благожелательно относятся к России и КНР, а их лидеры — к Индии и США.

Опрошенные представители элиты стран ЦЮА, похоже, менее благожелательно относятся к КНР и России, чем к США и Индии. 46 % респондентов указали, что имеют частично неблагоприятное или очень неблагоприятное восприятие Китая в сравнении с 39 % в отношении России (см. график 19).[93] В некоторой степени такие результаты не являются неожиданными. В Центральной Азии КНР необходимо преодолеть исторически сложившиеся антикитайские настроения (Jardine, 2019 г.), ограниченность культурных и языковых связей (Peyrouse, 2016 г.) и влияние кампаний в социальных сетях, которые проводятся «антикитайскими националистическими группами» (Custer и др., 2019 г.).[94] В Южной Азии КНР приходится преодолевать влияние имеющей сильные позиции Индии, являющейся региональной ведущей державой, и настороженность элиты, стремящейся избежать провоцирования Нью-Дели чрезмерным сближением с Пекином. Вместе с тем элита стран Центральной Азии стремится вывести свои страны из сферы влияния Кремля (Shlapentokh, 2021 г.), и Mostafa и Mahmood (2018 г.) объясняют неудачные результаты деятельности Евразийского экономического союза недоверием между государствами-членами, включая Казахстан и Кыргызстан.

Респонденты проявили более высокий, чем ожидалось, уровень благоприятного восприятия (73 %) относительно Индии, учитывая возрастающую обеспокоенность элиты стран Южной Азии в связи со статусом Индии как ведущей региональной державы. Custer и др., (2019 г.) ранее установили, что озабоченность по поводу вмешательства Индии во внутреннюю политику стран была одной из наиболее часто высказываемых респондентами из стран Южной Азии причин заинтересованности в установлении более тесных связей с КНР в противовес Индии.[95] Возможно, несмотря на настороженность, вызванную геостратегическими амбициями Нью-Дели, КНР будет сложно нарушить долговременные культурные и языковые связи, все еще существующие между элитой стран Южной Азии и Индией (Paradise, 2017 г.). У США был наиболее высокий уровень благоприятного восприятия: 77 % представителей элиты, участвовавших в опросе, положительно относились к США. Это неожиданный результат, учитывая повышение конкуренции между США и КНР, выраженное соответствующей риторикой; однако, возможно, постоянное недоверие между Россией и КНР, обусловленное историческими или культурными причинами, привело к относительному усилению позиции США как альтернативного партнера.

График 19. Восприятие элитой стран ЦЮА КНР в сравнении с ее стратегическими конкурентами, 2021 г.



Источник: AidData 2021 Listening to Leaders Public Diplomacy Snap Poll of SCA Elites (экспресс-опрос о публичной дипломатии, проведенный лабораторией AidData среди представителей элиты стран ЦЮА).

В какой мере восприятие элитой иностранных держав совпадает с восприятием населения стран ЦЮА или отличается он него? Важно отметить, что показатели благоприятного восприятия для этих категорий респондентов различаются: в то время как граждане оценивали степень одобрения действий лидеров иностранной державы, представители элиты отвечали на более общий вопрос, касающийся их отношения к другой стране. Тем не менее, оба ответа предоставляют информацию о позиции великих держав, конкурирующих за влияние на общественность и лидеров других стран. Если сравнить результаты экспресс-опроса, проведенного AidData в 2021 г., с последними доступными данными опроса GWP, оказывается, что отношение граждан и лидеров стран значительно различается. Одобрение гражданами действий иностранных держав в среднем по региону было противоположным показателям для лидеров: на первом месте была Россия (42 %), затем КНР (38 %) и на последнем месте США (34 %). Другими словами, граждане стран ЦЮА были более благожелательно настроены в отношении России, чем их лидеры, а для США справедливо противоположное утверждение.[96]

Вывод № 15. Экономические возможности определяют точку зрения лидеров в отношении КНР и США, и это подразумевает необходимость увеличения объема мероприятий финансовой дипломатии и связей между людьми для укрепления позиций в будущем.

Это приводит к возникновению вопроса: если позиция лидеров не совпадает с предпочтением граждан, что еще может влиять на их отношение к иностранным державам? Если респондент указывал «частично» или «очень» благоприятное восприятие иностранной державы, то ему (ей) задавали следующий вопрос относительно причины такого отношения и давали возможность выбора из ряда предварительно подготовленных причин с дополнительной возможностью изложения ответа в письменной форме.[97] Что касается взаимодействия с США и КНР в целом такое отношение обуславливалось экономическими связями (см. график 20), а в случае России и Индии более частые ответы касались общественных связей, таких как схожесть языка и культуры, а также исторически сложившиеся связи и постколониальные отношения.

Более 85 % респондентов указали, что США и КНР предоставляли хорошие экономические возможности и привлекательные модели развития для их стран. Это подразумевает, что элита стран ЦЮА не только заинтересована в получении непосредственных выгод, обусловленных экономическими связями (торговля, помощь или инвестиции), но также ценит взаимодействие со странами, экономическим моделям которых она отдает предпочтение, позволяющее ознакомиться с этими моделями и воспроизвести их внутри страны. Элита стран ЦЮА также обращает особое внимание на то, каким образом иностранные державы взаимодействуют с ней, указывая справедливость, прозрачность и равноправное партнерство как вторую важнейшую причину благоприятного восприятия США и КНР. Для Вашингтона и Пекина это означает, что их способность снискать благоприятное восприятие среди элиты стран ЦЮА в значительной степени определяется возможностями углубления экономических связей и демонстрации справедливого взаимодействия с партнерами, при этом общественные и социальные связи в основном служат в качестве катализаторов и факторов усиления этих предпочтительных направлений.

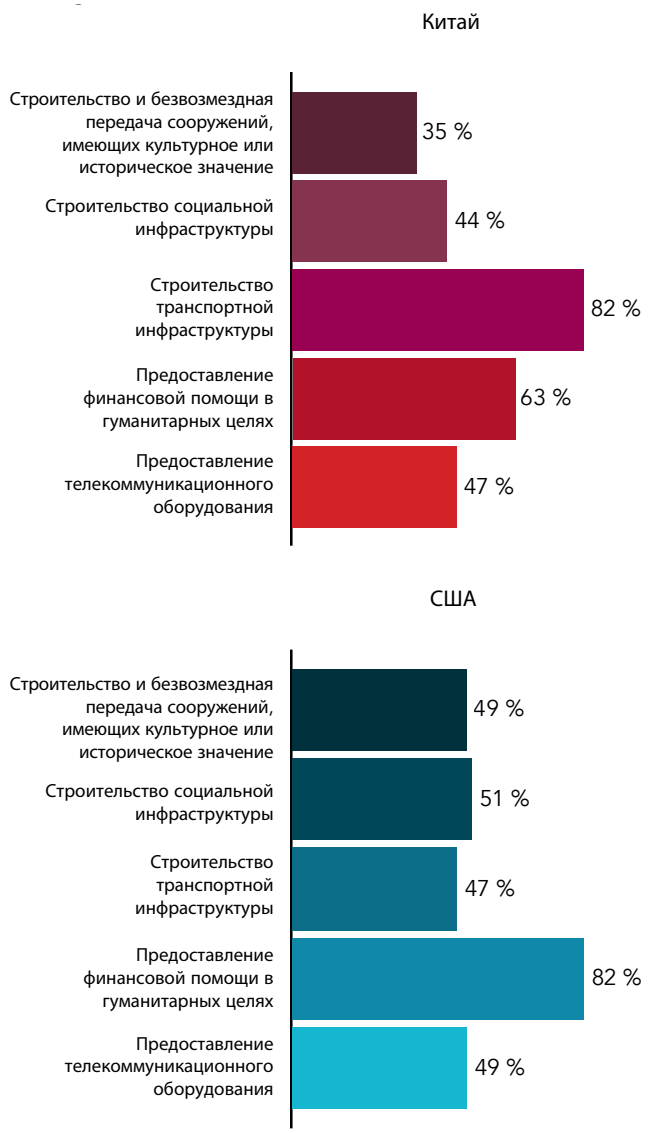
График 20. Причины благоприятного восприятия элитой США и КНР, 2021 г.

Источник: AidData 2021 Listening to Leaders Public Diplomacy Snap Poll of SCA Elites (экспресс-опрос о публичной дипломатии, проведенный лабораторией AidData среди представителей элиты стран ЦЮА).

В ответ на уточняющий вопрос 82 % представителей элиты стран ЦЮА, принявших участие в опросе, указали, что они чаще всего рассматривают США как страну, оказывающую гуманитарную помощь, а КНР — как страну, осуществляющую строительство транспортной инфраструктуры в их странах.[98] Это соответствует концентрации КНР на инфраструктурных инвестициях, как основного элемента финансовой дипломатии (глава 2), и традиционной позиции США среди трех крупнейших поставщиков гуманитарной помощи (Development Initiatives, 2020 г.). Тем не менее, хотя эти ответы в целом отражают реальную ситуацию, они представляют в некоторой степени искаженную картину концепций экономической помощи КНР и США в СМИ и публичном дискурсе, что ведет к определенным последствиям для обоих иностранных держав.

С одной стороны, Пекин может продолжать пользоваться преимуществами непосредственного участия в создании инфраструктуры, поскольку лидеры стран предпочитали такие проекты (+6 процентных пунктов) по сравнению с другими формами помощи по проектам развития согласно результатам международного опроса, охватившего 141 страну, в том числе страны ЦЮА (Custer и др., 2021 г.). С другой стороны, инфраструктурные проекты КНР, хорошо известные общественности, во многих странах ЦЮА вызывали оживленные дискуссии по многим причинам — от увеличения задолженности и переселения местных сообществ до негативных побочных эффектов для экологии, а также использования китайской рабочей силы и поставщиков (Custer и др., 2019 г.). Восприятие США как страны, концентрирующейся на гуманитарной помощи, не вызывает такой же степени критического рассмотрения и негативного отношения; однако оно связано с повышенным риском кажущегося несоответствия приоритетам элиты стран ЦЮА, которая во все большей мере рассматривает развитие на основе инфраструктурных проектов как фактор экономического роста (из этого же источника).

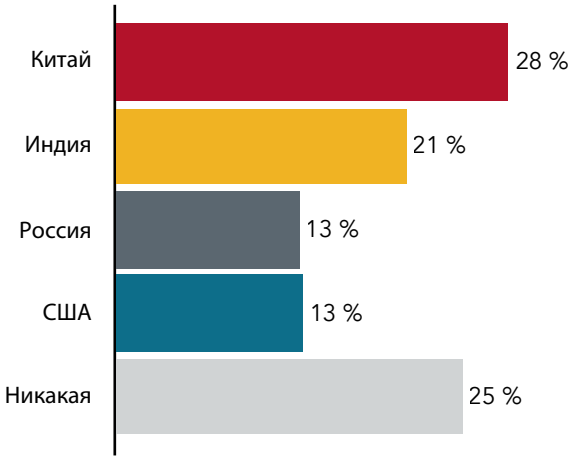
График 21. Деятельность, которую элита связывает с иностранными державами в своей стране, 2021 г.



Источник: AidData 2021 Listening to Leaders Public Diplomacy Snap Poll of SCA Elites (экспресс-опрос о публичной дипломатии, проведенный лабораторией AidData среди представителей элиты стран ЦЮА).

Вспышка пандемии COVID-19 стала внешним потрясением для международной системы, которое может оказать серьезное влияние на двусторонние отношения, создавая как возможности, так и ограничения для практического осуществления публичной дипломатии. Учитывая это, мы спросили участников опроса, какая из четырех иностранных держав наиболее эффективно адаптировала свои действия в сфере публичной дипломатии с учетом пандемии COVID-19.[99] Примечательно, что КНР, в общем, имеет наиболее низкую оценку с точки зрения благоприятного восприятия, но чаще всего указывается (28 %) как иностранная держава, наиболее эффективно адаптировавшая мероприятия публичной дипломатии с учетом кризиса, обусловленного COVID-19 (график 22). Для сравнения, элита стран ЦЮА не считает, что США, Россия и Индия успешно адаптировали меры публичной дипломатии в ответ на пандемию.

График 22. Какая иностранная держава, по мнению элиты, наиболее эффективно адаптировала свои мероприятия в сфере публичной дипломатии с учетом пандемии COVID-19?



Источник: AidData 2021 Listening to Leaders Public Diplomacy Snap Poll of SCA Elites (экспресс-опрос о публичной дипломатии, проведенный лабораторией AidData среди представителей элиты стран ЦЮА).

Очевидно, что Пекин одновременно использовал различные методы — безвозмездную передачу вакцин и медицинского оборудования, предоставление бригад медицинского персонала наряду с использованием традиционного вещания и социальных сетей — чтобы позиционировать себя как незаменимого партнера, уменьшить критику относительно методов прекращения пандемии внутри страны, в то же время, подвергая сомнению мотивы и правильность действий стратегических конкурентов, таких как США (Fuchs и др., 2020 г.; Müller и др., 2021 г.; Watts, 2020 г.). Данная способность к адаптивному обучению показывает, что в надлежащих условиях Пекин в будущем может улучшить свою позицию среди элиты стран ЦЮА. В отличие от этого, тот факт, что США по состоянию на июнь 2020 г. (Development Initiatives, 2020 г.) были крупнейшим мировым поставщиком безвозмездной помощи в рамках реагирования на пандемию COVID-19, не способствовал устранению негативного мнения относительно того, что США неадекватно реагировали на кризис внутри страны и за рубежом (Wike и др., 2020 г.; Ameyaw-Brobbey, 2021 г.).

В условиях «критического момента» борьбы КНР и США за лидерство в рамках постковидного международного порядка (Ameyaw-Brobbey, 2021 г.; Campbell и Doshi, 2020 г.) респонденты выражали свое мнение о том, что эти две иностранные державы могут сделать, чтобы улучшить свою позицию в странах ЦЮА

График 23. Области, на которых элита рекомендует сосредоточиться США и КНР, чтобы повысить степень благоприятного восприятия

Источник: AidData 2021 Listening to Leaders Public Diplomacy Snap Poll of SCA Elites (экспресс-опрос о публичной дипломатии, проведенный лабораторией AidData среди представителей элиты стран ЦЮА).

в течение следующих четырех лет.[100] Участвующие в опросе представители элиты стран ЦЮА высказали аналогичное мнение в отношении обеих стран: следует уделять больше внимания финансовой помощи, но также заниматься связями между людьми (график 23). 71 % респондентов отметили, что финансовая помощь должна быть наивысшим приоритетом для США, после чего следует содействие связям между людьми (62 %), например, реализация программ обмена и предоставление возможностей обучения за рубежом. Что касается КНР, респонденты порекомендовали, прежде всего, содействовать укреплению связей между людьми (52 %), однако эта позиция лишь немного превышала финансовую помощь (49 %). Это подтверждает сделанный при проведении данного исследования вывод относительно того, что экономические и общественные связи совместно способствуют благоприятному отношению элиты и общественности стран ЦЮА.

В этой главе мы проанализировали, какую информацию может предоставить общенациональный репрезентативный опрос граждан о восприятии КНР с течением времени в абсолютных показателях, а также в сравнении с тремя стратегическими конкурентами КНР в этом регионе: Индией, Россией и США. С использованием ряда статистических моделей мы определили, могут ли методы публичной дипломатии способствовать улучшению восприятия КНР общественностью стран ЦЮА и каким образом этого можно достигнуть. Наконец, мы использовали результаты экспресс-опроса, проведенного лабораторией AidData среди представителей элиты стран ЦЮА в 2021 г., для оценки степени совпадения или расхождения точки зрения элиты и мнения общественности, а также определения того, как они оценивают деятельность в сфере публичной дипломатии, осуществляемую четырьмя великими державами в этом регионе. В следующей главе мы рассмотрим выводы, которые можно сделать по результатам этого исследования для стран ЦЮА, КНР и ее стратегических конкурентов в период усиления конкуренции за региональное и международное влияние.

[72] Мальдивы исключены из рассмотрения вследствие отсутствия данных.

[73] Этот метод кластерного анализа аналогичен методу, использованному в главе 2 для распределения мероприятий публичной дипломатии Китая по трем категориям.

[74] Давайте вспомним, что в главе 2 мы распределили стратегии публичной дипломатии КНР на субнациональном уровне по трем группам стран: стратегия «уклонения», когда объем мероприятий публичной дипломатии Китая очень незначительный; стратегия «извлечения» для стран, имеющих ценные природные ресурсы и расположенных вблизи стратегических транспортных маршрутов; и стратегия «побуждения» для стран, предоставляющих Китаю экономические возможности, такие как маршруты транспортировки, но имеющих ограниченные запасы нефти и природного газа.

[75] Хотя США и КНР выражали заинтересованность в строительстве альтернативных трубопроводов в направлении Европы, на текущий момент для стран Центральной Азии не существует другого варианта, кроме трубопроводов, эксплуатируемых «Газпромом».

[76] После распада Советского Союза в 1991 г. значительное число этнических русских осталось в Центральной Азии. Это население было исключительно важным для реализации стратегии влияния, осуществляемой президентом России Владимиром Путиным, однако его численность постоянно сокращается (Goble, 2016 г.). Тем не менее, согласно информации базы данных Ethnic Power Relations (Vogt и др., 2015 г.) во всех странах Центральной Азии в 2021 г. русское или русскоговорящее население указывается как политически значимая этническая группа.

[77] В среднем, в течение периода с 2006 по 2020 гг. США отставали от уровней одобрения действий России на 53 процентных пункта, а КНР — на 45 процентных пунктов.

[78] По состоянию на 2020 г. КНР и США отставали от уровня одобрения действий России в Казахстане на 18 и 22 процентных пункта, соответственно. В Туркменистане в 2019 г. КНР отставала на 7 процентных пунктов от уровня одобрения действий России (76 % в сравнении с 83 %), а отставание США от Кремля (62 %) составило 21 процентный пункт.

[79] Эти страны, в которых реализуется стратегия «побуждения», имеют намного меньшие запасы природных ресурсов, в частности нефти и газа, по сравнению со странами Центральной Азии.

[80] В среднем, 41 % граждан Шри-Ланки и Бангладеш и 55 % граждан Афганистана одобряли действия лидеров Индии. Однако в течение последних лет в Шри-Ланке позиция Индии ослабла. Вопросы, касающиеся Индии, редко включались во всемирные опросы Gallup World Poll, проводившиеся в странах Центральной Азии, и даже в данных по Южной Азии отсутствует такая информация по нескольким годам.

[81] В среднем, примерно одна треть респондентов одобряли действия США и КНР в течение указанного периода, в сравнении с одной четвертью в отношении России. Особенно мрачная картина для всех иностранных держав наблюдается в Афганистане в течение периода с 2017 г. по 2019 г. (последний год, по которому имеются данные), с относительно резким падением уровней одобрения действий КНР и США. В Бангладеш уровень одобрения действий США в течение сравнительно значительного периода превышал одну треть, но не достигал половины респондентов.

[82] Выделение КНР средств на строительство порта Хамбантота в Шри-Ланке часто упоминается в СМИ как предостережение относительно «долговой дипломатии» Пекина (Hurley и др., 2018 г.; Abi-Habib, 2018 г.; Safi и Perera, 2018 г.). Вместе с тем некоторые исследования показали, что причиной конфискации порта являлось скорее общее долговое бремя Шри-Ланки, а не неспособность правительства выплатить долг КНР (Weerakoon и Jayasuriya, 2019 г.; Brautigam, 2019 г.). Как указали Custer и др. (2019 г.), возможно, готовность Пекина предоставить Шри-Ланке возможность «проведения повторных переговоров и рефинансирования части долга в период с 2016 по 2018 гг. и далее в 2019 г.» способствовала снижению «обеспокоенности общественности».

[83] За исключением данных, соответствующих годам, по которым информация отсутствует. В период между 2006 и 2020 гг. КНР потеряла позиции в Кыргызстане (-13 процентных пунктов), Казахстане (-15 процентных пунктов) и Узбекистане (-11 процентных пунктов). Относительно неизменным оставался уровень одобрения в Пакистане (+5 процентных пунктов), Непале (+5 процентных пунктов), Индии (-4 процентных пункта) и Бангладеш (-2 процентных пункта).

[84] Custer и др. (2019 г.) использовали комбинированное значение, охватывающее несколько показателей, в отношении информационной дипломатии: (1) интервью, статьи и пресс-конференции лидеров КНР; (2) статьи послов КНР; и (3) ежегодные визиты журналистов из стран ЦЮА в КНР.

[85] Далее, Custer и др. (2019 г.) указывают, что такая динамика частично может быть отражением осведомленности общественности об этих важных проектах, осуществляемых в рамках финансовой дипломатии, которые могут «служить как в качестве показателя положительной деятельности Китая, так и в качестве предостережения в отношении расточительного расходования денежных средств».

[86] Мы также воспроизвели пробит-регрессии, которые были рассчитаны в работе Custer и др. (2019 г.), но исключили фиксированные эффекты, соответствующие странам, и провели анализ с использованием двух отдельных групп стран. Группа 1 включала страны, в которых применялась стратегия «извлечения»: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Пакистан и Непал. Группа 2 включала страны, где использовалась стратегия «побуждения»: Индию, Бангладеш и Шри-Ланку. Для ознакомления с более подробными данными см. методическое приложение.

[87] В исходном варианте анализа, проведенном Custer и др. (2019 г.), были рассмотрены визиты представителей элиты в более широком контексте. В дополнение к визитам высокопоставленных руководителей из Китая в страны ЦЮА анализом были также охвачены визиты расширенной группы лидеров национального и провинциального уровня из Китая в страны ЦЮА (исходящие), из стран ЦЮА в Китай (входящие), визиты и встречи, которые проводились на территории третьих сторон, такие как встречи в кулуарах саммитов, а также встречи между лидерами более чем двух стран ЦЮА в любом месте. Кроме того, исходный вариант анализа охватывал: визиты политиков стран ЦЮА в Китай в качестве представителей политических партий, а не назначенных политических деятелей (входящие) и визиты политиков Китая в страны ЦЮА в качестве непосредственных представителей Коммунистической партии Китая, а не назначенных политических деятелей (исходящие). Были также включены прочие визиты государственных деятелей: участие широкого круга официальных лиц Китая в саммитах, круглых столах, конференциях, программах межправительственного диалога, церемониях закладки первого камня, проводимых странами ЦЮА (исходящие) или Китаем (входящие) с целью поддержания хороших отношений между двумя правительствами. Эта категория охватывает встречи, которые проводятся на территории третьих сторон. Обычно отдельные лица не упоминаются, если встречи не проводятся с конкретной целью (например, гендерное равенство, сотрудничество в сфере образования, туризм, культурный обмен и т. д.).

[88] Blair и др. (2019 г.) установили, что такая ситуация справедлива для Африки, где китайская помощь приводит к снижению поддержки Китая бенефициарами с одновременным повышением поддержки США и других стран Запада.

[89] Этот метод позволяет нам выйти за пределы оценки корреляции для определения возможных причинно-следственных связей. Другими словами, мы определяем не только, были ли визиты представителей элиты КНР связаны с более благоприятным восприятием, но также, вызвали ли эти визиты такие изменения благоприятного восприятия.

[90] В частности, можно обратиться к литературе по эмоциональной поляризации и актуальности предмета дискуссии с точки зрения общественности, которая предполагает, что более близкое ознакомление с вопросом усиливает чувства и активизирует мнения в негативном или позитивном направлении (Hernández и др., 2021 г.; Weaver, 1991 г.).

[91] Например, эксперты утверждают, что несоответствие приоритетов граждан, элиты и иностранных партнеров является препятствием для сотрудничества с целью преодоления сложных проблем развития (Banuri и др., 2017 г.; Booth, 2012 г.).

[92] Летом 2021 г. 6024 представителям элиты стран ЦЮА были направлены по электронной почте приглашения участвовать в экспресс-опросе. Некоторые приглашения, отправленные по электронной почте, не дошли до получателей, поскольку адреса электронной почты больше не функционировали или в связи с настройками безопасности, которые заблокировали электронные письма, предположительно являющиеся спамом. Из указанного числа 159 лидеров ответили на опрос, что составило 3 % от числа приглашенных участвовать. Следует отметить, что доля участия в случае индивидуальных опросов по электронной почте и опросов представителей элиты обычно ниже, чем соответствующая доля участия при опросе домохозяйств. Лаборатория AidData компенсирует потенциальный перекос результатов наших опросов тремя способами: (1) определением робастной выборочной совокупности участников, представляющих целевую группу населения; (2) сбором данных для контроля демографических характеристик лиц, получивших приглашение, в сравнении с теми, кто принял участие в опросе, для оценки репрезентативности; и (3) использованием при расчете на основе результатов опроса агрегированных статистических данных (например, среднего арифметического значения) весовых коэффициентов для учета лиц, не ответивших на приглашение участвовать в опросе. Для ознакомления с дополнительными данными по разработке выборочной совокупности и процедурам определения весовых коэффициентов для проведения анализа см. методическое приложение.

[93] Участникам опроса задали вопрос: «Каково ваше общее восприятие следующих стран?». Респонденты могли выбрать один из следующих ответов по 4-бальной шкале: 0 — очень неблагоприятное, 1 — частично неблагоприятное, 2 — частично благоприятное, 3 — очень благоприятное, не знаю/затрудняюсь ответить.

[94] Например, Custer и др. (2019 г.) рассмотрели один из таких примеров в контексте протестов против поправок в закон о земле в 2016 г.

[95] Custer и др. (2019 г.) провели опрос 152 представителей элиты в четырех странах Южной Азии: Бангладеш, Мальдивы, Непал и Шри-Ланке.

[96] Для этой оценки использованы средние значения по региону доли граждан каждой страны, которые указали, что одобряют действия лидеров иностранной державы, определенные на основании последних доступных данных, полученных в 2020 или 2019 гг. Таджикистан был исключен из процесса анализа вследствие отсутствия данных по этим двум годам. Следует также отметить, что некоторые элементы такой динамики могут быть обусловлены Афганистаном, который был представлен в данном опросе наибольшим числом участников, где исторически сложилось так, что элита имела более сильные связи со США, чем общественность. Тем не менее, были использованы весовые коэффициенты для учета отсутствия ответов, чтобы исключить возможность потенциального перекоса или смещения результатов.

[97] Если респондент указывал, что имеет частично или очень благоприятное восприятие конкретной иностранной державы, то ему задавали уточняющий вопрос: «В общем, что способствует благоприятному восприятию [иностранной державы] в [вашей стране]?». Респонденты могли выбрать из следующего списка до трех вариантов ответа: общий язык и (или) схожесть культур с [вашей страной], общее колониальное прошлое и (или) исторически сложившиеся связи с [вашей страной], демонстрация привлекательной модели развития, предоставление существенных экономических возможностей для [вашей страны], взаимодействие с [вашей страной] как с равноправным партнером, справедливое и прозрачное взаимодействие с [вашей страной], обеспечение региональной безопасности, другое (указать). Представляя результаты, мы распределили эти данные по пяти категориям: экономика, культура и история, справедливое взаимодействие, региональная безопасность и прочее.

[98] Респонденты отвечали на следующий вопрос: «Вы сказали, что [иностранная держава] предоставляет финансовую помощь [в стране]. О каких из следующих видов помощи, по вашему мнению, в наибольшей степени осведомлены граждане?». (Укажите все подходящие варианты): строительство транспортной инфраструктуры (например, порты, шоссейные дороги), строительство социальной инфраструктуры (например, больницы и школы), предоставление финансовой помощи в гуманитарных целях (например, реагирование на чрезвычайные ситуации и стихийные бедствия, а также восстановление), строительство и безвозмездная передача сооружений, имеющих культурное или историческое значение (например, правительственное здание, храм), предоставление телекоммуникационного оборудования для целей безопасности и развития, прочее (укажите).

[99] В частности, участникам опроса задавали следующий вопрос: «По состоянию на 2020 г., какая из следующих стран наиболее эффективно адаптировала свои мероприятия в сфере публичной дипломатии с учетом пандемии COVID-19?». Респонденты могли выбрать ответ из следующих вариантов: Индия, Россия, Китай, США или «ни одна из этих стран эффективно не адаптировала свои мероприятия в сфере публичной дипломатии».

[100] Респондентам задавали следующий вопрос: «На каких областях публичной дипломатии следует сосредоточиться [иностранной державе] в течение следующих четырех лет, чтобы достигнуть более благоприятного восприятия гражданами и элитой [страны]?». Респонденты могли выбрать следующие варианты ответа: продвижение культуры и языка; укрепление связей с общественностью (например, обмен студентами, стипендии); укрепление связей между элитами (например, визиты государственных официальных лиц и военных); взаимодействие с традиционными и электронными СМИ (например, обмены журналистами, интервью для СМИ в [стране]); предоставление финансовой помощи с использованием грантов и кредитов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Заключение

Стремление Пекина к первенству в Центральной и Южной Азии зачастую вызывает оживленную полемику вместо профессионального рассмотрения вопроса о том, каким образом КНР оказывает влияние, на какие страны и с какими целями. Тактика оказания влияния КНР в целом очевидна, но ее конкретные детали скрыты. Инфраструктурные проекты сопровождаются широкой информационной кампанией, однако условия финансирования окутаны тайной. Лидеры КНР связывают успешную реализацию инициативы «Один пояс, один путь» со снижением языковых, культурных и нормативных барьеров в отношениях со странами ЦЮА, но при этом отсутствует ясное понимание того, как это реализовать на практике. Все более тщательно изучается то, как КНР задействует социальные сети для распространения предпочтительных идей и критики конкурентов. Однако в большинстве аналитических исследований в центре внимания находятся определенные люди, кампании или методы, а не способность Пекина охватить целевую аудиторию в странах ЦЮА с помощью этих каналов.

Как указано в главе 1, проводя это исследование, мы стремились предоставить ответы на четыре важных вопроса, чтобы получить эту недостающую информацию. (i) Насколько далеко распространяется зона охвата публичной дипломатией Пекина за пределами незначительной части столичной элиты? (ii) В какой степени КНР координирует свои методы установления экономических, социальных и неформальных связей, чтобы обеспечить их взаимное усиление? (iii) Располагает ли КНР достаточными возможностями для адаптации своей публичной дипломатии в условиях внешних потрясений, таких как пандемия COVID-19? (iv) Как граждане стран ЦЮА относятся к КНР в сравнении с другими великими державами, и отличается ли это отношение от отношения их лидеров? С этой целью мы провели анализ усилий КНР по развитию экономических, социальных и неформальных связей с 13 странами ЦЮА в течение почти двух десятилетий.

В данном отчете мы рассмотрели, как с течением времени развивалась стратегия КНР в условиях потенциальных угроз, возможностей и относительной мощи региональных конкурентов. Мы провели оценку использования КНР экономической деятельности, осуществляемой государством, народной дипломатии и цифровой дипломатии; мы рассматривали их в совокупности, а не по отдельности, чтобы определить, почему их совокупный результат превышает сумму отдельных результатов. В попытке оценить, каким сообществам Пекин уделяет львиную долю внимания в рамках народной дипломатии, мы рассмотрели более глубинные факторы, чем просто государственные границы. Наконец, мы проанализировали степень преодоления КНР дилеммы преобразования, состоящей в преобразовании инвестиций в рамках публичной дипломатии в благоприятное восприятие лидерами и общественностью стран, рассматриваемое в качестве как текущей конечной цели, так и инструмента для достижения других целей.

Мы завершаем исследование в данной главе представлением трех общих выводов о применяемой Пекином тактике оказания влияния и возможных последствиях для стран ЦЮА, стратегических конкурентов КНР и для других регионов.

Вывод № 1. Способность Пекина согласовывать реализацию нескольких методов в сфере экономики и «мягкой силы» из арсенала его тактических подходов представляет собой относительное преимущество в его стремлении к региональному влиянию.

КНР, являющаяся второй крупнейшей экономикой мира и стремящаяся обогнать США по объему валового внутреннего продукта к 2030 г. (Winck and Kiersz, 2021 г.), представляет собой привлекательную возможность для стран Центральной и Южной Азии, чтобы застраховаться от потенциальных потерь и расширить круг своих партнеров с целью снижения влияния традиционных ведущих держав, таких как Индия и Россия. Учитывая сравнительное культурное расхождение со странами ЦЮА, имеющими более длительные общественные и исторически сложившиеся связи с Индией и Россией, привлекательность КНР в основном обусловлена предполагаемыми экономическими возможностями, касающимися масштабных инфраструктурных проектов (таких, как проекты в Пакистане и Казахстане) или менее значительных деловых возможностей, связанных с повышением дохода в таких отраслях, как туризм (в Непале).

Тем не менее, если рассмотреть тактику влияния КНР в течение последних двух десятилетий, то очевидно, что Пекин осознает симбиотическую взаимосвязь между экономическими, социальными и неформальными связями. Так, применяемые Пекином экономические инструменты и средства реализации принципа «мягкой силы», возможно, наиболее эффективны в плане оказания влияния на страны ЦЮА, когда применяются совместно. Лидеры КНР одновременно используют помощь в сфере образования, содействие распространению языка и культуры, а также стипендии, помимо иных стратегий, чтобы привлечь потенциальных студентов в высшие учебные заведения и предоставить им услуги по профессиональной подготовке. Эти совокупные действия дают возможность специалистам из стран ЦЮА ознакомиться с китайскими нормами, технологиями и системами таким образом, что это позволяет создать будущие рынки для товаров, услуг и капитала КНР. Масштабы и широкое освещение мероприятий финансовой дипломатии Пекина стимулируют страны ЦЮА к установлению с Китаем более тесных культурных и межличностных связей с обращением особого внимания на изучение мандаринского диалекта китайского языка, программы студенческих обменов и, в случае Пакистана, на установление контактов в социальных сетях.

Наиболее четким показателем успеха такой синхронной деятельности является реагирование КНР на пандемию COVID-19. В начале пандемии Пекин занимал оборонительную позицию, реагируя на критику принимаемых ним внутренних мер по прекращению пандемии. Однако Пекин быстро изменил ситуацию, используя несколько методов укрепления позиции КНР как незаменимого партнера посредством широко рекламируемого безвозмездного предоставления вакцин и медицинского оборудования, направления бригад медицинского персонала, а также использования традиционных СМИ и социальных сетей в качестве источников позитивной информации о Китае. Более того, Пекин позиционировал себя как организатора регионального сотрудничества с другими странами в порядке реагирования на текущую и будущие пандемии. Помимо этого, связанные с КНР СМИ в социальных сетях, подставные аккаунты и государственные СМИ

были привлечены к распространению критической информации о стратегических конкурентах, таких как США. Эта стратегия использования эффекта синергии между экономическими инструментами и средствами реализации принципа «мягкой силы» может служить объяснением причин, по которым лидеры стран ЦЮА отметили КНР как страну, более эффективно, чем ее конкуренты, адаптирующую публичную дипломатии к условиям пандемии COVID-19.

Вывод № 2. Осуществляемые Пекином в рамках публичной дипломатии мероприятия способствуют развитию узких, но глубоких «коридоров власти», при этом особое внимание уделяется небольшой группе стратегически важных для Китая сообществ.

Название данного отчета — «Коридоры власти» — обусловлено нашими наблюдениями относительно способа применения Пекином экономических инициатив и принципа «мягкой силы». Если на время забыть о государственных границах, то совершенно ясно, что КНР считает одни сообщества более стратегически важными для продвижения своих интересов, чем другие. Пекин направил 62 % (78 млрд. долл. США) средств в рамках финансовой дипломатии всего в 25 провинций, при этом 41 % средств был выделен всего 25 районам. Только трем крупнейшим получателям помощи в рамках финансовой дипломатии Пекина на субнациональном уровне — провинциям Синд и Пенджаб в Пакистане и Марыйскому велаяту в Туркменистане — в течение почти двух десятилетий было выделено больше средств, чем семи из 13 стран региона ЦЮА. Такая динамика прослеживается не только в экономике. Из 193 примеров взаимодействия между сообществами центрального и местного уровня или между сообществами местного уровня, выявленных нами в отношении 174 городов в странах ЦЮА, более половины (52 %) приходится всего на 16 приоритетных городов.

Почему в некоторых сообществах Пекин в большем объеме использует экономические инструменты и средства реализации принципа «мягкой силы», чем в других? Нами установлено, что КНР предпочитает направлять средства в рамках финансовой дипломатии в более густонаселенные районы и районы, на территории которых находятся трубопроводы для транспортировки природного газа и нефтеносные залежи. Вместе с тем на столицы и крупные города, имеющие важное политическое значение, обычно приходится больший объем мероприятий в рамках культурной дипломатии Пекина. Результатом является комплекс высококонцентрированных экономических и социальных связей, которые ориентированы на приоритетные города, такие как Бишкек в Кыргызстане (15 точек взаимодействия) и Катманду в Непале (11 точек взаимодействия), на которые приходится непропорционально большая доля мероприятий КНР в рамках установления побратимских отношений между городами, а в случае финансовой дипломатии — на приоритетные провинции в Пакистане и Туркменистане.

Такая четкая структура публичной дипломатии напоминает несколько признаков экономических коридоров, определенных Ali и др. (2021 г.). Пекин концентрирует свои экономические инструменты и средства реализации принципа «мягкой силы» в пределах сравнительно узкого географического пространства вблизи основных транспортных узлов. Он использует различные двусторонние инициативы с целью установления многосторонних связей (экономических, социальных, неформальных) с критически важными транзитными узлами. Более того, Пекин использует эти многогранные связи для демонстрации своей экономической мощи и «мягкой силы» таким образом, чтобы они способствовали достижению более широких целей в сфере экономики, безопасности и геополитики. На практике это означает, что Пекин концентрируется на сравнительно небольшом числе получателей в странах ЦЮА, на которых приходится значительный объем мероприятий в сфере публичной дипломатии. При этом Китай обеспечивает действенность этих инвестиций посредством выделения приоритетных сообществ, имеющих существенное экономическое и геостратегическое значение, которые, вероятнее всего, будут способствовать продвижению интересов КНР. Китайско-пакистанский экономический коридор, возможно, представляет собой наилучший пример таких многогранных взаимоотношений, в котором экономические, социальные и неформальные связи действуют в совокупности, взаимно усиливая друг друга.

Вывод № 3. Экономические возможности и установление межличностных связей могут сопутствовать друг другу, однако преобразование усилий публичной дипломатии в реальное усиление влияния в регионе дается Пекину совсем не легко.

Невзирая на широкое обсуждение дипломатии КНР в социальных сетях, ее охват на удивление ограничен, и возможности влияния на формирование идеологических установок и взаимодействие с желаемой целевой аудиторией в сети Twitter зависят от сравнительно небольшого числа посредников (чаще всего от политиков или журналистов в Южной Азии и служащих государственных органов в Центральной Азии). В целом, граждане стран ЦЮА более благожелательно относились к России и КНР, а их лидеры — к Индии и США. Хотя КНР отставала от других иностранных держав по уровню поддержки действий лидеров, Пекин получил более высокую оценку, чем его стратегические конкуренты в отношении адаптации публичной дипломатии к внешним потрясениям, в частности, к пандемии COVID-19.

Поскольку отношение общественности к иностранным державам может формироваться под действием произвольного числа переменных, мы провели более тщательный анализ, чтобы определить, связаны ли с отношением граждан два наиболее известных для общественности метода дипломатии — инвестиции в рамках финансовой дипломатии и визиты высокого уровня председателей КНР Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина, и, если связаны, то каким образом. Прогноз оказался неоднозначным. Финансовая дипломатия Пекина ассоциируется с более высоким уровнем одобрения действий КНР в странах, где реализуется стратегия «извлечения», но не в странах, где осуществляется стратегия «побуждения»[101]. Граждане стран, получавших большую долю государственных инвестиций Пекина, проявляли менее благожелательное отношение к России, при этом их восприятие США было более положительным. Анализ визитов высокого уровня, осуществляемых официальными лицами КНР, аналогичным образом привел к получению отличающихся результатов. Единственный визит Си Цзиньпина в Индию в 2014 г. вызвал повышение уровня одобрения действий лидеров КНР среди граждан Индии на

6 %, однако аналогичные визиты, возможно, вызвали ухудшение отношения или усилили ощущение неопределенности среди жителей Казахстана.

Экономические возможности определяют отношение лидеров стран ЦЮА к КНР и США, однако это отношение может быть улучшено посредством комбинирования финансовой дипломатии и межличностных связей. Оба указанных метода были определены в качестве областей сосредоточения усилий этих иностранным держав по улучшению позиций в странах ЦЮА в будущем. Для сравнения, если лидеры стран проявляли положительное отношение к России и Индии, они в большей степени приписывали его долговременным социальным или исторически сложившимся связям. Однако существует риск того, что текущее положение в будущем может измениться. По мере того, как страны ЦЮА стремятся обеспечить свой выход из сферы влияния России или Индии, их граждане все в большей степени используют возможности обучения за рубежом в КНР, а также демонстрируют готовность к изучению английского и китайского языков, позволяющих получить более значительные экономические выгоды. В то время как Россия и Индия полагаются на инерцию прошлых культурных связей, США и КНР создали по всему региону большое число языковых и культурных центров.

Очевидно, что Пекин в течение последних двух десятилетий активизировал деятельность по укреплению экономических, социальных и неформальных связей со странами ЦЮА. Эти связи ведут к усилению взаимозависимости с КНР, что может как способствовать реализации возможностей, так и ограничивать возможности стран ЦЮА, в то же время содействуя устранению или снижению влияния таких региональных конкурентов, как Россия, Индия и США. Тем не менее, это не обязательно означает способность Пекина трансформировать ресурсы публичной дипломатии в реальное влияние, способствующее продвижению его интересов в сфере экономики, безопасности и геополитики. Пекину также приходится иметь дело с определенными сильными оппозиционными настроениями внутри страны, с антикитайской критикой в странах ЦЮА, а также со стороны таких стратегических конкурентов, как Россия, Индия и США, которые стремятся предотвратить снижение своего влияния в регионе под натиском КНР в борьбе за первенство.

В условиях жесткого давления в виде требований устранить сохраняющиеся проявления неравенства в стране, лидеры КНР в течение прошлого года предпринимали неоднозначно воспринимаемые шаги с целью «усиления государственного контроля» над китайской экономикой (разворачивая наступление на самостоятельность технологических компаний и владельцев крупного частного капитала) с целью достижения «всеобщего процветания», как заявил председатель КНР Си Цзиньпин (Hass, 2021 г.). Годовые темпы экономического роста КНР снижались еще до начала пандемии (Всемирный банк, 2021 г.), и неясно, как могут повлиять на долгосрочные тенденции последние действия власти по установлению контроля над некоторыми наиболее динамичными секторами экономики (Winck и Kiersz, 2021 г.). Если эти тенденции являются предвестниками того, что у Пекина будет меньше желания или возможностей использовать свои финансовые ресурсы на осуществляемые под руководством государства мероприятия в сфере экономики и реализацию принципа «мягкой силы» за рубежом, то это может создать благоприятную ситуацию для его стратегических конкурентов, если лидеры и граждане стран ЦЮА станут рассматривать КНР как государство, предоставляющее менее привлекательные экономические возможности для их стран.

Мы установили, что даже если КНР продолжит укреплять экономические, социальные и неформальные связи со странами ЦЮА на текущем уровне, Пекин не всегда способен контролировать принятие и восприятие его деятельности в сфере публичной дипломатии целевыми аудиториями. По мере того, как страны ЦЮА ближе знакомятся с инвестициями КНР в их экономику и с ее средствами реализации принципа «мягкой силы» и получают больше информации о них, появляются примеры, когда это, судя по всему, приносит Пекину существенные дивиденды в плане репутации, экономики и безопасности. Однако возможен также обратный результат, если визиты на высоком уровне вызовут противоречивое отношение к КНР, ее финансовая дипломатия приведет к общественным дебатам о задолженности, «дипломатия волков-воинов» в социальных сетях вызовет резкую негативную реакцию, а культурная дипломатия приведет к появлению обвинений Пекина во вмешательстве в академическую добросовестность местных школ и университетов. Несомненно, страны ЦЮА могут также воспользоваться конкуренцией великих держав с выгодой для себя, используя инициативы КНР для привлечения предложений конкурентов с целью обеспечения более выгодных условий соглашений и в целях подстраховки.

Неясно, в какой степени стратегические конкуренты КНР готовы действительно подкреплять свою обострившуюся риторику об усилении конкуренции между великими державами материальными инвестициями в укрепление их собственных экономических, социальных и неформальных связей со странами ЦЮА. США, Россия и Индия все еще пытаются справиться с последствиями пандемии COVID-19, а также с давлением общества на лидеров с целью решения вопросов неравенства в этих странах (Siripurapu, 2020 г.; Cullen, 2020 г.; Ghosh, 2021 г.), которые ограничивают их готовность к активизации собственной публичной дипломатии за рубежом. России и Индии в этой области способствует инерция долгосрочных социальных и культурных связей. США имеют преимущество в силу существенного влияния доллара США как «фактической мировой валюты» (Amadeo, 2020 г.; МВФ, 2021 г.), использования английского языка в качестве «мирового языка международного общения» (Chan, 2018 г.) и наличия сильного чувства неприятия потерь, поскольку США стремятся не допустить утраты влияния в пользу КНР, являющейся их наиболее сильным конкурентом.

Возможно, более очевидным является то, что великая держава, способная наиболее эффективно координировать свои действия с целью стабильного развития многогранных связей со странами ЦЮА — при взаимном укреплении экономических, социальных и неформальных связей — будет иметь в долгосрочной перспективе более выгодную позицию в борьбе за влияние в регионе. Это дает еще больше оснований для проведения в будущем исследований с целью дальнейшего мониторинга взаимодействия КНР со странами ЦЮА не только в абсолютных показателях, но и в сравнении с ее стратегическими конкурентами, а также с целью оценки того, как эти инициативы трансформируются в реальное влияние для продвижения интересов в сфере экономики, безопасности и геополитики. В данном отчете мы лишь поверхностно затронули эту динамику, но надеемся, что полученные результаты станут надежным фундаментом как для проведения предметной дискуссии в обществе, так и для реализации следующего этапа скрупулезных исследований влияния великих держав.

[101] Напомним, что в главе 2 мы распределили стратегии публичной дипломатии КНР на субнациональном уровне по трем группам стран: стратегия «уклонения» предусматривает очень незначительный объем мероприятий в рамках публичной дипломатии Китая; стратегия «извлечения» применяется в отношении стран, имеющих ценные природные ресурсы и расположенных вблизи стратегических транспортных маршрутов; а стратегия «побуждения» предназначена для стран, которые предоставляют Китаю экономические возможности, такие как маршруты транспортировки, но при этом имеют ограниченные запасы нефти и природного газа.

Список использованной литературы

Abbhi, A. (2016). TAPI – An Innocent Pipeline or a Strategic Sword? E-International Relations. Retrieved October 27, 2021 from https://www.e-ir.info/2016/02/12/tapi-an-innocent-pipeline-or-a-strategic-sword/.

Agarwal, A. (2021). Given China's Ascendancy, Can India Really Afford to Abandon SAARC? November 16, 2021. https://www.statecraft.co.in/article/given-china-s-ascendancy-can-india-really-afford-to-abandon-saarc

Amadeo, K. (2020). Why the US Dollar is the Global Currency. The Balance. Updated July 23, 2020. https://www.thebalance.com/worldcurrency-3305931#:~:text=According%20to%20the%20International%20Monetary,t%20hold%20an%20official%20title.

Ameyaw-Brobbey, T. (2021). A Critical Juncture? COVID-19 and the Fate of the US–China Struggle for Supremacy. World Affairs, 184(3), 260-293.

Baruah, D. M. (2018). India's Answer to the Belt and Road: A Road Map for South Asia.

Blair, R. A., Marty, R., & Roessler, P. (2019). Foreign Aid and Soft Power: Great Power Competition in Africa in the Early 21st Century [Working Paper]. https://www.aiddata.org/publications/foreign-aid-and-soft-power-great-power-competition-inafrica-in-the-early-21st-century

Borgatti, S. P., Everett, M. G., & Johnson, J. C. (2018). Analyzing social networks. Sage.

Brazys, S. and Dukalskis, A. (2019). Grassroots Image Management: Confucius Institutes and Media Perceptions of China. AidData Working Paper #69. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary.

Bryza, M. (2020). The Greater Caspian region: A new Silk Road, with or without a new belt. Atlantic Council. Retrieved October 27, 2021 from https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/the-greater-caspian-region-a-new-silk-roadwith-or-without-a-new-belt/.

Business Standard. (2021). Pakistan, Russia sign pact for 1,100-km gas pipeline from Karachi to Lahore. Business Standard. Retrieved October 27, 2021 from https://www.business-standard.com/article/international/pakistan-russia-sign-pactfor-1-100-km-gas-pipeline-from-karachi-to-lahore-121071600905_1.html.

Campbell, K. M., & Doshi, R. (2020). The coronavirus could reshape global order. Foreign Affairs, 18(3).

Cappelletti, A. (2019). Between centrality and re-scaled identity: A new role for the Chinese state in shaping China's image abroad. Chinese Political Science Review, 4(3), 349-374.

Chan, K. (2018). Is the English Language too Powerful? November 2, 2018. World Economic Forum blog. https://www.weforum.org/agenda/2018/11/is-english-too-powerful/.

Chaudhary, A. K., & Warner, L. A. S. (2015a). Introduction to Social Network Research: General Introduction and Major Terminology: AEC533/WC195, 2/2015. EDIS, 2015(3), 5-5.

Chaudhary, A. K., & Warner, L. A. (2016). Introduction to social network research: brokerage typology. IFAS Extension. University of Florida. Accessed April.

Chaudhary, A. K., & Warner, L. A. (2015b). Introduction to Social Network Research: Application of Social Network Analysis in Extension 1. IFAS Ext. Univ. Florida, 1.

CAFSA. (2010). A Brief Introduction to the Data of Studying Abroad in China in 2010. December 13, 2010. China Association for International Education. http://www.cafsa.org.cn/research/show-194.html

Chennai Institute of Technology. (2021). Sino India Luban Workshop. https://www.citchennai.edu.in/sino-india-lubanworkshop/

Cheung, F. M., & Hong, Y. Y. (Eds.). (2018). Regional Connection Under the Belt and Road Initiative: The Prospects for Economic and Financial Cooperation. Routledge. https://library.oapen.org/bitstream/id/8ad92aa6-228f-4636-9c32-1c0c68217853/9780429467172_oachapter5.pdf.

China MoE. (2016). Education Action Plan for the Belt and Road Initiative. https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/30277.htm

China MFA. (2021). Wang Yi Talks about Eight-point Consensus and Ten Outcomes of "China+Central Asia" Foreign Ministers' Meeting. https://www.mfa.gov.cn/ce/celr//eng/zgyw/t1875501.htm.

China MoE. (2018). Luban Workshop - China's Vocational Education Going Global. May 10, 2018. http://en.moe.gov.cn/Specials/Specials_40th/Achievements/201805/t20180531_337956.html

China State Council. (2014). Decision of the State Council on Accelerating the Development of Modern Vocational Education State Development. No. 19. http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/22/content_8901.htm

CIUS Center. (2020). Clarity Around Name Change. https://www.ciuscenter.org/clarity-around-name-change/

Cullen, M. (2020). The Rise of Income Inequality in Russia. April 22, 2020. The Borgen Project. https://borgenproject.org/income-inequality-in-russia/.

Custer, S., Sethi, T., Solis, J., Lin, J., Ghose, S., Gupta, A., Knight, R., and A. Baehr. (2019a). Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing's toolkit to influence South and Central Asia. December 10, 2019. Williamsburg, VA. AidData at William & Mary.

Custer, S., Prakash, M., Solis, J., Knight, R., and J. Lin. (2019b). Influencing the Narrative: How the Chinese government mobilizes students and media to burnish its image. Williamsburg, VA. AidData at William & Mary.

Custer, S., Sethi, T., Knight, R., Hutchinson, A., Choo, V., and M. Cheng. (2021a). Listening to Leaders 2021: A Report Card for Development Partners in an Era of Contested Cooperation. Williamsburg, VA: AidData at the College of William & Mary.

Custer, S., Dreher, A., Elston, T.B., Fuchs, A., Ghose, S., Lin, J., Malik, A., Parks, B.C., Russell, B., Solomon, K., Strange, A., Tierney, M.J., Walsh, K., Zaleski, L., and Zhang, S. 2021. *Tracking Chinese Development Finance: An Application of AidData's TUFF 2.0 Methodology*. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary.

Custer, S. and M. Tierney. (2019). "China's Global Development Spending Spree: Winning the World One Yuan at a Time?, In: Strategic Asia 2019: China's Expanding Ambitions, by Ashley J. Tellis, Alison Szalwinski, and Michael Wills, eds. (National Bureau of Asian Research: Washington, DC).

Dawn (2018). Teaching mandarin. Dawn. March 4, 2018. https://www.dawn.com/news/1393055

Development Initiatives. (2020). Global Humanitarian Assistance Report 2020. https://devinit.org/documents/776/Global-Humanitarian-Assistance-Report-2020.pdf

Devonshire-Ellis, C. (2021). China-Central Asia Conference: Analysis. May 14, 2021. https://www.silkroadbriefing.com/news/2021/05/14/the-china-central-asia-conference-analysis/

Dollar, D. (2015). China's Rise as a Regional and Global Power: The AIIB and the One Belt and One Road. Brookings Institution. July 15, 2015.

Domain B. (2018). Amidst CPEC push, Pakistan makes China's Mandarin an official language. Domain B, 20 February 2018.

Doshi, R. (2021, August 2). The long game: China's grand strategy to displace American order. Brookings. https://www.brookings.edu/essay/the-long-game-chinas-grand-strategy-to-displace-american-order/

Dreher, A., Fuchs, A., Hodler, R., Parks, B., Raschky, P. and M. Tierney. (2016). "Aid on Demand: African Leaders and the Geography of China's Foreign Assistance". AidData Working Paper #3. AidData: College of William & Mary. October 2016. Retrieved from: https://www.aiddata.org/publications/aid-on-demand-african-leaders-and-thegeography-of-chinas-foreignassistance

The Economic Times. (2019). Compulsory Mandarin in Nepal's schools to make Himalayan state "China ready" for BRI. The Economic Times, 19 June 2019.

Enerdata. (2009-2021). Total Energy Consumption 1990-2020 - Benchmark Countries. Global Energy Statistics Yearbook. https://yearbook.enerdata.net/total-energy/world-consumption-statistics.html.

Fotheringham, A., Brunsdon, C., & Charlton, M. (2002). Geographically weighted regression: the analysis of spatially varying relationships. John Wiley.

Freeman, L. C. (1978). Centrality in social networks conceptual clarification. Social Networks, 1(3), 215-239.

Fuchs, A., Kaplan, L. C., Kis-Katos, K., Schmidt, S., Turbanisch, F., & Wang, F. (2020). Mask Wars: China's Exports of Medical Goods in Times of COVID-19. SSRN Electronic Journal. https://doi.org/10.2139/ssrn.3661798.

Gautam, U. (2021). China-South Asia cooperation: Sky's the limit. Annapurna Express. November 13, 2021. https://theannapurnaexpress.com/news/china-south-asia-cooperation-skys-the-limit-3758.

Gauttam, P., Singh, B., & Chattu, V. K. (2021). Higher Education as a Bridge between China and Nepal: Mapping Education as Soft Power in Chinese Foreign Policy. Societies, 11(3), 81.

Ghimire, B. and A. Pathak. (2021). China Is Providing an Alternative Regional Framework for South Asia. https://thediplomat.com/2021/07/china-is-providing-an-alternative-regional-framework-for-south-asia/

Ghosh, N. (2021). Is increasing wealth inequality coming in the way of economic growth in India? October 21, 2021. Observer Research Foundation. https://www.orfonline.org/expert-speak/is-increasing-wealth-inequality-coming-in-the-wayof-economic-growth-in-india/.

Glaser, B.S. and A. Small. (2021). China's Goals after the US Withdrawal from Afghanistan. August 27, 2021. German Marshall Fund of the United States.https://www.gmfus.org/news/chinas-goals-after-us-withdrawal-afghanistan

Goble, P. (2016). Ethnic Russians Leaving Central Asia and With Them, Putin's Hopes for Influence (Volume 13, Issue 22; Eurasia Daily Monitor). https://jamestown.org/program/ethnic-russians-leaving-central-asia-and-with-them-putins-hopes-forinfluence/

Goldsmith, B. E., & Horiuchi, Y. (2012). In Search of Soft Power: Does Foreign Public Opinion Matter for US Foreign Policy? World Politics, 64(3), 555–585. https://doi.org/10.1017/S0043887112000123.

Goldsmith, B. E., Horiuchi, Y., & Matush, K. (2021). Does Public Diplomacy Sway Foreign Public Opinion? Identifying the Effect of High-Level Visits. American Political Science Review, 115(4), 1342–1357. https://doi.org/10.1017/S0003055421000393.

Giri, A. (2021). China aims to create an alternative regional bloc in South Asia. July 11, 2021. https://kathmandupost.com/national/2021/07/11/china-aims-to-create-an-alternative-regional-bloc-in-south-asia

Government of Maldives (2019). https://presidency.gov.mv/Press/Article/20728

Gould, R. V., & Fernandez, R. M. (1989). Structures of mediation: A formal approach to brokerage in transaction networks. Sociological methodology, 89-126.

Haas, R. (2021). Assessing China's "common prosperity" campaign. September 9, 2021. Brookings Institution. https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/09/09/assessing-chinas-common-prosperity-campaign/

Haq, M. (2021). Russia warms to Pakistan after three decades of cold ties. Nikkei Asia. Retrieved October 27, 2021 from https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Russia-warms-to-Pakistan-after-three-decades-of-cold-ties.

Hartley, A.P. (2019). Drastic Slowdown in the Number of International Students Choosing China. April 23, 2019. The Beijinger. https://www.thebeijinger.com/blog/2019/04/23/slowdown-number-international-students-choosing-china

Hernández, E., Anduiza, E., & Rico, G. (2021). Affective polarization and the salience of elections. Electoral Studies, 69, 102203. https://doi.org/10.1016/j.electstud.2020.102203.

Hillman, J. and D. Sacks. (2021). China's Belt and Road: Implications for the United States. Independent Task Force Report No. 79. Council on Foreign Relations.

Hornby, L. and T. Hancock. (2018). China Pledge of $60bn Loans to Africa Sparks Anger at Home. Financial Times. September 4, 2018.

Huanxin, Z. (2021). Wang: China ready to work with US on Afghanistan 'soft landing'. August 17. 2021. China Daily. https://www.chinadailyhk.com/article/233764#Wang:-China-ready-to-work-with-US-on-Afghanistan-'soft-landing'.

Hussain, M. (2021). CPEC and Geo-Security Behind Geo-Economics: China's Master Stroke to Counter Terrorism and Energy Security Dilemma. East Asia, 1-20.

Hydrocarbons Technology. (2021). Galkynysh Gas Field. Retrieved October 29, 2021 from https://www.hydrocarbonstechnology.com/projects/galkynysh-gas-field-turkmenistan/.

International Money Fund. (2021). "Table 1: World Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves." Accessed December 4, 2021. https://data.imf.org/regular.aspx?key=41175.

International Business Council. (2019). Robin Ord-Smith Appointed Business Ombudsman of Kyrgyzstan. August 19, 2019. http://www.ibc.kg/en/news/ibc/4548_robin_ordsmith_appointed_business_ombudsman_of_kyrgyzstan

IFC. (n.d.). Harnessing Nepal's Hydropower for Energy Starved South Asia. International Finance Corporation Blog. https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/news_ext_content/ifc_external_corporate_site/news+and+events/news/nepal+hydropower.

Jain, R. (2021). China's Soft Power and Higher Education in South Asia: Rationale, Strategies, and Implications. Routledge.

Jardine, B. (2019, October 16). Why are there anti-China protests in Central Asia? Washington Post. https://www.washingtonpost.com/politics/2019/10/16/why-are-there-anti-china-protests-central-asia/

Johnston, N. (2019). The Beginning of the US Endgame in Afghanistan. The Diplomat. Retrieved October 27, 2021 from https://thediplomat.com/2019/01/the-beginning-of-the-us-endgame-in-afghanistan/

Kardon, I. (2020). China's Geopolitical Gambit in Gwadar. Wilson Center. Retrieved October 22, 2021 from https://www.wilsoncenter.org/blog-post/chinas-geopolitical-gambit-gwadar.

Kathmandu Post. (2019). If SAARC members can't get along, perhaps it is time to call it quits. December 10, 2019. https://kathmandupost.com/editorial/2019/12/10/if-saarc-members-can-t-get-along-perhaps-it-is-time-to-call-it-quits

Kratz, A., Feng, A., and L. Wright. (2019). New Data on the "Debt Trap" Question. April 29, 2019. Retrieved from: https://rhg.com/research/new-data-on-the-debt-trap-question/

Krishnan, A. (2020). The Hindu Explains What are Confucius Institutes and Why They Under the Scanner in India. August 9, 2020. https://www.thehindu.com/news/national/the-hindu-explains-what-are-confucius-institutes-and-why-are-they-underthe-scanner-in-india/article32306693.ece

Kumar, R. (2020). Nepal-China Agreements are Stuck. Nepali Times. October 19, 2020. https://www.nepalitimes.com/latest/nepal-china-agreements-are-stuck/.

Kuo, L. (2019). China's Envoys Try Out Trump-Style Twitter Diplomacy. July 16, 2019. The Guardian. https://www.theguardian.com/world/2019/jul/17/truth-hurts-chinas-envoys-experiment-with-trump-style-twitter-diplomacy

Kurlantzick, J. (2007). Charm offensive: How China's soft power is transforming the world. New Haven, CT: Yale University Press.

Li, A. (2018). "One Belt One Road" and Central Asia: A New Trend in Internationalization of Higher Education?. International Higher Education, (92), 14-16.

Li, X., & Z. Yuwen. (2016). A blueprint for China's neighborhood diplomacy. The Diplomat. March 30, 2016. https://thediplomat.com/2016/03/a-blueprint-for-chinas-neighborhood-diplomacy/

Liu X. (2019). Growing trend of learning Chinese strengthens China-Kyrgyzstan ties, Global Times, 19 June. Accessed at: http://www.globaltimes.cn/content/1154828.shtml.

Malik, A., Parks, B., Russell, B., Lin, J., Walsh, K., Solomon, K., Zhang, S., Elston, T., and S. Goodman. (2021). Banking on the Belt and Road: Insights from a new global dataset of 13,427 Chinese development projects. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary.

MHRD. (2020). Government of India National Education Policy 2020. Ministry of Human Resource Development.

Government of India. https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/NEP_Final_English_0.pdf.

Mostafa, G., & Mahmood, M. (2018). Eurasian Economic Union: Evolution, challenges and possible future directions. Journal of Eurasian Studies, 9(2), 163–172. https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.05.001.

Müller, S., BrazysS, S., & Dukalskis, A. (2021). Discourse Wars and 'Mask Diplomacy.' 70.

Nye, J. S. (1990). Soft Power. Foreign Policy, 80, 153–171. https://doi.org/10.2307/1148580

Nye, J. S. (2003). The paradox of American power: Why the world's only superpower can't go it alone. Oxford University Press.

Nye, J.S. (2011). The future of power. New York: PublicAffairs.

Nye, J.S. (2021). With China, a Cold War Analogy is Lazy and Dangerous. November 2, 2021. New York Times. https://www.nytimes.com/2021/11/02/opinion/biden-china-cold-war.html

Opalinski, 2020. China's Luban Workshops and BRI: Emerging Patterns. March 20, 2020. Institute of Peace and Conflict Studies. http://www.ipcs.org/comm_select.php?articleNo=5662

Parwani, S. (2021). The TAPI Pipeline in Post-U.S. Withdrawal Afghanistan. South Asian Voices. Retrieved October 27, 2021 from https://southasianvoices.org/the-tapi-pipeline-in-post-u-s-withdrawal-afghanistan/.

Press Trust of India (2019). Nepal schools make Mandarin compulsory after China offers to pay teachers' salaries. Press Trust of India, 15 June 2019.

RFE/RL. (2019). British Ambassador Becomes Kyrgyzstan's Business Ombudsman. June 19, 2019. https://www.rferl.org/a/former-british-ambassador-becomes-kyrgyzstan-s-business-ombudsman/30008229.html

Rolland, N. (2019). A concise guide to the Belt and Road Initiative. The National Bureau of Asian Research, 11.

Rose, A. K. (2016). Like Me, Buy Me: The Effect of Soft Power on Exports. Economics & Politics, 28(2), 216–232. https://doi.org/10.1111/ecpo.12077

Ruoxiang, W. A. N. G. (2020). A Study on the Cooperation Modes of Higher Vocational Education of China. International Journal of New Developments in Education, 2(8).

Sachdeva, G. (2018). Indian perceptions of the Chinese Belt and Road initiative. International Studies, 55(4), 285–296.

Safdar, M. T. (2021, June 2). The Local Roots of Chinese Engagement in Pakistan. Carnegie Endowment for International Peace. https://carnegieendowment.org/2021/06/02/local-roots-of-chinese-engagement-in-pakistan-pub-84668

Salvi, S. L. (2017). INDIA'S 'SOFT POWER' APPROACH TOWARDS CENTRAL ASIA: CHALLENGES AHEAD.

Schleibs, M., Bailey, H., Bright, J., and P.N. Howard. China's Public Diplomacy Operations. Understanding Engagement and Inauthentic Amplification of PRC Diplomats on Facebook and Twitter. Dem. Tech Working Paper. 2021.1 May 11, 2021. https://demtech.oii.ox.ac.uk/wp-content/uploads/sites/127/2021/05/Chinas-Public-Diplomacy-Operations-Dem.Tech-Working-Paper-2021.1-4.pdf

Scobell, A. (2021). China and the US Exit from Afghanistan: Not a Zero-Sum Outcome. September 22, 2021. US Institute for Peace. https://www.usip.org/publications/2021/09/china-and-us-exit-afghanistan-not-zero-sum-outcome

Scobell, A., Ratner, E. & Beckley, M. (2014). China's Strategy Toward South and Central Asia: An Empty Fortress. Santa Monica, CA: RAND Corporation.

Shi, X., & Hoebink, P. (2020). From Chengdu to Kampala: the role of subnational actors in China's Foreign Aid. Journal of Contemporary China, 29(121), 125-140.

Shrinkman, P.D. (2021). Violence Undermines China's Plans in Afghanistan, Risks Luring it Into a Quagmire. October 14, 2021. US News and World Report. https://www.usnews.com/news/world-report/articles/2021-10-14/afghanistan-quagmirethreatens-to-lure-in-china.

Shlapentokh, D. (2021, September 13). Kazakhstan, Distancing from Russia, Courts Ethnic Russians. http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13682-kazakhstan-distancing-from-russia-courts-ethnicrussians.html

Singh, J. P., & MacDonald, S. (2017). Soft power today: Measuring the influences and effects. Edinburgh: The Institute for International Cultural Relations, The University of Edinburgh.

Siripurapu, A. (2020). The US Inequality Debate. CFR Backgrounder. Updated July 15, 2020. https://www.cfr.org/backgrounder/us-inequality-debate.

Stronski, P., & Ng, N. (2018, February). Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic. Carnegie Endowment for International Peace. https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673

Swarajya. (2021). Sri Lanka: Chinese Mandarin Replaces Tamil On Sign Boards, Lankans Express Fears Of China's Cultural Hegemony. Swarajya, 28 May 2021.

TEDA. (2021). [Tianjin Daily] Five-year development and exploration of the national brand project "Luban Workshop" (Picture) Tianjin Luban Workshop Research and Promotion Center https://www.teda.gov.cn/contents/3952/121717.html

Thompson, W. (2001). Identifying Rivals and Rivalries in World Politics. International Studies Quarterly, 45, 557-586.

Thompson, W., & Dreyer, D. (2011). Handbook of International Rivalries: 1494-2010. CQ Press.

Tischler, M. (2020). China's 'Never Again' Mentality. The Diplomat. August 18, 2020. https://thediplomat.com/2020/08/chinas-never-again-mentality/.

Twitter Safety. (2020). Disclosing networks of state-linked information operations we've removed. June 12, 2020. https://blog.twitter.com/en_us/topics/company/2020/information-operations-june-2020

Vlasenko, L., & Kravets, K. O. (2019, November). Expanding the «Bamboo Network»: Diaspora, Language, and Culture as Components of PRC's External Trade Policy. In International Scientific Conference Anti-Crisis Management: State, Region, Enterprise, Le Mans, France: Zenodo. http://doi. org/10.5281/zenodo (Vol. 4678728, p. 22).

Vogt, M., Bormann, N.-C., Rüegger, S., Cederman, L.-E., Hunziker, P., & Girardin, L. (2015). Integrating Data on Ethnicity, Geography, and Conflict: The Ethnic Power Relations Data Set Family. Journal of Conflict Resolution, 59(7), 1327–1342. https://doi.org/10.1177/0022002715591215

Wang, H. (2016). A Deeper Look at China's Going Out Policy. Centre for International Governance Innovation. March 2016.

Watts, C. (2020). Triad of Disinformation: How Russia, Iran, and China Ally in a Messaging War Against America. May 15, 2020. GMFUS Blog. https://securingdemocracy.gmfus.org/triad-of-disinformation-how-russia-iran-china-ally-in-amessaging-war-against-america/

Weaver, D. (1991). Issue salience and public opinion: Are there consequences of agenda-setting? International Journal of Public Opinion Research, 3(1), 53–68. https://doi.org/10.1093/ijpor/3.1.53

Welch, A. (2018). Global ambitions: Internationalization and China's rise as knowledge hub. Frontiers of Education in China, 13(4), 513-531.

Wike, R., Fetterolf, J., & Mordecai, M. (2020). US image plummets internationally as most say country has handled coronavirus badly. Pew Research Center, 15.

Winck, B. and A. Kiersz. (2021). The US has a chance to put China in its economic rearview mirror because of 'awkward regime shift', BofA says. Business Insider. November 1, 2021. https://www.businessinsider.com/china-regime-shift-useconomic-race-evergrande-crisis-slow-growth-2021-11.

World Bank. (2021). The World Bank in China: Overview. Updated October 12, 2021. https://www.worldbank.org/en/country/china/overview#1.

Wuthnow, J. (2019). "China's Belt and Road: One Initiative, Three Strategies.", In: Strategic Asia 2019: China's Expanding Ambitions, by Ashley J. Tellis, Alison Szalwinski, and Michael Wills, eds. (National Bureau of Asian Research: Washington, DC).

Wuthnow, J. (2017). Chinese perspectives on the Belt and Road Initiative: strategic rationales, risks, and implications. National Defense University Press Washington, DC.

Xi, Chen. (2020). New NGO to operate China's Confucius Institutes, 'disperse misinformation'. July 5, 2020. Global Times. https://www.globaltimes.cn/content/1193584.shtml

Xinhua. (2019). Chinese technical team to conduct petroleum exploration work in Nepal. June 26, 2019. Xinhua. http:// www.xinhuanet.com/english/2019-06/26/c_138174928.htm.

Yalun, A. (2019). International Promotion of Chinese Language in the New Era. International Education Studies, 12(7), 67-79.

Yan, A. (2021). China's foreign students beg Beijing to allow them to return to the country to resume university study. September 7, 2021. South China Morning Post. https://www.scmp.com/news/people-culture/social-welfare/article/3147822/chinas-foreign-students-beg-beijing-allow-them

Yau and van der Kley. (2021). China's Global Network of Vocational Colleges to Train the World. November 11, 2021. The Diplomat. https://thediplomat.com/2021/11/chinas-global-network-of-vocational-colleges-to-train-the-world/Zhang, Yunbi. (2021). China, South Asian neighbors to build emergency supplies reserve. April 28, 2021. China Daily. http://global.chinadaily.com.cn/a/202104/28/WS60889799a31024ad0babad38.html

Zhao, H. (2019). A study on International Specialty Standards and Curriculum System Paths of Creating "Luban Workshop".

Zhou. Y. and Luk, S. (2016). Establishing Confucius Institutes: a tool for promoting China's soft power? Journal of Contemporary China, 2016 VOL . 25, NO . 100, 628–642.